

A woman with long, flowing red hair is riding a brown horse through a snowy mountain landscape. She is wearing a green tunic and a grey fur cape. The horse is galloping, and the woman is looking back over her shoulder. The background shows snow-capped mountains under a clear blue sky.

Куадана

Последний
осколок

Да начнется битва!

Вот и настал момент, когда все карты открыты, маски сброшены, а чувства оголены. Сотня. Именно столько было дано рожденному миру. Осталась одна, обреченная нести облегчение всем живым, кроме себя. Она — скорбящая. Суардана Дэнитар. В ее прошлом одна боль. Быть может будущее не столь жестоко?

Враг копит силы, и банши предстоит собрать армию, объединить расы и успеть вернуться в свой дом — Долину Трех лучей, пока его не захватило древнее могущественное существо — Milva. В этом ей помогут друзья и двое возлюбленных. Но к кому чувства живы и бьют ключом, а к кому безвозвратно угасли. Дане придется сделать окончательный выбор. Правильный ли?

Глава 1 Хочешь изменить прошлое, измени будущее

Есть вещи хуже смерти,
А смерть лишь избавленье.
Но тот по-настоящему силен,
Кто не поддался искушенью.

Ночь — темная госпожа, что прячет в своих объятьях тысячи секретов. Она стремится скрыть пороки мира и его несовершенство за своей мглой. Но полный мрак не наступает. Глухую тьму рвет тусклый свет потухшей звезды Затхи, яркий спутника Руи и желтый Тоны, сестры близнеца Уны, что сегодня сокрыта и явит свой лик не скоро. Три спутницы этого мира освещали границу королевства Марон и Хрустального леса с разных сторон. И даже все видящие звезды будто сияли в эту ночь лишь для двоих. Тех, кто нашел друг друга сквозь время, беспамятство и безумие. Двух друзей, возлюбленных и двух правителей долины.

— Атар... — трясущимися губами я произносила забытое на многие весны имя, что так будоражило мою кровь, — жив...

Воин подошел ко мне вплотную. Изумрудные глаза влажно блестели, излучая безграничную радость, но лицо было непоколебимо, как и характер мага. Я осторожными касаниями дотронулась до его щек, невесомо водя ладонями по лицу прошлого любимого. Аккуратные полукружья пепельных бровей, одинокая морщинка делит высокий лоб, виски с извечно длинными прядями обрамляют овальное лицо. Ряд спутанных белоснежных ресниц, по которым скользит кончик моего пальца, заставляя Атара зажмуриться. Узкий, прямой нос с широкими крыльями, я всегда считала его слишком аристократичным для воина-кочевника. Мягкий переход к пухлым, карамельным губам, что всегда слегка сухие и грубые, но невероятно мягки в поцелуе. Пожалуй, широкий квадратный подбородок самая яркая черта, выдающая принадлежность к Кашир. Все это я трепетно вновь изучала руками, проводя по несколько раз и боясь потерять телесную связь. Ведь тогда он станет лишь моим воображением.

— Перестань дрожать, жрица, — тихо проговорило видение, — ты же всегда была самой стойкой из нас.

Он наклонился, смежив веки, и припал своим лбом к моему. Я могла бы стоять так вечно, лишь бы не нарушить то хрупкое равновесие, что родилось сейчас. У нас куча проблем, недопонимание и ворох врагов, но это все там. А здесь я и он. Запах раскаленного полуденным солнцем песка и свежесть гуляющего по прериям ветра. Я жадно вдыхала родной аромат, что исходил от загорелой кожи кочевника, и грезил о былых днях. Это дивный сон, и я не хочу просыпаться. Крепкие, мозолистые руки кузнеца осторожно, будто боясь причинить боль, легли на талию и медленно скользнули на спину, прижимая чуть ближе к стоящему мужчине.

— Дана...

Кто-то осторожно позвал меня, врываясь в нашу изоляцию. Я понимала, что нужно ответить, но сил оторваться от нахлынувших воспоминаний и чувств не было.

— Дана, ты вспомнила? — это совершенно точно феникс.

— Да, рубин, — я разорвала прикосновение и повернулась к ошарашенным свидетелям

моего срыва и возвращения, — я помню все.

Я видела, как задрожал подбородок принца, но он сдержался, позволив себе лишь скованно улыбнуться. Я понимала его. Феникс знал, что я никогда не вспомню его. Он пошел на эту жертву, чтобы спасти мне жизнь, и никак не мог предположить, что память вернется ко мне. Безграничное счастье сейчас владело им, как и нами.

— Ты спасла меня, — воин уткнулся носом мне в макушку.

— Да. Ты умирал, Атар. Мне пришлось убить ту часть тебя, что создала долину и жила в ней. Ты стал диким, высокомерным кочевником, не знающим чувств, каким был до знакомства со мной. Потом провал в тысячу весен. Вторая личность возникла сама по себе. Я и не предполагала, что ты попадешь в рабство и станешь сумасшедшим. Твоя прошлая личность должна была взять верх.

— Тебя не было рядом, и постепенно жизнь начала утекать из меня. Я бы умер, не встретив тебя в том переулке. Вовремя.

— Су, — этот голос я узнаю из тысячи, но рычащие вибрации, что сейчас четко слышались, не были свойственны ему.

Я нашла взглядом Широ и застыла. Горящие синим огнем глаза смотрели на меня через узкую полоску зрачка и будто пронизывали насквозь. Пшеничный водопад кончиками касался пят эльфа, волнами струясь по спине и груди. Так как губы не были сомкнуты, я четко рассмотрела клыки, но не такие как у дроу, а более хищные и острые. Уши вытянулись чуть сильнее и покрылись золотистым пушком, а на концах длинных пальцев то втягивались, то снова выходили загнутые дугой когти. Не зря разрез глаз у Широ мне всегда казался кошачьим.

— Ma ah le? — произнесла и тут же прикрыла рот ладонью. Я знаю эльфийский!

— Thenin nif, melda.

Я вздрогнула. Как он меня назвал? Любимая? Но я слышала это слово сотни раз от эльфа. Оно не может переводиться так. У меня, скорее всего, ошибочное восприятие языка от потери памяти.

— Ты все правильно расслышала, — говорил серьезно светлый, или кто он там.

— Что значит, истинный облик? — перевела я разговор на интересующую меня тему, не спеша отходить от Атара. Тот почему-то молчал.

— Мой отец — светлый эльф, мать — истинный оборотень. Ее вторая ипостась — иссиня-черный таар. Моя же — солнечный таар. Но в силу того, что я полукровка, полная трансформация мне недоступна.

— Так ты не дроу? — продолжила удивляться я.

— Нет, Су. Я оборотень. Моя основная магия не стихия воды, а некромантия. Я сильнейший в этом мире носитель магии смерти, — он спокойно все разъяснял, медленно теряя все свои хищные черты и возвращая прежний облик.

— Ты хотел убить меня? — что-то щелкнуло в голове, и я задала нужный вопрос.

— Да, — Широ не отпирался.

— Пятьсот весен назад? — я сразу подумала о тех воспоминаниях, что случайно попали ко мне от эльфа и проявились в подпространстве блуждающего портала, что закинул меня к дроу.

— Да, но не смог. Сегодня я этого тоже не сделал, — его скулы напряглись. Эта слабость злила его.

— Я устала, мы можем отдохнуть? — мне вдруг стало очень тяжело стоять, да и все

события навалились. Нужно привести голову в порядок.

— Нападавшие мертвы. Уйдем подальше и разобьем лагерь, — скомандовал эльф и, нервно дернув плечом, ушел помогать Баску и Альхерту.

Кельпи медленно побрели за компанию, остальные просто завалились на траву.

— Нам надо попасть в долину, — вдруг прошептал Атар.

— Знаю. Как только доберемся до дворца, оставим всех и уйдем. Я должна увидеть, что осталось от Трех лучей.

— Ты же все вспомнила? — осторожно поинтересовался маг.

— Да и... и я сожалею. Моих сил не хватило, чтобы защитить твоих детей и жену.

— Это моя вина, не перекладывай ее на себя, — строго сказал воин и насильно усадил меня на траву, — отдыхай. Ты чуть не уничтожила все вокруг. Твое состояние нестабильно.

Все выглядело неестественно. Еще пять вар назад я растворилась в воспоминаниях, а сейчас от шока говорю не пойми что, и реагирую на все очень странно. Я уничтожила целую долину, где раскаяние, где вина? Я будто в заторможенном состоянии, еще не осознала всего. Настоящее путается с прошлым, выворачивая мозг наизнанку. Острая боль в голове, и темнота. Слава Всевышним, а то так и снова с ума сойти можно.

— Не прикасайся к ней! — первородный говорил резко, желая донести всю серьезность сказанного.

— Я не видел ее пятьсот весен, — отвечал воин, — ты не имеешь права запрещать мне. Она не твоя.

Костер тускло освещал лица двух мужчин. Они единственные еще бодрствовали, тогда как остальные давно нежились в объятьях сна.

— Но и не твоя. Забыл, из-за кого банши стала пробужденной? — эльф угрожающе двинулся на мага земли, — я с самого зарождения мира был приставлен к ней, не имея возможности коснуться, а ты за какую-то тыщонку весен уничтожил всю ее жизнь. Ты недостойн даже знать ее имени!

— Что ж ты не выполнил свой долг и не убил ее? — выпалил воин, — ты такой же. Принес ей столько горя и опасность разрушения мира.

— Не заговаривайся, Атар. Я бы давно отправил тебя за край, но магия отвода глаз работает на ура, — светлому хотелось проломить парочку черепов от того, что не смог распознать Хранителя долины в сумасшедшем рабе, которого спасла Дана. Ведь они с кашир виделись много раз до той трагедии пятьсот весен назад. Но заклинание работало идеально. Без желания на то создателя, ты не узнаешь кто перед тобой.

— Ты всегда ошивался рядом с ней, а она даже не замечала тебя. Ты же не рассказал ей всего? — эльф промолчал, — так и думал. Что ж, я не отдам ее тебе. Ты столько тысячелетий был ее тенью, что никогда не сможешь быть для Суарданы чем-то большим.

— А кто ты для нее? — прорычал Широарт, — предатель, женившийся на другой. Думаешь, она простит?

— Она любит меня, — самодовольно бросил воин.

— Любила, — поправил эльф, — забудь о банши. Не для тебя я становился ее самым страшным кошмаром, и не для тебя дарил ей свободную, человеческую жизнь. Ты не сломаешь ее повторно!

— Я хочу исправить ошибки, насколько это возможно. Если Дана согласится быть со мной, ты отступишь.

— Орка с два! Р-р-р-размечтался, я за волосы выволоку ее из вашей долины и запр-р-р-ру во дворе, но ты не получишь ее, — глаза сверкнули в сгущающихся сумерках, трансформируя зрачок.

— Ты не посмеешь! — не сдержался Атар, — ты никогда не вмешивался в ее жизнь. Ты лишь страж, это не твое дело! — уже переходя на крик, возмущался воин. Он был сбит с толку таким напором со стороны эльфа.

— Ты же не знаешь, — протянул первородный и оскалился в издевательской улыбке, — я ее учитель. Я могу все.

Сомневаться в словах эльфа смысла не было, настолько уверенным он был. Определенно, за пятьсот весен многое изменилось.

— Я больше не пассивный зритель, Атар. Я хищник. Я беру то, что хочу. А ее я хочу с самого сотворения мира. Неужели ты думаешь, после стольких весен ожидания я отдам ее воскресшему магу? — он внимательно посмотрел в глаза хранителя и, не дожидаясь реакции, сам ответил, — скорее все боги покончат жизнь самоубийством, чем это случится!

Широварт отвернулся от костра и направился к месту, где все еще в глубоком обмороке лежала банши. Аккуратно приподняв одеяло, эльф лег вплотную к девушке и, обняв за талию, прижался со спины. Никто не отберет у него права согреть ее сон и хранить покой. Его зверь принял ее. Теперь никто во всех мирах не отберет Су. Такое право есть только у самой банши.

— Я хочу домой!

— Пусти меня к маме!

— Ты убила меня!

— Ты разорвала наши души!

— Ты убийца...

— Монстр...

— Верни нас...

— Я хочу вернуться...

— Ты убила нас...

— Мама-а-а-а-а...

— Где моя мама?...

— Спасите-е-е-е...

— А-а-а-а-а... — я проснулась от собственного крика, крепко зажимая уши руками. Голоса, они сводят меня с ума. Тысячи мертвых криков зовут меня, обвиняют. Я убила их, и они помнят об этом. Голоса терзают и рвут на части!

— Су, приди в себя, — меня трясли, насильно отрывая ладони от головы.

— Широ? — растерянно уставилась на эльфа. Неужели я, наконец, в реальности.

— Да, девочка моя. Все хорошо, это просто воспоминания.

— Нет, это мертвые. Они кричат, обвиняют меня. Широ, я так больше не могу. Я убила их. Я...

— Тш-ш-ш, всего лишь плохой сон.

— Ты не понимаешь, они в моей голове. Сотни причитающих детей и женщин, — я крепко вцепилась в его рукава, безумно вертя головой.

— Так! Я сейчас устрою тебе тренировку по всем правилам! Какого недобитого упыря ты расклеилась. Ты воин! Хватит скулить, или я плохо тебя натренировал? — угроза была реальной. Эльф действительно перешел от утешения к действию. Но больше всего меня удивила тишина в голове. Ни единый самый задохлый голосок больше не врвался в мое сознание.

— Полегчало?

Я кивнула. Все-таки после тренировок Широ мне и конец света не страшен. Все, что можно я уже испытала на своей шкуре. Хуже уже просто быть не может.

— Я поняла, — хриплым со сна голосом проговорила я.

— Ты о чем? — эльф действительно выглядел удивленным.

— Я поняла, почему ты так измывался надо мной, — он не шелохнулся, — я должна была пережить что-то много ужаснее, чтобы в следующий раз сохранить рассудок, иначе неизбежно упокоила бы кучу народа и не факт, что вернулась бы.

— Рад, что понимаешь. А теперь собирай одеяла и завтракать. Ты последняя, — эльф отвернулся, пряча глаза, и, не задерживаясь, удалился к остальным.

И вправду, возле костра собрались все, даже король с Баском попивали отвар.

Я поспешно уложила покрывала в сумку и зашагала к огню. В голове все еще что-то билось, но я вполне могла игнорировать это, как назойливую мошку. Как только присела на принесенное бревно, ко мне тут же подскочил Ласкан. Он взял мои ладони в свои и, сидя на корточках передо мной, искал взглядом только ему ведомое.

— Э-э-э, розовый, тебе плохо?

Феникс тут же улыбнулся и, обернувшись к остальным, что в напряжении чего-то ждали, возвестил: «Она в порядке». После чего все снова занялись своими делами.

— И что это было? — я, слегка ошарашено, задала вопрос всем сразу.

— Просто Тариван вновь стал... м-м-м... немного не в себе, — увидев мою растерянность, феникс шустро пояснил, — ты не волнуйся. Он опять слегка ненормальный, но не больше, чем обычно.

— Атар снова ничего не помнит? — сердце резануло чем-то острым. Неужели, я снова потеряю его?!

— Да, Су. Теперь он старый добрый Малыш, — ответил эльф, наливая мне полную миску отвара, — думаю, так даже лучше.

— А где он? — я заозиралась. Нестерпимо хотелось увидеть Атара.

— Ушел с кельпи ящериц ловить, — хохотнул оборотень.

— Зачем? — опять плохо соображаю с утра.

— Зачем полоумному магу ящерицы и Всевышние не знают, а вот у кельпи плотоядный интерес. Только наш несчастный об этом не знает. Крику будет, когда эти коняги все его находки пожрут. Ха-ха!

Мне весело не было. Мне было неудобно. Все мельком да бросали на меня осторожные взгляды, даже Баск. Неприятно, когда свои же ждут твоего очередного срыва и опасаются приблизиться.

— Баск, как ты себя чувствуешь? — я окликнула, внезапно закопошившегося в своей сумке эльфа.

— А? — он вынырнул из поклажи, — неплохо, Суа. Эльфийская лечебная магия творит

чудеса. Правда, отлежаться не помешало бы, но это уже во дворце.

— А как вы, Ваше Величество? — я перевела взгляд на Альхерта, что незаметно для самого себя укачивал свою правую руку.

— Буду в порядке, — он натянуто улыбнулся, — стыдно признаться, но эта проклятая сильно меня потрепала.

— Альхерт, нам не открыть для тебя портал, — обратил на себя внимание Владыка, — пойдём с нами. Стационарный в Хрустальном замке будет ещё открыт сегодня. Мои маги будут ждать нас по ту сторону границы, чтобы перенести сразу к Хрустальной скале.

— Жаль, что они не могут пересечь границу и забрать нас прямо отсюда, — опечаленно вздохнул Ласкан, — запрет на ввод войск на дружественную территорию, и кто это придумал?

— Ничего, пернатый, прогуляешься, — вредничала я.

— Эх, а могли сейчас спокойно сидеть в Tintill Elin вместо того, чтобы тут якшаться с карателями. Нужно было всего-то открыть портал в столицу. Так нет же, как можно упустить такую великолепную возможность убраться правую руку герцога.

— Ты утомился или нет? — достал уже своим нытьем, а ведь вар назад был таким серьезным. И на тебе, все по новой.

— Данка, вот смотрю на тебя и понимаю, как была стервой, так и осталась, только воспоминаний прибавилось.

— В следующий раз не стану спасать подозрительные личности от озверевших родственников. Пусть себе изгоняют неугодных, сколько их душа пожелает. А то нарвешься вот так на одного противного феникса и мучайся с ним всю оставшуюся жизнь.

Ласкан открыл рот, резко выдохнул, потом снова вдохнул, замер и осознал, что слов нет.

— Стерва! — выдал возмущенный птичий мозг.

— Не могу отрицать очевидное, — и расплылась в улыбке.

— Все, успокоились. Отношения будем выяснять во дворце, — остановил поток розовой брани Широ.

— Правда, учитель? У меня масса вопросов к тебе, — мои глаза горели жаждой информации. Как же, столько всего еще предстоит узнать.

— Эм... — он с опаской взглянул на меня, а потом резко отвернулся, — Выдвигаемся!

И что это было? Он пытается таким оригинальным способом донести до меня, что разглашать тайны не намерен. Интересно сирены пляшут.

— Кайа! Возвращайтесь, — крикнула в сторону леса. То, что меня услышат, можно не сомневаться.

Через десять вар только пепелище свидетельствовало о том, что маленькая зеленая полянка была сегодняшним местом ночлега для нас. Все были собраны. Криками, стенаниями и упреками я все-таки уговорила Палана подвезти раненного Владыку. Сама же без зазрений совести взгромоздилась на Кайю и уже через пол вата сладко посапывала на его спине, временами приходя в себя от опасности сверзиться на землю. О, как мне завидовал феникс! От этого поездка была еще приятнее. К закату наше пошарпанное войско достигло границы. И почему нам так не везет?

Неестественная тишина и в тане от лица оборотня пролетел огненный шар. Как не подпало волчика, только леший знает. Естественно мы всей озлобленной, не выспавшейся сворой обернулись на нарушителя нашего спокойствия. В десяти тарах от нас стоял худенький паренек, очевидно маг, и прожигал оборотня безумным взглядом. И чем,

интересно, ему Алкай не угодил?

— Я займусь, — бросил Широ, а в следующее мгновение парнишка уже корчился на земле, обвитый темной дымкой смертельной сети.

Сочувствия от нас маг не дождался и испустил дух. Вот ни капельки не жалко сволочь, что атакует в спину.

— Мы почувствовали магический всплеск! Агап, вы в порядке? — и с последним словом с деревьев посыпались эльфы. Вот же идеально маскируются. Я от неожиданного оклика даже вздрогнула.

— Да, Радиан. Вы вовремя, — облегченно выдохнул Баск. Оказывается, переживал вскорого.

— Вы ранены? — занервничала моя бывшая нянька.

— Пустяк. Нужно время на исцеление.

— Сушка! Как ты допустила такое?! — возопил разгневанный глава личной охраны Владыки.

— Забавно, а я тут причем?

— Скажешь, не ты выкрала Алибаскаэля из дворца.

— Что?! — я чуть с коня не свалилась, который переступал с ноги на ногу и всеми фибрами души изображал тупое животное, — Баск!

Владыка демонстративно смотрел в другую сторону.

— Ах, так, да?! — начала закипать я.

— Суардана Дэнитар, вы арестованы за похищение Владыки Хрустальных лесов и его насильное удержание.

— Широ, оборотень рогатый, сделай же что-нибудь! — а в ответ спокойное лицо светлого.

— Ты перешла все границы, могильщица. Пора в комнату без окон и с непробиваемой дверью, — эльф приближался ко мне с магическими оковами.

Темень! Я не хочу в тюрьму! Да и с какой стати? Неужели Баск готов усадить меня под замок, чтобы не рисковать? Такова цена дружбы? Он не доверяет мне!

Радиан протянул ко мне руку и тут же одернул. Мой верный кельпи так живописно клацнул своей клыкастой пастью, что всякое желание меня потрогать испарилось безвозвратно.

— Это еще что за чудовище? Tirna! — все эльфы тут же встали в боевую стойку, вооружившись клинками и луками. Seriously они настроены.

— Широ, — даже самой жутко от безжизненности собственного голоса, — я разберу вашу столицу по кирпичику, если меня доставят как пленницу. Ваша тюрьма не спасет вас. Уничтожения каждого ушастого будет для меня приоритетной целью. Ты уверен, что пойдешь на такой риск? — я скосила взгляд на первородного.

— Ты не сможешь так поступить, — твердо ответил Широ.

— От чего же? Вы оба думаете, что я опасна, потому и желаете оградить внешний мир от меня. Но при этом уверены, что я не уничтожу эльфов. Не сходится, учитель. Прочет у вас, однако. Либо я сумасшедшая пробужденная, либо адекватная банши. Вы уж определитесь, — я улыбнулась не живой улыбкой, что вызывала скорее ужас, чем веселье.

— Суа, прости. Мы хотели дать тебе время смириться со всем. Никто не посадил бы тебя в тюрьму. Всего лишь временная изоляция. Подумай, тебе необходимо разобраться в себе, — вид у Владыки был донельзя виноватый, но меня уже ранили. От его вины мне легче

не становилось.

— Алибаскаэль, — я специально обратилась официально, пусть помучается, — насильное лишение свободы только усугубит ситуацию, как и ложное обвинение. Я ни в чем не виновата. Опрометчивый шаг с вашей стороны.

— Суа, милая, мы не можем отпустить тебя на поиски долины. По крайней мере, сейчас. Ты нестабильна, прошу, пойдём с нами.

— Я и не отказывалась идти в Хрустальный лес. Или вы считали иначе?

Было больно, на самом деле больно, но, с другой стороны, я понимала их опасения. То, что я сотворила пятьсот весен назад, так просто не забудется. Черная дыра все еще сидит внутри меня, ожидая своего часа. Мне необходимо от нее избавиться. А для этого я должна принять себя и все случившиеся. Сильфида была права, или спасение, или смерть. Третьего не дано.

— Радиан, она не похищала меня. Я сам переместился к горному народу. Давно хотел навестить отца, — закончил Владыка, как-то загадочно посмотрев на меня. Отца! Какого отца?

И почему меня не оставляет чувство, что меня сейчас проверяли. Нагло провоцировали на агрессию. Мимо прошел отчего-то очень довольный Широ. Его заостренные уши так и подергивались от восторга. Ах, двуличные паразиты! Точно проверяли!

— Я вам это припомню!

А в ответ лишь дружный смех двух светлых. Так и хотелось поотрывать им уши!

Как и планировал Баск, нас перенесли в Хрустальный замок. Только голубоватое озеро портала схлопнулось, и Владыку тут же оттеснил от всей нашей компании вооруженный отряд эльфов, оцетинившись клинками на нас.

— Я сейчас чего-то не понимаю, или так надо? — растерянно обратился ко всем присутствующим оборотень.

— Радиан, что все это значит? — Баск недоумевал вместе с нами, пытаясь протиснуться сквозь плотный строй воинов. Ему в этом отчаянно помогал вороной конь, у которого получалось значительно лучше, учитывая, что он и вовсе мог перепрыгнуть эльфийский живой заслон.

— Среди вас чудовище, и я не намерен рисковать благополучием нашего правителя, — Радиан был непреклонен.

— Да какая муха всех перекусала, — это уже я отмерла.

— Сушка, может ты не в курсе, но рядом с тобой необычный конь, — светлый указывал точно меж глаз Кайе, — боюсь, это воскрешенный управляемый зомби.

Все затихли. Я тут же посмотрела на «зомби», он на меня, а потом мы дружно грохнулись на пол от хохота. Я без зазрения совести навалилась на брюхо мелкого, который в сладостных конвульсиях дрыгал ногами в воздухе. Окружающие нас явно не понимали. Радостный настрой наших как-то остудило количество оружия, направленное на них, а эльфы страдали от недостатка информации. Вот и выходит, что мы вдвоем валяемся по полу, а остальные неподвижно за этим наблюдают.

— Ха-ха! Обернись, Ди! Позади тебя такой же зомби топчется! Ах-ха-ха!

После моих слов все дружно посмотрели на огромного вороного жеребца за своими спинами и на Баска, что стоял вплотную к нему. Недолго думая, Владыка обхватил одной рукой голову Палана исподнизу, а другой стал поглаживать шею коня, как самого родного существа на свете. Ох и актер! Я аж захлебнулась от очередного приступа неудержимого

ржания.

— Су, кончай концерт. Вас сейчас нашинкуют без суда и следствия, — пригрозил мне учитель.

— Да ладно, Широ. Они же не дикари, — попыталась успокоить светлого.

— Они защищают Владыку. Им по боку, что ты думаешь о их цивилизованности, — прошипели мне в ответ.

— Я полностью его поддерживаю, Данка. Отдавай уже своего коня на колбасу, и нас пропустят, — внес конструктивное предложение Ласка.

— А парочку перьев не повыдергивать? — Кайа озлобленно двинулся на феникса, — забыл, я плотоядный. Более чем уверен, что фениксы входят в мой рацион.

— Успокойся, кошмарик! — я оттолкнула его морду от зажавшегося в углу Ласкана, — есть проблемы посерьезнее.

Очередной ступор у компании эльфов. Первородные и в страшном сне не видели говорящих лошадей, а тут на тебе, еще и наяву. Первым отмер Рад.

— Так это твой зомби! — вскрикнул глава личной охраны Владыки. Я закатила глаза.

— Мой, но не зомби. Разуй глаза, Ди! Это кельпи, — я указала двумя руками на коня.

— К-как кельпи? — ошарашено выдал эльф.

— Боком!

Пара вар на осмысление и эльф огласил вердикт.

— Кельпи не встают под седло! Ты лжешь! Dag ha! — я не успела и слова вставить, как десяток воинов сорвались с места. О Всевышние! Что делать?

К счастью, делать ничего не пришлось, хоть мы и обнажили оружие. На этих самых ретивых эльфиков кто-то уронил коня. В прямом смысле! Конь просто погреб их всех под своим огромным телом. Как не пытались светлые выползти из-под этой туши, им не удавалось. Те из эльфов, кто пытался помочь поверженным, вмиг смекнули, что можно остаться и без конечностей, если подойти слишком близко.

— Мы все равно убьем его, могильщица! — кричал из-за вороной баррикады Радиан.

— Вы сначала с его зверобратцем справьтесь. Это вам не сопливый подросток! Прости Кайя, — я, извиняясь, посмотрела на мелкого.

— Зомби загрызи! Он тоже кельпи?!

— Неа, он зомби, — издевалась я. Палан закаленный в войнах боец. Если он до сих пор расслабленно давит своим весом первородных, значит, они для него безвредны.

— Владыка, не желаете коврик из светло-эльфийских шкурок? — вполне серьезно спросил Палан, но мы-то знали, что он веселится. А вот эльфы заскреблись под конем так, что чуть ямы в мраморе не вырыли. Вот что значит страх смерти!

— Не стоит, Палан. Думаю, мои подданные осознали свою ошибку и не станут впредь нападать на моих гостей, даже не выслушав своего правителя, — О! А это уже была угроза, и не шуточная. Ждет ушастых ошутимый разнос!

— Приносим свои извинения, Aran, — эльфы упали на одно колено. Ну, те что не распластались на полу.

— Просите прощения у наших гостей. Палан и Кайя из рода Гарцующих в глубине отныне неприкосновенны на территории Хрустальных лесов, — громогласно объявил Владыка, — все меня слышали?

Кикимора меня утопи! Да после такого тона, только идиот не услышит! Даже у меня кончики пальцев стало покалывать, таким властным был голос Али. Если раньше можно

было подумать, что Владыка всего лишь мудрый, но безвредный эльф, то после такой демонстрации превосходства подумаешь трижды, прежде чем хоть как-то не угодить Его Величеству.

— Приносим свои извинения почетным гостям Владыки Алибаскаэля рен Сиу, — хором проговорила вся стража.

После этого наши кровожадные зомби перевоплотились и предстали перед всеми в своем истинном облики. Естественно, эльфы помнили двух полуголых чудаков, что последний месяц расхаживали по дворцу. От этого их еще больше задушила вина. Это было видно по поникшим темноволосым головам.

— Все, кошмарики, теперь вы официально представлены, — я положила одну руку на плечо Кайе, вторую, туда же, Палану.

— А они в нас ножиками больше тыкать не будут? — шутливо поинтересовался Кайа.

— Нет.

— А есть их можно? — Палан в своем репертуаре.

— Только провинившихся, — подыграла я. Коленопреклоненные эльфы дернулись, но не встали.

— Ой, а можно мне вот этого, — кошмарик подскочил к Ди, присел перед ним и ткнул пальцем в его лоб. Мстит мелкий.

— Конечно. Он должен быть вкусный, — разрешила я.

— Суш-ш-ш-шка, — прошипел сквозь зубы светлый. Еще бы ему не шипеть. Все знают о дурной славе кельпи.

— Я пошутила, мелкий. Он чрезвычайно ядовитый и с душком. Заработаешь несварение.

Эльф вскинул голову, но наткнулся только на смеющихся кельпи и банши. Оглянулся и узрел целый зал смеющихся, даже Владыка сдержанно улыбался с королем Марона. Ну не ржать же двум правителям как коням при подданных.

За всеми боевыми действиями время пролетело быстро. Дело близилось к ночи, так что король соседнего королевства не долго баловал нас своим присутствием. Я рассеяно махнула ему рукой на прощание, которую тут же сграбастали и облобызали. Демонстративно вытерев ладонь о штаны, чем вызвала ехидную улыбку Его Величества, с чувством выполненного долга покинула зал перемещений. Пусть Альхерт хоть помрет от своего оскала, а я спать. Вот только куда идти?

Мимо пробежал какой-то эльф, его-то я и взяла в проводники. Желания ждать, пока все проводят Альхерта, не было. Кстати о провожатом, какой-то он дерганый.

— Уважаемый, в замке какие-то проблемы? Я заметила, что охрана усилена, — честно говоря, ничего я не видела. Так, ткнула пальцем в небо, но по реакции эльфенка поняла, что не далека от истины.

— Госпоже не следует волноваться. Замок защищен, — какой демократичный ответ.

— Милый, не дури мне голову. Я тут бывала еще до твоего рождения и в отходчивых ответах ребенка не нуждаюсь. Я — Суардана Дэнитар, воин разведывательного отряда, запрашиваю полную информации о текущих событиях в Хрустальном дворце и его окрестностях, — ух, даже раздулась от важности, пока говорила.

— Разведывательный отряд? — глаза мальчишки расширились, — вы напарница Широарта ла Эк? — и почему я слышу нотки восхищения и обожания?

— Да. Вот только не надо сопливых речей про то, какой же великий и могучий наш некроэльф, — поспешила остановить словесные излишества на зачаточном уровне.

— Кто?

— Широварт, — пояснила несмышленьшу, — рассказывай.

— А вы представите меня главнокомандующему? — и душещипательный взгляд. А Широ не так прост. Главнокомандующий? Кто бы мог подумать.

— Тебе зачем?

— Хочу попасть в разведывательный отряд! — и безграничная преданность в глазах.

— Хочешь, тогда расскажи, что творится здесь, а там посмотрим, — туманно пообещала я.

— Хорошо, — мальчишка пристроился шагать рядом, периодически указывая направление руками, — около месяца назад стали сгнивать посевы на дальних угодьях. Вот только не все поле умирало, а только определенные участки, будто кто-то скакал туда-сюда, местами отравляя урожай. Туда направили магов природников, но они ничего толком не выяснили. Только и смогли, что восстановить урожай. А неизвестный, тем временем, продолжил пакостить.

— Это все интересно, но как проказник, имеющий счеты к злаковым, относиться к теперешней ситуации.

— Он пошел дальше, — пояснил эльф.

— То есть попортил все эльфийские поля?

— Нет, — мальчишка сморщил носик и покачал головой, — он начал нападать на одиноких эльфов.

— О как! — я удивилась. Мало кто осмелится напасть на первородного.

— Ага, уже больше двух десятков пострадали. Причем только воины.

— И сильно пострадали?

— Нет, хи-хи, — эльфенок закрыл рот кулаком, скрывая смех, — скорее пострадала их гордость. Пф-ф!

— И сильно пострадала? — я тоже улыбнулась.

— Хотите, покажу? — странно улыбаясь, как заправский хулиган, предложил светлый.

— Показывай.

И мальчишка открыл первую же к нам дверь. Это он что, меня заранее сюда привел. Ну хитрец.

За дверью находилась опочивальня стражи на время свободное от службы. Большинство спало, но парочка бодрствующих нашлась. И когда эти эльфы повернулись на звук открываемой двери, я увидела всю степень страдания их гордости.

— О, эффект на лицо, — вырвалось у меня.

— Простите, госпожа ошиблась дверью, — поспешил оправдать наше бесцеремонное вторжение мальчишка. Эльфы понятиво закивали и занялись своими делами.

Когда дверь закрылась, я не выдержала и захохотала в голос. Эльфенок кривился в хитрой улыбке рядом. А все потому, что лбы стражников ярко алели шикарнейшей отметиной подковы. И ведь магия не взяла, иначе избавились бы эльфы от сего нелицеприятного знака. Кто-то очень хотел опозорить светлых, заклеив их, как кучку рабов. О, какой удар по эльфячей родословной! Этот негодяй развлекается по-крупному.

— И которая это по счету ошибка дверью? — сквозь смех решила удостовериться в коварности мальчишки.

— На этой неделе или только сегодня? — шкодливо подмигнул мой провожатый, а я захохотала сильнее, уже припав спиной к стене.

— И сколько берешь за демонстрацию ущемленной гордости? — я вытерла ладонью набежавшие слезы.

— Как вы могли подумать обо мне такое. Я, между прочим, наследник младшего дома Виерн, — нахохлился эльфик, чуть переигрывая.

— Ага, младший братик Риандиэль, значит, — мальчишка вздрогнул.

— Успокойся, предприимчивое дитя. Не в моих правилах ябедничать взрослым о проказах малышей. Сама не ангел, — я подмигнула эльфу. Тот сразу успокоился, — так это все или этот шутник-затейник еще что-то сотворил?

Я уже жаждала познакомиться с этим проказником. Надо же так опустить эльфов. Такого даже у меня не получалось, хоть я им в свое время пол дворца в руины превратила.

— Разоряет конюшни, — кратко ответил мальчишка и тут же разъяснил, — ночами, чаще всего идеально спокойными, кто-то громит конюшни, отпуская на волю коней. Несколько постовых видели лошадь, что забиралась на крышу здания и проламывала ее. Что происходило в самих конюшнях, никто не знает, но позже многие наблюдали табун, скачущий прочь от эльфийских поселений.

Мальчишка замолчал, ожидая дальнейших расспросов, но их не последовало. У меня просто комок в горле встал. И почему мне кажется, я знаю этого вора лошадей. И ведь забыла о ней совсем. Не дай Всевышние, она так на нас злиться и вымещает свое негодование. Ведь даже сомнений нет в том, что Палевая на такое способна.

До моих покоев мы дошли молча. Я все еще пребывала в раздумьях, а мальчишка услужливо не лез с разговорами. Умный он, смекалистый. Такой станет отличным разведчиком. Уже зайдя в двери своих новых комнат, окликнула эльфенка.

— Я принимаю тебя в разведывательный отряд. Можешь похвастаться семье, — я ласково улыбнулась ошарашенному мелкому.

— Но вы не можете, вы же не...

— Кто сказал? — заискивающе подмигнула.

— Спасибо! — вскричал мальчишка и вихрем умчался. Наверное, хвастаться побежал. Эх, молодо, зелено!

Словарь

1. Ma ah le? — Что с тобой?

2. Thenin nif, melda — Истинное лицо, любимая.

3. Таар — представитель кошачьих, размером со среднюю лошадь. Имеет коричневый окрас. Особая примета — способность мимикрировать под окружающую среду.

4. Вар = минута

5. Ват = час

6. Тан = сантиметр

7. Тар = метр

8. Аран — Король

9. Тирна! — Охранять!

10. Даг ха! — Убить это!

Широварт ла Эк

Как же я устал. Устал от тайн, от притворства, от щемящей мою душу боли. Я правильно поступил пятьсот весен назад. Банши жива и контролирует себя. Мои жертвы принесли свои плоды. Но как же сложно теперь признаться во всем. Она не поймет. Су всегда будет ненавидеть меня, это слишком глубоко в ней. Мы чужие и всегда были ими.

Я постучал в высокие деревянные двери. Сапфировая ива, сестра той, что вела в покои Густой ночи в Tintill Elin, отозвалась глухим звуком, оповещая хозяина покоев о приходе гостя. Зачем Баск позвал меня?

— Входи, Широварт.

Али сидел в кресле, сверкая оголенными плечами и перебинтованным торсом.

— Целители на славу постарались. Не меньше двух рулонов на тебя перевели, — усмехнулся я.

— А как же. Владыке не положено с дыркой в животе расхаживать, — ответно улыбнулся эльф.

— О чем ты хотел поговорить?

Я знал о чем, но все же надеялся на невмешательство Владыки.

— Время пришло. Пора рассказать девочке обо всем, — я скривился, — Широ, она имеет право знать.

— Нет, Баск. Я страж, она вообще не должна видеть меня. Это против правил.

— Против правил! — наигранно всплеснул руками Владыка, — о каких правилах ты говоришь, Широварт? Ты нарушил их все, спасая пробужденную. Всевышние, да ты нарушил даже то, чего не было в правилах. Так почему ты озаботился этим сейчас?

— Мы чужие. Я — иллюзия. Широварт ла Эк не существует. Этот эльф никогда не рождался, его характер подделка, как и он сам. Он был создан с одной целью — дать новую жизнь банши, что, по стечению обстоятельств, сошла с ума, не более.

— Ты заблуждаешься, — эльф взял хрустальный графин с хейшином и разлил в два серебряных кубка. Кроваво-красная жидкость тягучим ручейком быстро набегала в подставленную емкость.

— Ты столько весен был ближе всех к ней. Ты был единственным, кто занимал все ее мысли. Неужели пол тысячелетия не изменили тебя?

— Изменили. И все же она ясно дала понять, что я не займу в ее жизни иного места, нежели учитель.

— И ты поверил? — Баск поднес бокал к губам, окрашивая их алой жидкостью, — женщины непостоянны, Широварт. Стоило поближе с ними сходить, а не на одну только ночь. Суа не знает всей истории, и, поверь, правда изменит очень многое в ее восприятии.

— Ты слишком уверен, — я залпом выпил все содержимое кубка и поставил его на поднос, — я не стану рисковать уже имеющимися отношениями.

— Тогда я сам расскажу ей обо вс...

— Только посмей, Али! И я запру тебя в темнице на сотню-другую весен! — прорычал я и, подорвавшись, поспешил на выход.

Слова настигли меня уже в коридоре.

— Динаристан, подумай о моих словах.

Чертов мальчишка! Везде сует свой нос!

Всечувствующие! Как же хорошо на мягком диване в непреступном Хрустальном замке. Никаких тебе карателей или озабоченных советников-извращенцев. Тишь да гладь! Короля сплывили, Малыша уложили, Баска перевязали, кельпи всем представили. Все! Можно с чистой совестью отдыхать.

— Су, ты одета?

— Н-н-н-на-а-а-а... — простонала я. Ну почему меня не бросят в безлюдных землях, где никому не придет в голову тревожить мой покой.

— Это да? — уточнил уже вошедший Владыка.

Потеснив меня, Баск устроился поудобнее на диванчике, закинув ноги на него. Пряма сама невинность, только глаза слишком хитрые.

— Суа, ты хочешь о чем-нибудь спросить? — меня гипнотизировали шоколадные глаза, утягивая за собой, как кобра вводит в транс свою добычу.

— Да.

— О чем? — мурлыкнул эльф.

— Чего тебе не спиться в такую-то рань?

— Суа, ну ты, как всегда. У тебя уникальная возможность вызнать все подробности, а ты спрашиваешь о моей бессоннице.

— А-а-а-а, так это ей я обязана за столь ранний визит. Передай бессоннице пинок, и иди мучай кого-нибудь другого, — я подскочила с дивана, направляясь в спальню. Не говорить же, в самом деле, о том, что и меня гложет тот же недуг. Ну не спиться мне, бывает.

— Милая, я ведь не шучу, — Владыка говорил серьезно. В его позе не осталось больше ничего детского, полная сосредоточенность.

— Ты расскажешь, почему вы не убили меня?

— Да, — он положил руку на место, где еще недавно сидела я, приглашая вернуться. И я вернулась.

— Говори.

— Ты знаешь, что у каждой банши есть страж? — я качнула головой. Не знала, — их назначают боги. Банши рождаются вместе с миром. Они его первые обитатели. Но есть одно «но», вы слишком чувствительны. Если довести скорбящую до грани, вы сходите с ума, и тогда высвобождается смертельная энергия, накопленная за тысячелетия существования. Банши так тесно связаны с мертвыми, что буквально впитывают смерть в себя. Пробужденные уже не живы. Они мертвы. Ходячая мертвая магия, что уничтожает все вокруг себя без разбора. Их почти невозможно остановить. Поэтому за каждой скорбящей следили стражи. Их долгом было убить пробуждающуюся и не дать ей уничтожить мир. Вы удивительно живучи, когда полностью пробуждаетесь, и вашей силы вполне хватит на истребление одного мира, — слегка улыбнулся светлый, — так вот, Широ твой страж.

— Он должен был убить меня, это я знала. Видела в воспоминаниях, вот только не своих.

— Он не смог убить тебя. Наоборот, он спас тебе жизнь.

— Но почему?

— Сама не догадываешься? — лукаво улыбнулся Владыка, откидываясь на спинку дивана. Я растерянно посмотрела на него, — ладно, сама у него спросишь, сейчас не об этом. Он тебя спас, тем самым нарушив кучу законов мироздания и подвергнув все расы этого мира смертельной опасности. Отчаянно, не правда ли? — эльф ждал подтверждения своих слов, и я кивнула.

— Ему пришлось искоренить в тебе ту ранимость, с которой ты была рождена. Я предлагал, чтобы этим занялся другой эльф, но Широ был непреклонен. Он сознательно пошел на это. Светлый знал, что ценой будет твое отношение к нему. Ненависть, он вызывал это чувство в тебе, тем самым спасая от разрушения твою душу. Каждый раз он видел твои слезы, слышал мольбы, и они разрывали все его естество. Но ради твоей жизни эльф наступал на собственное горло и причинял тебе невыносимую боль, искореняя все страхи, делая тебя сильной. Столько весен он терпел твою ненависть, зная, что она спасла тебя. Я даже не хочу представлять, каково было Широ.

Кисти сжались в кулаки, а губы побелели от напряжения. Тень упала на лицо стойкого эльфа. Не та, что скрывается от света, а которая олицетворяет скорбь и боль, пропущенную через душу. И я поняла, Баск переживал все это вместе с Широ, но в отличие от него, Владыка мог увидеть искреннюю радость при встрече со мной. Он мог чувствовать теплые волны любви, которые я излучала в присутствии светлого. Учитель не мог, он видел лишь мою ненависть. Всевышние, он разрушил всю свою жизнь, заставил возненавидеть себя, только чтобы я могла жить.

— Я не верю... — голос срывался, дыхание стало неровным, заставляя захлебываться воздухом.

— Спокойно, Суа. Тише, девочка. Он пережил это. Вы же сейчас ладите? — эльф крепко прижал меня к себе, а я кусала ладошку, пытаюсь сделать себе больно.

Боль отрезвляет, боль приводит в чувство. С болью уходит боль, пусть и на мгновение.

— Али, я такого наговорила ему... н-н-на-а-а-а... он не простит меня... аха-а-а-а.

— Ему не надо тебя прощать. Ты не виновата. Прошу, успокойся. Ведь ты хочешь услышать всю историю? — попытался взбудоражить мое любопытство, и у него это получилось.

Я все еще всхлипывала, но уже держала себя в руках.

— Вот умница, — Баск протянул мне зеленый платок.

— Это чтобы соплей видно не было? — шморгнула носом я.

— Да, Суа, ха-ха, именно из-за этого он зеленый.

— Практично, — я вытерла слезы.

— Милая, тебе стоит поговорить с Шировартом. Много я не вправе рассказывать тебе, — эльф потупил взгляд, — я и так сказал слишком много.

— Он выгонит меня, даже не дав сказать и слова. Ходит злой весь вечер, — буркнула сопливая банши.

— Он просто осознает, что пришло время открыться, но боится твоей реакции. Зайди к нему, — заискивающе подтолкнули меня.

— Владыка, ты чего, с ивы рухнул?! Рассвет скоро, да он меня пошлет далеко и надолго.

— Я почти уверен, что у него та же проблема, что и у нас, — вот интриган эльфийский, все просчитал.

— Я боюсь, — выкрутилась я.

— Он тоже, — продолжало напирать Его эльфийское Величество. Как таран прет, не сдвинешь.

— Что, прям сейчас?

— Сейчас. Иди. А я пока подремлю. Глядишь, у тебя спокойнее, и сон ко мне придет, — и этот наглый возмутитель потянулся, встал, и как ни в чем небывало направился в МОЮ спальню. Слов нет!

Признаюсь честно, к покоям Широ я шла как на казнь. Раз пять я разворачивалась, но потом брала себя в руки и снова шла на штурм. На десятом экстренном ступоре я все-таки достигла заветных дверей в мой личный кошмар.

— Ну, к оркам! — и я постучала. Чего мне стоило не сбежать из-под самой двери, не передать словами.

— Су, ты чего не спишь? — а мордашка-то сонная. Просчитался Баск.

— А ты чего?

— Я спал, — чересчур бодренько ответили мне.

— Да что ты? А я вижу присутствие дамы со звучным именем «Бессонница» в твоих покоях.

— Чего хочешь?

— Поговорить надо.

— Завтра, — и дверь быстро и неотвратно несется на меня. Он что, выгнал меня?!

— А ну стоять! — возопила ущемленная гордость, подставляя ногу в проем, — пусти.

— Спать иди!

— Пусти, кому говорят! Или боишься меня? — такие приемчики с мужчинами всегда срабатывают. Стоит усомниться в их смелости, и они готовенькие идут к тебе в ручки.

— Ага, аж раз десять как боюсь! Су, шла бы ты, а? — какой непробиваемый.

— Ну и ладно, пойду Ваньку доставать.

— А ну стоять! — попался голубчик, — ты же поговорить хотела, — я обернулась, — заходи.

Я чуть не рассмеялась. Все же слабости есть у всех. Баск мной манипулирует, я — Широ, Широ Владыкой. Порочный круг.

Хм, оказавшись внутри мой пыл как-то поулегся. И чего я так рвалась сюда? Пошла бы спать, а поговорить и завтра можно. Забившись в угол диванчика, приняла более расслабленную позу, чтобы не показаться загнанным зверьком.

— Чего так съежилась? Замерзла? — кивнула, хотя не холод был причиной.

Первородный вышел из комнаты, заставив меня понервничать, но вскоре вернулся с одеялом и охапкой дров. Двигаясь экономно, выверяя каждый шаг, пусть и не осознанно, он все больше походил на хищника. Тени, бросаемые оранжевыми языками, скользили по красивому лицу, выделяя и без того необычные глаза. Он всегда завораживал меня, с самого первого рассвета. Теплый, как солнце. Прекрасный, как золотая осень, одаряющая всех своими дарами и красотой. Эльф не зря привлекал к себе внимание. Столь необычная внешность для первородного добавляла загадки и шарма. Желанный и опасный. Он заставляет кровь кипеть.

Широ отошел от камина и направился ко мне, разворачивая на ходу сложенное одеяло.

Ткань медленно легла на мои плечи, а заботливые руки укутали ноги, невзначай касаясь голых ступней. Это была приятная, но пытка. Я уже сожалела, что пришла в одних тапках.

— Так о чем ты хотела поговорить, милая? — эльф прижал меня к своему боку так естественно, что я не сразу обнаружила себя в его объятьях. Вот же дамский угодник!

— Широ, Баск рассказал мне о стражах, — рука на моем плече напряглась, — я догадывалась, что ты спас меня, но теперь я знаю это наверняка. Почему ты даже не пытался оправдаться?

— А у меня получилось бы, — насмешливо пропел голос над моей головой.

— Возможно.

— Брось, Су. Ты и жену-то мне не простила, не говоря уже о всем остальном, — он затих, прервав сам себя.

— О чем, остальном? Расскажи. Я хочу знать все.

Эльф молчал. Я слышала, как его сердце замирало несколько раз, а вдохи были глубокими, будто он вот-вот что-то скажет, но ни звука не сорвалось с его губ.

— Я хочу узнать тебя, Широарт ла Эк. Какой ты был? Как жил до этого? Как встретил жену, Баска, Шантеля? Я хочу знать все о тебе, — я шептала, но шепот был прерывистым и эмоциональным. Я опасалась, что испугаюсь и не скажу того, что должно быть произнесено.

Пальцы до боли сжимали края одеяла, вдавливая ногтями кожу на ладонях даже через ткань. Он молчал. Самым страшным для меня сейчас была тишина. И она душила меня, заставляя цепляться за все что угодно, лишь бы не сорваться. Уши закладывало от переживаний.

— Я был женат еще до создания этого мира.

Спокойный голос. Голос разорвал путы, душившие меня. И только сквозь вакуум до меня донеслись слова. Я вскинула голову, смотря на светлого снизу вверх, как на что-то нереальное. Такое просто невозможно!

— Не удивляйся, Су. Я был рожден не здесь. Этот мир лишь второй дом для меня. Сюда я сбежал, когда понял, какую ошибку совершил, заключив союз с нелюбимой, — Широ, еле касаясь лба, убрал высвобожденным когтем фантомную прядь с моих глаз, — мир мне понравился, и я остался в нем. Тогда-то я и заметил тебя. Одна из сотни рожденных банши. Ты единственная бесстрашно смотрела на мир, которым отныне владела. В твоих золотых глазах не было сомнений, только уверенность. И я решил стать твоим стражем. Боги заселяли мир постепенно, и каждая банши получила стража, но ты была первой. Я всегда был рядом, melda. Пусть ты этого и не помнишь.

— Но как? Я не могла не запомнить тебя, — я была поражена.

— Могла, — Широ поцеловал меня в макушку, — заклинание отвода глаз. Ты видела кого угодно, но не меня.

— Сколь...кха-кха — у меня пересохло в горле от догадки, — сколько этому миру?

— Больше ста тысяч лет.

О Всевышние! Все это время он был подле меня. Тенью незримой скользил за мной, оставаясь неузнанным, а я не знала о его существовании! Слезы сами выступили на глаза.

— Не расстраивайся. Вначале ты была просто отдушиной. Много позже я понял, что потерял свое сердце, отдав той, что никогда не увидит меня. Вот тогда я и осознал, что такие душевные стенания и потеря того, что никогда не было твоим. Ты жила своей жизнью, находила друзей, обзаводилась врагами и лишь один раз влюбилась. И в кого? В бездушную скотину, что разбила тебе сердце и разрушила жизнь, — я вздрогнула от рыка, — я хотел его

убить, но он и так был мертв к тому моменту. То, что представлял из себя маг, выйдя из долины, нельзя было назвать живым. Он получил свое.

— Широ, он не плохой. Просто так случилось.

— Р-р-р-р-р, — грудной рык дрожью отдавался во всем теле.

— Не злись, продолжай, — я украдкой стерла новые капли.

— Дальше ты и сама знаешь.

— Как тебя зовут, — это очень важно для меня, и я не отступлюсь, пока не узнаю его настоящего имени.

— Динаристан рен Сиу ла Эк ва Куилагур.

— Длинное, — я прикоснулась пальцами к его груди, да так и оставила там руку, — но ведь Сиу — это род Баска! Вы родственники?

Я почти залезла на эльфа, пытаясь словить его взгляд, чтоб не дай Всевышние, он мне не соврал.

— Да, — хриплый голос заставил волосы зашевелиться.

— Вы братья? — тихо выдохнула я.

— Нет, — и теплый язык коснулся вершинки уха.

— Кто? — еле сдержалась, чтобы не пропищать.

— Внук, — теплые губы скользят по скулам, не забывая одаривать их поцелуями.

— Ты... внук? — уже мало соображая, уточнила.

— Он, — поцелуй в щеку, — мой, — чуть прикусил уголок губы, — внук, — и жаркие ласки прекратились, лицо эльфа отстранилось. Конечно, он же не может поцеловать меня. Но сквозь разочарование билась мысль. Баск внук Широ!

— ЧТО!

— О, дошло быстрее, чем я думал, — расплылся в широкой улыбке эльф, — ты не ослышалась. Баск мой внук, — и меня поцеловали в нос.

— Но... но... тогда у тебя должен быть ребенок! — я растерянно пялилась на ухмыляющегося светлого, теряя последние остатки разума.

— Должен, — загадочно пропел этот обольститель, — и он есть. У меня сын.

— Один? — на всякий случай уточнить не помешает, а то кто этого развратного старикашку знает.

— Один.

— А-а-а... понятно...

— А кто он, ты узнать не желаешь? — насмешливо вернул меня в реальность эльф.

— И кто?

— Аришантель, — елеиным голосом пропел убийца моего сознания. Теперь я разум обрету не скоро, в голове пусто, как в котелке.

— Вот же семьянин, ликанов!

— Ага, — и меня снова поцеловали, но на сей раз в шею.

— Пойду я посплю. А то меня тут изнасилуют, а я и не вспомню, — как зомби сползла с колен светлого и побрела, пошатываясь, вон из этой комнаты выжигания мозга.

Меня резко развернули, перед глазами заблестела серебряная ткань платка, что носят с собой эльфы. Ткань невесомо скользит по лицу, достигая подбородка. Неясная тень приближается, и шелк впечатывается в мои губы под натиском чужих. Взрыв эмоций, опаляющее движение его губ, я так четко ощущаю их. Это сладостное мгновение запрета, что мы на грани безумия почти нарушили. Это вызов судьбе, брошенный двумя пылающими

сердцами. Как же дурманит запах прелой листвы и свежести предгрозового воздуха. Как сводит с ума любое движение по ту сторону ненавистной ткани, чьего тлена я желаю больше всего на свете. Но только она дарит эти горько-медовые мгновения. Я не в силах оторваться от своего наваждения. Вспышка!

— Я хочу снять комнату.

Высокая девушка с каштановыми волосами нервно выбивала ритм по деревянной столешнице стойки трактирщика. Стройная фигура ничем особенным не отличалась, но что-то было необычное в ночной гостье.

— Подороже, подешевле? — вопрошал пузатый алкаш, по совместительству трактирщик.

— Подороже, — бросила девушка, смотря куда угодно, только не на провонявшего дешевым самогоном мужика, чью лысину прикрывали сальные волосы, а поросячьи глазки блестели, затуманенные пьяным угаром.

Трактирщик расплылся в гнилой улыбке, пытаясь угодить обеспеченной гостье, но сделал только хуже. Банши почувствовала тошноту. Она одним быстрым движением выхватила ключ от своей комнаты из распухших рук пьяницы и чуть ли не бегом устремилась прочь от провонявшей стойки.

Она поднялась вверх и без проблем отыскала нужную комнату. И только девушка просунула ключ в замочную скважину, даже не прокрутила его ни разу, как отлетела к противоположной стене. Двое не менее грязных, чем трактирщик, мужчин нависли над своей жертвой. Таким всегда нужны деньги и, взяв комнату подороже, скорбящая сама сообщила отребью, у кого можно пожить золотишком.

Уже ожидая удара по голове, девушка зажмурилась. Но ничего не произошло. Она открыла глаза. Всего в таре от ее носа застыла рука грязного придурка с погрызенными ногтями, под которые вечно забивается всякая дрянь. Позади двух искателей наживы стоял красивый мужчина, обычный человек, с удивительно синими глазами. Первого нападавшего незнакомец отбросил к стенке, и тот вырубился от столкновения с деревом. Второму повезло меньше, его лицо и живот напоролось на тяжелые кулаки синеглазого, и только после этого он отключился, сползая стонущим мешком на грязный пол, что ему, видимо, не впервой.

— Спасибо, — неуверенно произнесла банши, — как я могу вас отблагодарить?

— Не стоит, — улыбаясь, ответил странный незнакомец, — а впрочем, к чему формальности.

Мужчина разорвал свой рукав, безжалостно отдирая кусок ткани побольше.

— Вы ранены? — это единственное, что могло объяснить действия человека.

— Если только в сердце, — сладко пропел спаситель, оторвав, наконец, лоскут от своей многострадальной рубахи.

— Но тогда...

Девушка не успела договорить. Взяв тонкую ткань за концы двумя руками, мужчина накрыл обрывком рот банши. Страх охватил скорбящую, неужели ей заткнут рот тряпицей, свяжут и продадут в рабство. Уже обезумевшими от ужаса глазами она смотрела на приближающегося мужчину, что одним быстрым движением припал к ее губам. Растерянность сменила страх. Незнакомец просто целовал ее через обрывок собственной

рубашки. Но уже спустя мгновение он отстранился.

— Ваша благодарность будет вечно греть мне душу, — он растянул влажные губы в счастливой улыбке и исчез, оставив пораженную банши размышлять о случившемся.

Кожу слегка покалывало от страстного поцелуя, что был неполным. Тепло окутывало все тело, но холодный шелк все еще стоял непреодолимой преградой на пути воссоединения двух душ. Широ отстранился первым, ловко подхватив падающий платок.

— Ты был тем человеком, что спас меня от грабителей, — шепотом произнесла я, осоловело смотря в никуда.

— Откуда... — эльф выглядел пораженным.

— Я вспомнила. Ты поцеловал меня через клочок ткани, что оторвал от своего рукава. Это же был ты? — я взволнованно схватила его за грудки.

— Да. Но как? Отвод глаз, ты не могла меня узнать.

— Но узнала. Те же чувства, те же прикосновения, это был ты! — я тряхнула его, по крайней мере, попыталась это сделать.

Сколько? Сколько раз за тысячелетия он подходил ко мне? Сколько раз спасал? Сколько раз мучил себя? Сколько раз я проходила мимо, не узнавая его лица?

Вспышка!

Я стою на краю утеса, наблюдая, как волны беспокойного моря накатывают на камень, разбиваясь. Их гребни пенятся сильнее по мере приближения к скалистому берегу, переливаясь золотом в лучах закатного марева. Рокот, что рождает противостояние камня и воды, заставляет вздрагивать. Соленый воздух щиплет нос, проникая глубоко внутрь, а поднимающиеся брызги пропитывают тонкое синее платье насквозь.

Незаметно для прошлой меня кто-то подходит со спины.

— Что мучает тебя, скорбящая? — рокочущий голос вырывается из недр широкой мужской груди, заставляя девушку обернуться.

— Кто ты?

Высокий светловолосый оборотень с пронзительно синими глазами внимательно смотрит в глаза, рождая что-то похожее на единство душ.

— Это важно? — банши покачала головой, — так что заставило тебя прийти сюда?

— Вечность, — выдохнула девушка и вновь повернулась к морю.

— Чем она тебе не угодила? — улыбнулся молодой оборотень, становясь рядом с собеседницей.

— Тем, что коснулась меня.

— Разве это плохо? — удивился мужчина.

— А разве хорошо? — прошлая я посмотрела на оборотня, выискивая свидетельства его глупости, но так и не найдя их. Незнакомец был необычным, но ни в коем разе не простаком. Его глаза светились мудростью прожитых годов.

— От чего ты устала? — мужчина ответил на взгляд, тут же задав очередной вопрос.

— От смертей, — и глаза девушки потухли, смотря перед собой.

— Тогда зачем прибавлять еще одну смерть?

— Моя принесет покой, — слепо взирая на бурное море, банши сказала то, чем давно заняты ее мысли.

— Кому?

— Всем.

— Или тебе? — оборотень ударил по больному.

— Мне, — не отпиралась девушка.

— Тогда для чего ты жила?

— Для чего жила, то выполнила. Я хочу покоя.

Незнакомец замолчал. Он так же, как и скорбящая, смотрел далеко за горизонт, слушая стоны размываемого утеса. Вся его одежда вмиг промокла, но это не тревожило оборотня. Искорки в глубине синевы сверкнули, рождая чудеснейшую игру света в необычных глазах.

— Ты когда-нибудь была на другом материке? — рокот волн заглушал тихий голос, но банши слышала его. Будто незнакомец говорил в ее голове.

— Нет.

— Я был. Там чудесный дриадский лес. Сапфировые ивы и раскидистые дубы растут на протяженности в тысячу тат, соприкасаясь с владениями светлых эльфов. Величественная Хрустальная скала стоит в сердце эльфийских земель, озаряя отблесками камня все вокруг. Дворец Владыки, Tintill Elin, венчают шесть статуй богов, что оберегают покой всех миров. А горы! Огромная гряда возвышается на севере материка, ограждая дикие земли от человеческих королевств. В тех горах живут темные эльфы, охраняя покой скал и гостеприимно принимая путников. Все это там, за глубоким бурлящим морем. Стоит пересечь его, и эти красоты откроются тебе. Так есть ли смысл прерывать вечность, когда еще так многого не повидал? — и оборотень скользнул взглядом по изменившемуся впервые за все время разговора лицу. Оно засияло. Нет, банши не улыбалась, но сейчас она светилась жадной путешествий и новых открытий. Неужели никто прежде не говорил ей о красотах соседнего материка?

— Я не вижу ничего очень давно. Было не важно, что окружает меня, если вокруг всегда были смерти. Я видела только их. Скажи мне, незнакомец, в чем смысл этих красот, когда крик умерших затмит их все?

Горечь сочилась сквозь каждое произнесенное слово. Такая долгая жизнь, столько времени впереди и столь сильное проклятье.

— Я слышал, эльфы гении в магии. Вдруг они смогут ограничить твою сущность? Тогда появится время насладиться вечностью, что так ненавистна тебе.

Девушка задумалась. Ограничение своих возможностей — это шанс на новую жизнь. Но возможно ли такое? Это может быть пустой надеждой.

— Я сегодня покидаю этот берег, — туманно сообщил мужчина, а потом задал вопрос, ответ на который уже знал, — ты уплывешь со мной?

Это было безумием. Сорваться с места, бросить всю прошлую жизнь и сбежать с незнакомцем. Но именно это заставляло застывшую кровь снова нестись по венам, толчками отдаваясь в ушах. Смерть или неизвестность? Выбор дался легко.

— Да.

Вспышка!

— Ай!

Боль отдалась в ушибленном плече. Виновник не соизволил даже обернуться, не говоря

уже об извинениях.

— Эй! — утробно крикнул синеглазый оборотень, придерживая девушку за талию и не давая ей упасть.

Незнакомец обернулся. Весь его вид излучал силу и высокомерие. Удивительно, что он вообще прореагировал на окрик.

— Ты чуть не сшиб девушку, где твои манеры?

— Нечего под ногами вертеться, будет умнее в следующий раз, — и, игнорируя предупреждающий рык оборотня, светловолосый маг продолжил свой прерванный путь.

— Не надо, пусть идет, — спокойно, положив руку на грудь мужчины, попросила банши, — я видела слишком много сражений и смертей, чтобы позволить еще одной случиться из-за меня.

Но это была отнюдь не последняя встреча с зеленоглазым воином. Ночью, когда звезды явили свой лик, а Уна щедро дарила свой свет, «Песнь сирены» наткнулась на риф. Еще до того, как вода просочилась сквозь пробитый борт, до того, как капитан с командой поняли, что судно затонет, до того, как ночную тишину разорвали тысячи причитающих стонов и отчаянных воплей, над бурным морем пронесся, свидетельствуя о неизбежном, пронзительный крик банши. Он разбудил пассажиров и призвал к действию команду. В считанные часы большинство существ бороздили просторы моря на шлюпках, отдаляясь от тонущего корабля. Но смерти были. Пусть не так много, как могло бы быть, но все же скорбная песнь звучала той сказочно прекрасной и опасной ночью.

Банши со своим спутником, что спас ее от наиглупейшего выбора в жизни, оказались в одной спасательной лодке с давешним грубияном. И может все бы обошлось. Может они никогда бы не увиделись, но судьба распорядилась иначе. Воин кашир стремился к власти и значимости. Он не мог упустить такую диковинку, как банши. Личная жрица для его будущей долины, такого не будет ни у кого из соплеменников. Предложение замкнуть силу скорбящей на долине и ее жителях невероятно обрадовало будущую жрицу. Не было больше необходимости тревожить эльфов и зависеть от своего спасителя. Теперь она была свободна. Началась ее новая жизнь. Синеглазый незнакомец исчез так же внезапно, как и появился на беспокойном утесе несколько лун назад.

Вспышка!

— Всевышние! Почему ты меня не остановил?! Почему?!

Слезы не прекращаемым потоком лились, искажая очертания всего вокруг. Грудь сдавливала боль. Ну почему он не остановил меня?!

— Я не могу вмешиваться в ход событий. Я лишь твой страж.

— Тогда почему ты не дал мне просто умереть на том утесе! — я кричала, выплескивая всю злость, обиду и боль, что сейчас душили меня.

— Я не смог! — ответный крик ошарашил меня. Я впервые за несколько лет истерики посмотрела на Широ. Все плыло и я, натянув рубашку на ладонь, отерла лицо.

— Я не смог смотреть, как ты убиваешь себя, так же, как и не смог пронзить твое полубезумное сердце стилетом. Я слабак! Теперь ты довольна! Я не вмешивался в твою жизнь, терпел все твои выходки и решения, следовал за тобой повсюду, но одно я никогда не смогу сделать! Позволить тебе умереть... — голос сорвался к концу, и последние слова были

еле различимы.

— Ты... злишься? — слова сами сорвались с губ.

— Да, орки подери! Я злюсь! Я злюсь, что ты та слабость, которую я не могу преодолеть и никогда не смогу. Ты! Ты то, что лишает меня воли, и я ненавижу себя за это! Но...

Все это время он избегал моего взгляда, но сейчас приподнял мой подбородок и сам поймал меня в плен своих нереально синих глаз.

— Но... *Alle nim meletha dae.*

Я пораженно замерла, боясь пошевелиться. Он не должен был этого говорить, просто не должен! У него жена, ребенок, даже внук! Он не имеет права говорить такое. Ты не сможешь дать мне то, что я ищу. Я буду лишь бледной тенью жены. Любимая без прав и привилегий. Я не соглашусь на это никогда! Ты же знаешь это, любимый. Зачем же тогда рвать и без того хрупкую грань? Пока она была, мы могли претвориться, что все игра, безумие, обман, но не сейчас. Зачем ты все поставил на кон?

Я не могла сказать всего этого, но этого и не понадобилось. Он все понял по взгляду, он изначально знал, что это тупик. Широ сделал свой последний ход, обреченный на поражение. Поражение для обоих.

Эльф наклонился к моему уху, и я услышала мольбу в его словах.

— Не смотри на меня, будто я разрушил твою жизнь. Я так старался ее сохранить, — он потерся слегка грубоватой щекой о мою, как котенок просящий о ласке. Каждый раз, когда его губы случайно касались нежного бархата за ухом, меня пробивала молния. Все так невинно, и так чувственно!

Лишившись возможности коснуться мягких губ своими, мы научились передавать страсть лишь дуновением дыхания и легкими касаниями. И они в тысячи раз горячее простых поцелуев! Так зачем же нам они!

Не медля больше ни вана, я притянула свою позднюю осень ближе, позволяя продолжить начатое. Боги! Как давно я мечтала зарыться руками в золото его волос, как сильно жаждала коснуться обнаженной груди, прикинуть к ней и слушать надрывное биение мощного сердца, что наконец-таки стало моим.

— Еще одно движение твоей руки на моем животе и из этой комнаты ты не выйдешь до завтрашнего вечер-р-р-ра, — пряча возбуждение за рыком, предупредил Широ.

— Если ты продолжишь так рычать, то меня отсюда вся армия Владыки не выгонит, — томно протянула вконец потерявшая голову я и прикусила такое аппетитное эльфийское ушко. Наградой мне было утробное рычание и вибрирующие губы в ложбинке моей груди. Все! Мир потерял свою значимость. Теперь есть только он и я, а все остальные пусть идут к тьме! Мы слишком долго ждали, потерявшись во времени и пространстве.

Широ подхватил меня под колени, тем самым открывая для себя больше пикантных вещей для изучения. Одежда летела вниз, нещадно затаптываемая эльфийскими сапогами моего солнечного таара. Острые клычки покусывали нежную кожу и тут же зализывали ссадины, будто извиняясь. В какой момент я оказалась сидящей на кровати в разодранных штанах с голодным хищником между моих коленей, я не помню, но сопротивляться даже мысли не возникло. Властным движением я потянула свое счастье за перевязь на брюках, сокращая расстояние между нами до соприкосновения. Мне не противились, скорее, наслаждались, что столь желанны.

В моментальном порыве я уже тянулась к влажным губам своего мужчины, как резко отшатнулась всего в таре от тонкой алой кожи.

— Прости, — выдохнула я.

Он не пошевелился. И тут я осознала, он разочарован, что я не довела начатое до конца. Широ не противился, наоборот, эльф приоткрыл губы, готовый встретить мои.

— Не смей так больше делать, — простонала и тут же опустила взгляд в пол.

— Я готов был к этому и так же жаждал поцелуя, как и ты. Теперь уже не важно, ты моя! Это уже никому не изменить. Так почему и мне не быть твоим? — он лукаво улыбнулся и опустил свою ладонь ниже поясницы, утягивая остатки моего одеяния вниз.

— А-ах!

— Теперь держись, малышка. Я слишком долго ждал, чтоб отпустить тебя из своих объятий в ближайшее столетие, — и меня опрокинули на кровать, лишая последних остатков тряпья и освобождаясь от оногo.

Дальше было помутнение рассудка. Нежные поцелуи под коленкой и неистовые выше. Крепкие мышцы, сокращающиеся при любом прикосновении и плавно скользящие под кожей в такт движениям своего хозяина. Карамельная кожа, что была слаще меда. Загрубевшие от рукояти стилетов ладони, чье несовершенство дарило лишь удовольствие. Запах предгрозового воздуха и затягивающие в свои глубины высшей пробы сапфиры. Блаженство и безмерное счастье окутало нас. Любовь.

Кайя из рода Гарцующих в глубине

Как только моя Iani покинула зал перемещений, а Владыка светлых проводил Альхерта, мы все дружно направились в отведенные нам комнаты. Не знаю, как остальные, а я не задержался в своих покоях. Меня душило изнутри любопытство, как же на самом деле выглядит Хрустальный дворец или Хрустальный замок, как его называют сами эльфы. Только внутреннее убранство настолько зачаровывало, что можно было целыми днями бродить по помещениям и это не наскучило бы. Огромные залы были сплошь из горного хрусталя, что притягивал свет и дарил его не только днем, но и ночью. Каждое помещение было определенного цвета, что зависел от хрусталя. Огромные сводчатые стены, что упирались в потолок, создавали ощущение зазеркалья, рождая тысячи собственных отражений. А если взглянуть вверх, то конца видно не было. Будто смотришь в бесконечное нечто, ярко блестящее всеми цветами радуги не смотря на определенный цвет кристалла. Лишь единственный огромный зал в центре замка, что многогранной пирамидой стремился ввысь, соединил в себе множество оттенков, радуя глаз нескончаемой палитрой. Горный хрусталь будто перетекал из одного цвета в другой, прорастал ростками красного в синий и наоборот, соединяя множество невероятных комбинаций. Неудивительно, что этот тронный зал называют Радужным.

Изучив все досконально изнутри, все-таки решился выйти наружу. Беспокоить Дану смысла не было, ей нужно прийти в себя. А я могу только помешать ей в этом, так что ничто не держало меня в замке.

Отойдя на приличное расстояния, я всеми силами сдерживался, чтобы не обернуться. Для того, чтобы оценить всю красоту архитектуры, мне нужно было увидеть картину целиком. Поэтому я упорно отходил все дальше и дальше от замка по хрустальной тропе, хотя, как по мне, так дороги, но с первородными не поспоришь. Сказали тропа, значит тропа. Наконец, достигнув достаточного удаления, я вдохнул поглубже и резко обернулся.

Признаюсь честно, я на несколько вар выпал из реальности, поскольку пытался увидеть вершину замка и так и не находил ее. Протерев глаза, я сделал повторную попытку отыскать крышу и не нашел таковой. Невероятно, но конца сверкающему в лучах солнца хрусталою не было. Теперь ясно, почему потолка у большинства залов не видно, их попросту нет. Огромный замок просто вырезан в Хрустальной скале и является горой. Весь дворец — это высоченная кристальная гора, должен заметить, и широченная тоже. Пребывая в подобии блаженного сна, я вернулся в свои комнаты и надолго застрял в плену чудесного видения. А я еще тогда удивлялся, почему Дана сказала, что до Хрустальной скалы слишком далеко и мнимая близость замка лишь иллюзия. Он просто настолько огромен, что виден из любой открытой точки Хрустальных лесов. И любой, кому посчастливится его увидеть, не поверит в его истинные размеры, ошибочно предполагая, что замок находится слишком близко к нему. Такая же ошибка настигла и меня в прошлый визит к эльфам. Но Всевышние, как же я рад, что ошибся, потому что реальность превосходит все мои ожидания. Благодарю тебя Куилагур, светлая и темная богиня, ходящая между мирами, за то, что создала этот мир.

— Наслаждайс-с-с-ся-а-а-а....

И снова слух играет со мной!

Мир вертелся вокруг меня. Эйфория затопила все естество. Как же хорошо! Уставшее тело млело в разгоряченной постели, а разум плавал где-то в эфире. Рывок и сознание вернулось, насильно заставляя разомлевшие конечности двигаться, а тяжелые веки открыться.

— Оу! — отозвался кто-то.

Я снова закрыла глаза, потеряла их и уставилась на стройную женщину с шикарнейшей фигурой и косоугольными волосами, что обрамляли невероятной красоты лицо, а чернильные ресницы трепетали над истинно голубыми глазами, которые пересекали росчерки черной молнии. Жутковатый и пронзительный взгляд этих странных глаз сейчас буравил меня. Женщина гибкой кошкой обогнула кровать, выпустив из своих коготков голову МОЕГО эльфа, и приблизилась ко мне. Мягко, будто пушинка, она присела на край постели, все так же не отпуская меня своим напряженным взглядом.

— Здравствуй, мое дитя, — мелодичный голос источал силу и опасность, при этом обволакивая все тело, как патока. Проникая в уши, он покорял все естество.

Я молчала. Просто не знала, что ответить. Не часто просыпаешься в постели с эльфом, а другая женщина гладит и целует твоего любимого. Как-то на стандартную ситуацию не похоже.

— Ты права, — она мурлыкающе рассмеялась, — на обычную ситуацию не тянет.

Это она что, мои мысли прочла? Мне в ответ снисходительно улыбнулись.

— Я не по своей воле сюда явилась. Один очень впечатлительный юнец воззвал ко мне, и я, заодно, решила навестить кое-кого.

— Под кое-кем, ты имеешь в виду моего эльфа? — немного жестко уточнила я.

— Ага, — все так же спокойно ответили мне, — а теперь мне пора.

И эта странная незнакомка неземной красоты просто испарилась в черном тумане. Я не поверила своим глазам. Снова закрыла их, а когда открыла, оказалась лежащей на животе с раскинутыми руками, и кто-то крепко прижимался ко мне со спины. Орки знают что!

Неужели мне все приснилось. Недолго поерзав, я, наконец, выбралась из-под тушки Широ. Тяжелый он, зараза.

— Су, что случилось? — синева столкнулась с золотом, — тебе не спиться?

И вот уже солнышко заглядывает в занавешенный проход балкона, а я точно уверена, что еще вар назад в этот же проход светил яркий месяц!

— Су, что не так, — эльф приподнялся на локтях, заглядывая в мои встревоженные глаза.

— Скажи-ка мне вислоухий, а у тебя случаем черноволосой любовницы не завалилось?

— О чем ты, малышка? Какие любовницы? — он хитро улыбнулся, целуя мое плечо, — у меня только ты осталась.

Вот кошак мартовский!

— Уверен, милый?

— Банши, что случилось? — уже более серьезно спросил эльф, полностью садясь в кровати.

— Да так, сон приснился, — отмахнулась я и начала выбираться из постели, испытывая легкую тоску от того, что ночь кончилась.

Не тут-то было. Меня перехватили поперек талии и уложили на спину, нависнув сверху.

— Куда собр-р-р-ралась? — пророкотал мой оборотень и без зазрения совести приник к моей шее клыками, пуская свои руки в вольное исследование моего же тела.

— Широ!

— Что, любимая? — мурлыкнул этот обольститель. Ответом были мои всхлипы и стоны, а порой и крики. Вот же искусный эльф, чтоб все его любовницы синим пламенем горели!

Когда я пришла в себя, солнце клонилось к закату. Широ крепко обнимал меня, нежно покусывая нос, а потом и щеки.

— Ты меня съесть хочешь?

— Очень!

— Покормить?

— Нет, милая, я сыт тобой.

— А раз сыт, хватит меня кусать. Вдруг увлечешься, а я потом не досчитаюсь чего-нибудь, — буркнула я на разошедшегося эльфа.

— Я сыт, пока ты рядом. Стоит тебе уйти, и голод уничтожит меня изнутри, — прошептал этот хитрюга, нежно облизывая мое ушко.

— Нам пора выйти, нас ждут, — с надеждой уставилась на своего поработителя.

— Ждут, — эльф согласился со мной, — ты помнишь мои слова?

Я посмотрела прямо в глаза Широ. Он настороженно следил за моей реакцией. Все его тело напряглось, а вены на предплечьях вздулись, извиваясь под смуглой кожей, как синеватые змейки.

— Какие?

— Я люблю тебя, Суардана, — тихо прошептали мне в губы, почти касаясь их, — и после прошлой ночи я склонен считать, что и ты не равнодушна ко мне. А посему, я не потерплю никого рядом с тобой. Ты моя, а я твой. Не забывай об этом.

— Ты не мой, — грустно проговорила я мучавшую меня вещь, — и никогда моим не станешь. И я не твоя. Мы не принадлежим друг другу, Широ. Не загоняй меня в рамки которые не способен возвести вокруг себя. Я вольна, так же как и ты. Сегодняшняя ночь

была чудесной, и ты прав, у меня есть чувства к тебе, но чувствам не разорвать связи, которой опоясан ты. И эта связь, увы, не со мной. Мне жаль.

Боль! Глубокая, пробирающаяся в самые глубины боль отразилась в сапфировых глазах эльфа. Он все понял, он все знал. Я высвободилась из объятий первородного и зашла в ванную комнату. Я знала, что все будет так. Я знала, что будущего у нас нет. Его не стало с той самой ночи, когда мы повстречали Зивелени в коридорах Tintill Elin. Тогда полноценное счастье и ускользнуло от меня. А неполноценного я не приму.

Когда покинула умывальню, эльф уже был полностью одет, а вокруг ничего не напоминало о обжигающей сердце ночи. Не смея смотреть на Широ, я поспешила к выходу.

— Помни, — слова настигли меня уже в коридоре, — *im allen meletha...*

Слезы непроизвольно выступили на глаза и непостижимым образом хлынули на одежду не прекращаемым потоком в беззвучных рыданиях. Хорошо, что я стояла спиной к учителю и он не видел моих слез. Не задерживаясь в дверях, я рванула в свои комнаты, попутно сбив кого-то с ног, но меня это не волновало. Мое сердце кровоточило, изливая только часть своих страданий наружу. Тело била крупная дрожь, а глаза застилала мутная дымка. Достигнув своих покоев, я мешком свалилась на кровать и, свернувшись калачиком, ждала, когда боль утихнет. Всевышние! Пусть она утихнет.

Не знаю, сколько пролежала так, но комнату мягко освещал звездный свет и лунная дорожка полумесяца, когда я открыла распухшие глаза. Теплая рука опустилась на мои волосы и мягко стала их поглаживать. Баск. Только он мог так нежно и ненавязчиво успокаивать меня. Матрац прогнулся под весом эльфа за моей спиной, что продолжал окутывать меня своей заботой. Около вата мы просто молчали, а потом я услышала приглушенный певучий голос с легким придыханием.

— Я родился в мире Атор. Это мир, где эльфами правил мой покойный отец Райвель. Я был окружен любовью и заботой. Все меня боготворили, что часто раздражало. Вскоре мне надоело слепое преклонение, и я ушел из своего дома. Долгое время прожил у дроу и встретил там Зивелени. Она была красива, но любви я не испытывал к этой представительнице темной части моего народа. На союз одобренный богами я решился тогда, когда был создан Синул, твой мир. Я жаждал освоить его и повести за собой эльфов как светлых, так и темных. Но дроу были непреклонны. Они последовали бы только за своей правительницей и правителем, коим я стал, заключив союз жизни с наследницей, Зивелени ла Эк из дома Черного камня. Так я получил целый народ. Отец к тому времени скончался от горя, потеряв мою мать, так что со светлыми проблем не возникло. Я был наивен и амбициозен и не представлял, каким камнем на моей шее может оказаться нелюбимая супруга. Теперь я это знаю.

Все больше слушая, я осознала, что не Баск пришел меня успокоить. Сквозь полудрему до меня доносился только спокойный голос Владыки, но ведь Широ его дедушка. Они похожи, вот почему они всегда казались мне таковыми. Лишь после столь ненавистного имени дроу, я поняла, что мой эльф пришел излить свою душу. Теперь он к этому готов, как и я.

— Жизнь в новом мире мне понравилась. Я встретил тебя и передал все бразды правления своим помощникам, а вскоре сыну и внуку. Моим смыслом жизни стала ты и твоя защита. Переломным моментом стало нападение на долины. Виновного звали Milva — Коршун. Это очень старый и невероятно сильный некромант из другого мира, что пришел в Синул ради власти. Твой мир молод, тем и соблазнителен. Коршун хотел сделать его своим,

но его внимание привлекли долины. Идеально для того, кто хочет путешествовать между мирами.

— Почему? — не удержалась я от вопроса.

— Чтобы открыть проход в другой мир, нужна сила пяти архилордов, после чего ровно весну ни один из них даже свечку магией не зажжет и еще весна на восстановление. Пусть Коршун силен и уже не раз переселялся в чужие тела, его силы хватят максимум на открытие нестабильного маленького портала, что высосет все его силы, оставив беспомощным на тринадцать месяцев.

— А почему это так сложно?

— Для мага самое трудное — разрезать ткань бытия и прорваться в подпространство. Уже непосредственно в подпространстве легко открыть путь в любой из миров. Потому долины были просто сокровищницей для Коршуна.

— Долины уже находятся в подпространстве! Ему всего-то нужно было открыть обычный переход в любой из миров! Да это просто ключ от всех дверей, вот зачем ему долины! — я даже села от осенившей меня мысли.

— Да, малышка. Синул — личная база некроманта, а долины — площадки перехода. Он мог стать самым неуловимым злодеем всех миров, но...

— Но долины умирали вместе со своими хозяевами! И здесь его план полетел к троллю в зад! — я радостно вскричала от такого облома для крутого некроманта. Представляю, как же бесился он.

— Да. Но победа далась нам всем нелегко. Шантель потерял жену и внешность, а Баск — мать. К тому же одна долина уцелела, и кое-кто об этом знает, потому и не прекратил на вас охоту. Коршуну нужен Тариван.

— Но откуда ты знаешь, что это тот же некромант. Он ведь не за долиной охотился, а только человеческие территории поработить хотел и хочет.

— Вначале так и было, но теперь он знает о том, что Тариван жив.

— С чего ты взял? — не унималась я.

— Магнолия. Эта разумная мертвая убила жену Шантеля. Пусть я не видел ее раньше но вот она узнала меня. Она произнесла мое второе имя — Randir. Тогда, при захвате Долины Трех Лучей, она возглавляла отряды карателей. В этом я уверен.

— Волколак покусай! Нам нужно срочно попасть в долину! — я взволнованно заглядывала в глаза Широ, ожидая ответа.

— Ты права, — нехотя признался эльф, и я успокоилась. Теперь у меня есть поддержка в виде сильного некроманта и оборотня, пусть и бракованного.

— А почему тебя зовут скитальцем?

— Потому что скитался между мирами и по миру. Многие знали меня под этим именем в прошлом. Настоящего не знали, от того и прозвали как им сподручней было. Я много в этом мире поменял и улучшил за все его существование. Можно сказать, что я его хранитель, — и самодовольная улыбка осветила уставшее лицо эльфа, — а теперь спи, любимая, ночь вступила в свои права. Я буду оберегать твой сон.

И не спрашивая моего разрешения, этот нахал забрался ко мне на кровать, обнял меня и накрыл нас обоим одеялом.

— Не пыхти, мой дракончик. Со мной в разы приятнее спать, чем одной, — ну, с этим, пожалуй, можно поспорить, — и безопасней, — а тут без вариантов.

— Уговорил.

— Даже не пытался, — вот ехидна, — спи, мое сокровище.

Я сладко зевнула и решила, что от этого банного листа, то бишь эльфа, мне так просто не избавиться. Вот же упрямый какой.

— Я твой, Су. Пусть Зивелени имеет право на меня, но она никогда не сможет им воспользоваться вновь. Я не позволю ей, и мое решение нерушимо. Никто, кроме тебя, больше не коснется меня, но также я не позволю никому прикоснуться к тебе. Ты моя.

— Собственник, — затаив дыхание, выдохнула в пространство.

— Еще какой. Спи, моя melda. Пусть твои тревоги покинут тебя.

Словарь

1. Тат = 1500 км.

2. Alle nim meletha dae — Тебя я люблю больше.

3. Ван = секунда

4. Im allen meletha — я тебя люблю

5. Randir — Скиталец

Глава 3 Перемены

Если и держать туз в рукаве, то, желательно, козырный.

Громкий стук в деревянную дверь настиг меня в момент поднесения к губам чашки с о-о-очень горячим травяным настоем. Не стоит объяснять, что случилось дальше. Результат — моя ошпаренная тушка и хохочущий некроэльф, разбуженный моим особо витиеватым выкриком в сторону того, кто притих за дверью.

— Может, еще рассвет подождем? — с мольбой прошептали за закрытой дверью.

— Ну, нет! Теперь мы во всеоружии и готовы к атаке. Вперед! — гаркнули в ответ. Прямо боевой клич.

Только я хотела поинтересоваться, кто все-таки топчется под моей дверью, как она распахнулась и со скоростью дракона в пике отлетела к стене. Скрикошетила и благополучно вернулась на положенное ей место с характерным хлопком и вскриком боли. А нечего над дверью так издеваться, вот и получили по носу.

— И не жалко этой девице ребенка? — причитали за дверью. А я тут при чем? Я вообще пострадавшая сторона, а то, что эти стратеги не умеют культурно двери открывать, только их вина.

— Заходи, кто смел? — подхихикивая, позвала страдальцев войти.

Ручка поддалась под нажимом, и деревянная преграда медленно двинулась вовнутрь комнаты. Вначале в комнату вплыл щит. Огромный такой, бронебойный. Потом защита была втянута назад в коридоры, а в проеме показалась перепуганная и прищемленная мордочка кельпи в шлеме элитной стражи Хрустальных лесов. Только перепуганные глаза и выглядывали из-под легкого эльфийского железа.

— Дана... эм, можно?

— Можно-можно, чего застряли? — хотя выбор головного убора немного удивил, виду я не подала.

Кайя медленно вошел, потоптался, будто ожидая нападения невидимого некто, но не дождавшись оно, рванул по направлению к гостиной и уже через вар оказался сидящим на диване напротив моего кресла, в котором я сейчас и отсиживалась. За кельпи величественно вплыл Владыка в доспехах из драконьего железа и с двумя щитами, которые шустренько оставил при входе в мою обитель. Не теряя достоинства, эльф изящно опустил свою венценосную персону в соседнее кресло, громко позвякивая сверхпрочной сбруей. Вот тут уже скрыть удивления не удалось. Что, кельпи сожри, происходит?

— И что произошло, что вы решили ворваться ко мне с такой феерией? — кто-то, притворяющийся спящим, хрюкнул в подушку.

— Прости, Суа, но ты в последнее время... м-м-м-м... была не очень гостеприимной, — бирюзовые глаза сощурились.

— Да я вас два рассвета не видела! — гостеприимство оскорбилось!

— Да что ты! — вдруг вскрикнул Баск и схватился обеими руками за лицо, — ужас какой! — и стал наигранно корчить рожицы. И это правитель?

— Я что-то пропустила? — это уже вопрос к Широ. Владыка во всеоружии наталкивал на разные и весьма не радужные мысли.

— Ничего важного, — уверили меня, не поднимая головы с подушки. Вот наглый! Тут Владыка в боевой готовности сидит, а ему фиолетово.

— Дана, а ты не помнишь, как вчера меня выгнала? — осторожно поинтересовался мелкий.

— Приплыли, да я тебя даже не видела!

— Все ясно, твой приоритет на эти два рассвета валяется в кровати, и кроме него ты никого и ничего не видела, — раздраженно выдал эльф, — я заходил к тебе позавчера вечером.

— Почему ушел не поговорив? — растерялась я.

— Может от того, что в эльфийского Владыку на подходе полетело два стилета, — в дверях стояли полностью экипированные в легкие доспехи Ласкан и Алкай. Феникс, с подсвечником наперевес, выставленным в мою сторону как оружие, грозно сверкал глазами и явно был не в духе. Алкай же посмеивался, то и дело постукивая двуручным мечом о хрустальный пол.

— Как два стилета? — я ужаснулась.

— По очереди, — окрысился розовый, — один в голову, другой в сердце.

Я побледнела.

— Не переживай, мы вовремя дверь закрыли. Подумаешь, эльфы чуть правителя не лишились — такая мелочь, — Ласкан продолжал плевать ядом, предусмотрительно не убирая свое кованно-восковое оружие.

— Но...

— А потом пришел твой мальчик конской наружности. И как его встретили? — на меня пристально глядели два розовых огня.

— Как? — прохрипела я.

— Ну, повторять все те непристойности я не стану, скажу лишь то, что мальчишка белый как полотно выскочил из твоих покоев и еще несколько ват заикался, — феникс стал нарочито внимательно осматривать свою правую руку, — стоит ли говорить, что эльфы с пол вата твои боевые ножи из стенки коридора вытаскивали?

И так безразлично и издевательски это было произнесено, что у меня комок в горле образовался. Не могла я так с Кайей!

— Могла, — ответил поникший мелкий. Похоже, размышляла я вслух.

— А потом, красавица, меня послали, как самого стрессоустойчивого, — усмехнулся огонек, — и встретил меня стул, скрывающий за собой еще и стол. Благодарю, что не кинжалы, — и оборотень склонился в шутовском благодарном поклоне, — их я бы вряд ли пережил.

— Да не может быть такого! — громко возмутилась оклеветанная душа.

— Может! — взвизгнул феникс, — следующим шел я. Я то могу возродиться. И слава богам, потому что испепеляющее черное пламя некромантов не дано было пережить никому кроме меня. А ты, охалка, даже глаз от своего эльфа не подняла. Мурлыкала песенку, как приторно-сладкие комплементы, пока я в розовом пламени корчился!

— Врешь! — завелась я, вскакивая с кресла. Мне ответили четыре хмурых взгляда, с осуждением и обидой в глубине.

— Не врет... ха-ха... точно не врет...ха-ха-ха! — на моей широкой кровати, постанывая, хохотал мой давешний подельник в покушениях на присутствующих нелюдей.

— Широ? — осторожно позвала эльфа, уже сомневаясь в его вменяемости.

— Смешно тебе, остроухий! А мне нет! Вы два дня отбивались, как осажденная крепость, — продолжала гневаться птичка.

— А нечего было осаждать. Еще после первой попытки стоило свернуть свои визиты, — спокойно парировал эльф, выбираясь из-под одеяла. Встал, потянулся и подошел ко мне со спины, не соизволив накинуть на голые плечи хотя бы рубашку.

— А, собственно, зачем ломились-то?

И все дружно опустили очи долу. Та-а-а-ак! И что же им надобно было, что даже на приступ, рискуя своей шкурой, пошли?

Баск первым посмотрел на меня и уже открыл было рот, но кельпи его опередил, оттораторив ответ со скоростью звука.

— Я соскучился! — и глаза счастьем так и светятся. А вот Владыка так зыркнул на мелкого, что тот даже дернулся от него в сторону, невинно улыбаясь при этом.

— Я волновался за тебя, — выдавил из себя очередную пришедшую на ум отговорку эльф, — после того разговора мы ведь так и не виделись, — снова повернувшись ко мне, Баск тепло улыбнулся.

— Допустим, — временно примиримся с таким ответом, — а что оборотня заставило прийти?

— Так я вместо буфера. Просили тебя позвать. Ну я добросовестно попытался, — и так при этом ехидно скалится, что сомнений нет, упрашивали огонька не долго.

— А я... — Ласка попытался выдавить хоть что-то вразумительное на мой вопросительный взгляд. Растерялся, потом подобрался и с вызовом глядя перед собой сдал всю контору, — да всех любопытство почти доело за эти два рассвета. Им так не терпелось узнать, что же у вас там происходит!

— А сам-то! — взбеленился Баск, — я бессмертный, пустите меня, я даже доползти готов и помереть с десятков раз! — передразнил Владыка птичку, — уж сильнее тебя туда рвался только Малыш!

— А что, он приходил?

— Приходил, — тихо выдал кельпи, — вот только он вышел невредимый. Единственный, кому удалось-таки избежать отработки ваших метательных способностей на живых мишенях. Но он нам ничегошеньки не рассказал. Скрытный такой, серьезный ушел.

— И где он сейчас? — насторожилась я.

— Да сидит в изоляции! — выкрикнул Ласкан, — а нечего жадничать, мы между прочим, два рассвета все дружно не спим, а патрулируем коридоры. А он, видите ли, ненормальный, ему все можно!

— Дети, — выдохнул все еще стоящий за спинкой моего кресла эльф.

— И не говори. До чего любопытство таких культурных существ довело. Ладно Кайа, этому по статусу положено, но остальные... — и я укоризненно покачала головой.

— Но стилетами-то за что? — возмутился Баск.

Широ медленно подошел к эльфу, положил ему руку на плечо и проговорил в самое ухо, но так, чтоб слышали все.

— Для профилактики. А вот если бы не увернулся... внучек, — Баск посерел, а я схватилась за шею в защитном жесте. И знать не хочу, что б ждало светлого в противном случае.

— Ладно, братцы не эльфики, пора вам выметаться из покоев моей девочки. Поболтаете о своем, о девичьем за обедом. Все, брысь! — и всех, кроме Баска, как ветром сдуло. Какой

страшный некроэльф мне попался.

— Ты ей рассказал? — спокойно поинтересовался светлый.

— Да, Али. Она все знает. И я надеюсь, — он повернулся ко мне, — что мы отныне вместе?

Я кивнула. А чего отпираться-то. Отступить некуда, позади постель!

— Дана, Риандиэль из младшего дома Виерн сейчас при дворе. Она будет твоей фрейлиной. Вы, кажется, неплохо ладили, — вдруг перевел тему Баск.

— Какой фрейлиной? — ой, что-то мне это не нравится.

— Брось малышка, ты и сама уже догадалась, от чего совет тебя так опекал. Мы с мальчиком решили, что тебе нужна защита. Тогда Али и сделал тебя своей родственницей, официально.

— А я-то думаю, с какого перепугу зверобратец меня принцессой называл и говорил, что его подставили. Да уж, смерть особы с королевским титулом эльфы бы не простили никому. Какой умный кельпи мне попался. Все леди, да леди, а под конец и вовсе миледи стала, — я восхитилась сообразительностью одного водного коня.

— Да. Кельпи хорошо видят знак правящего дома на ауре других, — пояснил мне «внучек».

— И все же, зачем фрейлина?

— Пора всем показать, что мы семья, — огорошил меня Широ.

— Не-не, второй женой не пойду! — двум смертям не бывать, одной не миновать!

— Будешь Баску названной сестрой, а я, как и полагается, любящим дедушкой, — эльф расплылся в хищной улыбке.

— А я так привык к твоей роли моего подчиненного, — грустно вздохнул Владыка и сразу стал напоминать юного мальчишку, чью игру свернули на самом интересном месте.

— Су все знает, поддерживать маскарад считаю излишним. Пусть свет встречает своего правителя.

— А... — мой названный братик попытался что-то спросить, но его опередили.

— Ты так и останешься Владыкой Хрустальных лесов. Править на троне я не намерен. А теперь иди. Нужно набраться сил перед походом в Долину. Вели воинам готовиться.

И Баск покинул мои комнаты.

— Волнуешься? — сидящую меня обняли, прижав спиной к животу.

— Да. Не знаю, как отреагирует Тариван. Не знаю, чем закончится поход, и не знаю, что ждет нас дальше.

— Я знаю, — меня поцеловали в висок, — жизнь. Целая жизнь впереди!

Посидев еще с пол вата в комнате, я решительно оттолкнула от себя излишне приставучих и направилась к Ваньке. Нам просто необходимо поговорить. Скрывать свои отношения с Широ я не намеренна. Вытерпев столько всего по моей вине и, наконец, дождавшись положительного ответа, эльф покорило мое сердце окончательно. Он не сдался, даже через десятки тысяч весен. Он был со мной, всегда. Оберегал, хранил молчание и был невидим. Заставлял ненавидеть, измывался надо мной, терпел все муки совести, но не отступил. Грудь до сих пор прошивает необъяснимая боль, когда воспоминания настигают меня. Он не сдался!

Атар же наоборот. Кочевник никогда не умел любить, а моя слабая попытка научить его не всколыхнула в нем тех трепетных чувств, на которые я надеялась. Он как подросток, впервые полюбивший девчонку, не мог объяснить своих переживаний, вызывая тем самым

мои сомнения. Возможно, вырасти он в семье обычных магов, где чувства не были бы под запретом, для нас все сложилось бы по-другому. Но увы, жизнь не переигрывает свои партии. Он предпочел терпению мою ревность и боль, от которых сам же и страдал.

Мы совершили много ошибок. И среди них есть та, что невозможно было не совершить. Та ночь. Всего одна в нашей прошлой жизни. Единственное подтверждение того, что мы были. Что чувствовали, что жили. Но что бы ни произошло между нами, мы связаны. Глубоко и навечно. Долина — наше детище. Мы создали его вдвоем, вдвоем охраняли, берегли и вдвоем погубили. Эти воспоминания навечно легли крестом на наши души и сердца, и от них не избавиться никакими эльфийскими заклинаниями. Даже время не властно над ними. Как бы не изменился мир, души растерзанных не дадут нам забыть свершенного. Поэтому я, Суардана Дэнитар, последняя банши мира Синул, сделаю все, чтобы освободить естество выживших душ, запертых моей магией на грани.

Теперь я не колебалась. Я точно знала, что должна сделать. Время сомнений прошло, пора исправлять собственные ошибки.

Я подошла вплотную к покоям Малыша и решительно толкнула дверь. За легким скрежетом механизма последовал мелодичный шепот. Кто-то в глубине комнат рассказывал легенду. Голос феникса я узнала сразу, хотя сейчас он был мягче и уверенней. Ласкан шептал историю сотворения нашего мира, при этом комментируя ее, поясняя где вымысел, а где правда. Кому как не хранителю истории знать, как складывались события в те далекие времена. Он описывал все до мельчайших подробностей, вплоть до одевания великой богини равновесия.

Я не спешила прерывать уединение двух старых друзей. Облокотившись о противоположную входу в спальню стену, я незаметно для феникса вслушивалась в повествование. Ванюша дремал на широкой хрустальной кровати, смешно подперев щеку ладошкой, и пускал редкие дорожки слюны на пуховую подушку, от чего та промокала и глядела на мир желтыми кругами мокрых пятен. Ласкан же сидел на прикроватном стуле ко мне спиной и упоенно рассказывал, будто в трансе, не замечая никого и ничего вокруг себя.

— Она была прекрасна. Длинная, мечущаяся как хвост таара коса на конце завивалась крупным кольцом у ног своей хозяйки. Глаза ее горели синим огнем сквозь угольные разводы радужки, будто жидкий дым переплетался с языками пламени. Стройное тело облегал черный смог платья, укрывая свою повелительницу от чужих глаз. Богиня не была высокой, как не была и низкой. Она сохраняла равновесие во всем, даже в росте. Дивное воплощение поистине божественного существа.

Что-то в описании богини показалось мне знакомым, но мысль так же быстро ускользнула от меня, как и появилась. От задумчивости плечо скользнуло по шершавому хрусталу и породило не нужный сейчас шорох.

Ласкан обернулся. Его бесконечно розовые глаза сейчас усыпали звезды, среди которых затерялся зрачок. Феникс был сейчас далеко отсюда. Он как наяву видел Равновесие и переживал создание нашего мира снова. Это его способность. Способность самых одаренных хранителей истории видеть прошлое своими глазами, любой его отрывок. И не важно, сколько весен или веков он прожил, для таких как принц Ласкан зи Верт Налю не существует временных ограничений. Они видят вне времени, даже если жили тысячи весен спустя. Знающий, так называют фениксы одаренных. Как же просчитался король, когда изгнал собственного сына и наследника из клана. Как повезло мне, что нашла такого верного и надежного друга, что последовал за мной через забвение.

— Ты опоздала. Я уже рассказал основную часть, — голос прозвучал тихо, но уверенно.

— Ты уже десятки раз рассказывал мне эту легенду.

— Это не легенда.

— И это ты тоже уже говорил, — я подошла к фениксу и села на краешек кровати так, чтобы видеть лицо принца, но при этом не потревожить окончательно заснувшего Ваньку.

— Знаю, — миг и звезды исчезли из глаз хранителя, вновь обретя все тот же мягкий розовый оттенок.

— Ты усовершенствовал свое мастерство, — похвалила я друга.

— Так и есть. Даже вспоминать не хочется, каким слабаком я к вам попал, — он скривился.

Это была истинная правда. Когда мы с Атаром приняли феникса, он был слабее новорожденного, преимущественно из-за неприятия своим телом прикосновений. Его невозможно было тренировать как остальных воинов. Ни одна из известных техник не подходила розовому. Тогда Атар лично взялся за тренировки юного изгоя. Бесконтактный бой. Это был самый лучший вариант для Ласкана. Все тренировки строились на уклонении от противника, причем враг даже коснуться не должен был принца. Когда уклонения были более менее освоены, хозяин долины перешел к атаке. И с этим были огромные проблемы. Как не способное ударить существо сможет победить противника? Да никак. Только магией. Пламя феникса в бою не помощник. Оно годится только для полного уничтожения тела и души. К счастью, от матери нимфы Ласкан унаследовал способности к воздушной стихии. Резкие и сильные порывы направленного воздуха ломали кости не хуже орочьих кулаков. Так феникс стал способным защитить не только себя, но и окружающих. Он не говорит этого, но Ласкан безмерно благодарен Атару за возможность быть сильным. Возможность доказать миру, что его еще рано списывать со счетов.

— У советника не было шансов. За эти полвека без вас я достиг мастерства в своем виде боевого искусства, — он самодовольно ухмыльнулся вновь став капризным и вредным принцем, которого привыкла видеть настоящая я, но не прошлая.

— Тебе нравится истерить, как я погляжу, — поддела я.

— О, еще как. Я отыгрываюсь за все те десятилетия, которые я вынужден был проводить в одиночестве. Так что держись, — пригрозили мне.

Я улыбнулась, и на несколько вар наступило так нужное нам молчание. Мы понимали друг друга без слов. Нам они уже не нужны. Слишком давно мы знаем друг друга.

— Как он? — я указала взглядом на спящего Таривана. Как странно, его имя Арк Тариван Атар, где первые два имени принадлежат его деду и отцу, а последнее дано кочевнику при рождении, но я уже привыкла звать его Тариваном, пусть он и был всегда для меня Атаром.

— Он все еще не в себе, но новость о вас с эльфом расстроила его не меньше, чем сделала бы это в его вменяемом состоянии.

— Между нами уже давно заросла та тропа, что я пыталась вытоптать к его сердцу от своего, — я легонько провела ладонью по голове воина, пропуская белоснежные пряди сквозь пальцы. Такие мягкие, такие знакомые и родные, но такие далекие.

— Мы откроем долину, восстановим ее. Все будет хорошо, — теплая рука опустилась на мое плече, слегка сжав его.

— Я не хочу восстанавливать ее. Я хочу спасти запертых в ней умерших, что чудом избежали уничтожения моим туманом, — губы непроизвольно сжались в тонкую линию, —

я слышу их, Ласкан. Я слышу каждого, кто все эти пятьсот весен просуществовал в мучениях на грани, без возможности на перерождение. Они застряли там, они напуганы и мечутся в ужасе.

— Не твоя вина, что мир таков, какой он есть. Послушай того, кто видел и пережил гораздо больше трагедий.

— Тебе проще, рубин. Ты можешь как увидеть, так и забыть все свершенные ужасы. Ты выборочно помнишь. Я — нет.

— Твоя правда. Но не горюй по прошлому. Строй будущее, ведь оно у тебя есть. И весьма многообещающее, — феникс подмигнул мне и расплылся в заискивающей улыбке.

— А это мы посмотрим, как мое остроухое двуипостасное будущее будет себя вести.

Поговорить с Малышом мне так и не удалось, поэтому перенесла наш разговор на вечер. А вот другую встречу я переносить не собиралась. Вернувшись в свою комнату, я первым делом вызвала к себе свою новую фрейлину. Надо же повидаться со старой подругой, уже две весны как не виделись.

В дверь робко постучали, а получив дозволение войти, в гостиную вплыла Риандиэль, наследница младшего дома Виерн.

— Светлого будущего, Ваше Высочество, — проворковала эльфийка.

— И тебе ясного, только давай без Высочества, а то жутко коробит, — я тут же предложила убрать официоз из нашего общения.

Светлая, с водопадом рыжеватых волос и пронзительно серыми глазами, как ртуть, поклонилась и с улыбкой продолжила вредничать.

— Как Вам будет угодно.

— Угодно мне будет вернуться к дружбе, — очередная попытка сблизиться.

— Если таково Ваше желание, — и очередной провал.

— Ладно, Риандиэль. Хочешь выкатать, твое право. Раньше ты себя так не вела. Вот что повышение делает с эльфами, они становятся ханжами.

— Да когда я была ханжой?! — встрепенулась эльфийка, — Ой! Прошу прощения, — и она снова склонилась в поклоне. Но мне было достаточно и того, что я увидела.

— Брось, подруга, ты прокололась. Хватит упрячиться. При посторонних можешь хоть лбом о пол биться от благодарности за назначение фрейлиной, а при мне брось притворничать, — строго отчитала эльфийку.

— Вот неймайся тебе. Я еле-еле снова ко двору вернулась, веду себя подобающе, а ты развращаешь молодую приличную девушку. Не в первый раз, кстати, — и эта нахалка без зазрения совести завалилась на мой диван, как портовый грузчик на телегу.

— Тоже мне, приличная девушка. Кто две весны назад так обласкал младшего советника из Ритара, что вся делегация уже через ват держала путь подальше от Хрустальных лесов? — о да, этот случай был поистине грандиозным событием. Он же и помог мне избежать штрафа за присвоение чужого раба, а именно Ваньки.

— Меня, между прочим, именно после этой выходки совет и убрал со двора. Мол, мала еще наследница, да и нечего младшим домам при дворе ошиваться. Упырев глава совета! — глаза светлой заблестели, а тоненькие пальчики сминали воздух в попытке задушить воображаемого главу. Нелюбовь к этому эльфу была у нас общей и заслуженной.

— Я тут твоего братца на днях встретила, — Риандиэль отвлеклась от удушения невидимки и удивленно посмотрела на меня, — смысленый мальчишка.

— Так что, он и вправду в разведывательный попал? — глаза фрейлины расширились. Удивилась.

— Ну да, я его определила на учебу. Через весен двадцать будет из него настоящий разведчик.

— Ха-ха-ха...

После моих слов эльфийка зашлась в таком сильном приступе смеха, что я даже растерялась, не зная, как реагировать. Это она радуется так?

— О Всевышние! Родители будут в шоке! Они решили, что их отпрыск бредит, и потребовали его срочного возвращения в родное поместье. Ха-ха! Да моего папочку удар хватит!

— То есть, твоего братишки уже нет во дворце?

— Есть, — она смахнула указательным пальцем выступившую в неравном бою со смехом слезу, — этот маленький гаденыш прячется от меня.

— Почему от тебя?

— А именно мне поручили отправить этот неугомонный комок энергии домой. Вот Артвирт и скрывается, — эльфийка устало потерла переносицу, прикрыв припухшие глаза. Не выпалась подруга, вон какие мешки под глазами.

— Но теперь-то для ссылки нет причин?

— Ага, теперь есть причины упрекнуть папочку.

Да уж, не сладко приходится младшим домам. Редко кого из них допускают ко двору, все больше старшие дома властвуют в свете. Чудо, что Риандиэль здесь, причем уже второй раз. После отлучения от высшего общества в него не возвращаются, а тут, поди ж ты.

— Так какие планы, моя неугомонная госпожа? Я тут краем уха слышала, что зал совета на ремонте, — и она туда же.

— Да не собираюсь я дворец крушить! До него еще добраться нужно. А Хрустальный не возьмет и драконья магия.

— Ага, как же. А заказ на восстановление второго этажа Tintill Elin моей семье по ошибке пришел, да? — она хитро прищурилась.

— Я тут вообще ни при чем! Это ненормальный один покуролесил.

Меня окинули скептическим взглядом.

— Да клянусь родней Ласкана, это не я, — не говорить же ей, что я эту семейку сама бы ужокошила, да не судьба.

— Как скажешь, — кажется, мне не поверили.

— Ладно, эльфичка, сейчас пьем чай и мне надо к одному невменяемому заскочить. По моим расчётам, он уже должен бодрствовать.

— Чайку, так чайку. Я тут на днях такого красавчика эльфа видела, м-м-м, загляденье. К тому же, он из старшего дома, — заискивающе пропела эта сваха, по ошибке попавшая в тело благородной эльфийки, — ты бы присмотрелась, вдруг понравиться. А то ходишь старой девой.

Я обреченно вздохнула. Эта неугомонная при любом удобном случае пыталась мне мужчину найти. Насчет мужа мы уже решили. Замуж я не собираюсь. Так она теперь мне любовников ищет, вот приставучая.

— Ри-и-и-и.

— Что Ри? Я о тебе забочусь, глупая. Глядишь, и выйдешь замуж. Чего ты... — но договорить светлой было не суждено.

Риандиэль резко замерла, вся кровь отлила от лица, делая кожу еще более белоснежной. Ван и эльфийка уже стоит на коленях, низко опустив голову.

Ничего не могу понять, что случилось?

— Condir — вырывается полусшепот из сведенного горла.

Две теплые ладони мягко, но уверенно ложатся на мои плечи, заставляя невольно вздрогнуть и обернуться. За моей спиной стоит Широ. Нет. Там стоит Динаристан правитель всех эльфов Синула. Белоснежные одежды с золотой вышивкой гармонично подчеркивают необычный цвет волос первородного, а тонкое плетение драгоценных нитей на венце власти, что обхватывает его голову, довершают образ Великого.

— Встань, — спокойно, но властно.

Эльфийка выполнила приказ, но головы не подняла.

— Широ, что все это значит?

— Видишь ли, любимая, — эльф скользнул одной рукой мне на шею и стал поглаживать нежную кожу, полностью игнорируя вздрогнувшую от такого обращения к моей персоне Ри, — отвод глаз снят, и все эльфы отныне видят меня в истинном облики.

— Но ты не изменился!

— Это для тебя я остался прежним, а они, — он кивнул на светлую, — видели меня совершенно другим. Мой образ заложен в их крови. Каждый представитель моего народа, вне зависимости от возраста, знает, кем я являюсь.

— Вот значит, что ты имел ввиду, говоря, что ты вернулся и не собираешься скрываться.

— Да, melda, — и уже эльфийке, — оставь нас.

— Да, Прародитель, — Ри низко поклонилась и чуть ли не бегом устремилась к выходу.

— Эй! Это моя фрейлина. Почему ей приказываешь ты? — возмутилась я.

— Больше не буду, милая, — легкий поцелуй за ушком, — но поверь, ей сейчас гораздо лучше дышится с той стороны двери.

— Это точно. Уж слишком ты, — я оглядела эльфа с ног до головы, — важный.

— Властный, — поправили меня.

— Широ, ты прости, но мне нужно поговорить с Малышом. К тому же у нас есть одно не завершенное дело.

— И какое? — промурлыкал мой оборотень.

— Требующее немедленного внимания, — я встала и обвила его талию, пристально вглядываясь в синеву раскосых глаз, — мне, правда, нужно идти.

— Я так долго тебя ждал, что даже ван без тебя теперь пытка, — хрипло прошептали мне на ухо и слегка прикусили его. Я вздрогнула.

— Кстати, об этом. Почему четыреста пятьдесят весен назад ты так поступил со мной? Почему унизил перед Баском и всей охраной?

— Ты о дне назначения тебя в разведывательный?

Я кивнула.

Широ тяжело вздохнул и прижал меня к своей груди еще крепче, позволяя уткнуться носом в смуглую шею, что давало потрясающую возможность вдыхать насыщенный и терпкий запах любимого мужчины.

— Ты была нестабильна. Любой толчок, и все труды насмарку. Моя магия смерти пусть и была заблокирована, но при близком контакте легко могла пробудить тебя. Сто весен —

это срок моей дистанции. Срок, за который твоя сущность должна была стать стабильной. Я не имел права на ошибку, но ошибся. Ты была слишком желанна в тот рассвет, и я потерял контроль. Все могло закончиться очень печально, не останавли нас Али.

— Все те слова...

— ...были сказаны с намерением отвернуть тебя от меня, — закончил за меня первородный, — если я не мог справиться со своей тягой, то ты могла остудить ее своей ненавистью и презрением. Так и вышло, — длинные пальцы легонько коснулись волос на макушке, закутываясь в них, как озябший в одеяло.

— Почему ты бросил меня на нашем последнем задании? — продолжая немного нервно сжимать талию эльфа, задала очередной мучающий меня вот уже пятьдесят весен вопрос.

— После того, как ты скрылась в ванной, прибыл посыльный от моего внука. В тот день умерла предпоследняя банши, — меня мягко потянули за волосы, и я, поддавшись, отстранилась. Губ коснулся большой палец и нарочито медленно провел вначале по верхней, а потом и нижней половинке, — ты не знаешь, но когда умирает банши, вся энергия смерти, что была накоплена ею за всю жизнь, переходит к оставшимся в живых плакальщицам, — продолжил говорить эльф, как и его пальцы продолжили ласкать внутреннюю сторону нижней губы.

— Эта энергия заставила пошатнуться мой блок. Не брось я тебя, вся впитанная твоей сущностью магия просто разорвала бы мою защиту в щепки. А чем грозил тебе обрыв моего блока, ты узнала на своем недавнем печальном опыте.

— Да уж, — я глубоко вдохнула, — а я готова была тебя порвать на кусочки после того побега.

— Ну, — эльф виновато потупился, — я последние весен двадцать скрывался от тебя именно по причине нежелания быть разорванным или прирезанным.

Я от возмущения даже слова все растеряла.

— Согласись, — он поднял руки в примирительном жесте, — в гневе ты страшна.

— А чего тебе бояться, бессмертный мой? — ласково пропела я, — подумает, отработала бы на тебе метание твоих же стилетов, отделение головы от тела боевыми ножами и расчленение по типу «четвертование». Брось, — и я махнула рукой, говоря, что все это мелочи — ты бы выжил.

— На том свете, — сглотнул новоявленный некромант.

— Ты преувеличиваешь, — я отошла от эльфа. Еще пять вар и меня бы уже ничто не оторвало от моего наваждения.

— Хм, ты все же бросаешь меня, — укорили меня в излишней холодности к представителю даже не знаю кого, эльфа-оборотней?

— Широ, солнце, еще немного и мы не выйдем отсюда еще рассветов так пять, а у меня действительно дел накопилось. Кстати, где кошмарик?

Я вдруг четко осознала, что своего кельпи не видела с той самой разборки полетов. Ван, и в дверь кто-то осторожно поскрёбся.

— Эм, Дана? — раздалось из-за двери.

— Заходи.

— Точно?

— Кайа, — вспыхнула я.

— Что, Кайа? — в комнату вплыло мое черно-пепельное чудо, — вы тут недавно отбивались как от нашествия плотоядных зомби.

Нет, ну его возмущение понятно, но это же всего раз случилось. Нужно было нас просто в покое оставить, а не совать свои любопытные носы в чужие спальни.

— Мелкий, хватит дуться, у нас есть задание, — прервала я поток обвинительных взглядов.

— Правда?! — и снова любопытный подросток передо мной.

— Ага. Захвати чего-нибудь съестного на кухне и дуй в комнату к Таривану. Я буду ждать тебя там.

— А кто еще с нами идет? — уже на выходе поинтересовался кельпи.

— Ты, я и Малыш.

— Без живодера?! Ой! — и мелкий шустро закрыл рот рукой.

— Эм... — я оглянулась на Широ.

Эльф стоял сложив руки на груди и возмущенно взирал на все больше пригибающегося к земле Кайю. Ясно, кого так ласково обозвали.

— Эм... без... эм... Широ, да перестань убивать взглядом моего подопечного! И правда, ведешь себя как садист сейчас. Моральный! У него есть полное право возмущаться. Ты чуть не наделал в его черепушке лишних дырок. Впрочем, не только в его.

— А то, что ты прицельно метала свои ножи, уже не в счет? — ехидно осведомился этот бессовестный кошак.

— Зато я мебелью в пылу страсти не разбрасывалась. Прицельно!

Пару вар я, надувшись, с вызовом встречала ответный, не более дружелюбный взгляд эльфа.

— Ты с нами не идешь, — зло прошипела я.

— Больно надо, — не менее зло, зато более мелодично ответили мне.

— Изверг!

— Неженка!

— Садист!

— Криворукая!

— Кайя, пошли-ка отсюда. Слишком много витает в воздухе агрессии, — и я шагнула за порог собственных покоев, напоследок обернувшись и выдав «некроэльф блохастый с манией величия», показывая при этом язык. После чего гордо удалилась под ошарашенный взгляд эльфа и его открытый в попытке ответа рот, но дверь уже была закрыта. Вот так надо оставлять последнее слово за собой. Желательно за непробиваемой дверью, с запасом времени и приготовленным заранее местом укрытия.

— А теперь бежим, — и я стартанула в сторону покоев нашего болезного.

Через несколько пролетов резко схватила мелкого за шиворот и дернула назад.

— Ты куда? Кухня в той стороне! — прокричала я в ухо дезориентированному мальчишке, — мы без провизии не выживем!

— Да мне сейчас все фиолетово, лишь бы ноги от твоего благоверного унести! — возопил вырывающийся конь. И вправду конь. Этот несмышлёныш трансформировался и, воспользовавшись моим замешательством и выпущенной из захвата холкой, рванул по коридору вперед, благо в направлении кухни.

А потом скрежет когтей по хрусталу, грохот, звон посуды и громкие крики. Самое главное — он попал по адресу!

Я задумчиво посмотрела на зажатые в кулаке длинные конские волосы, стряхнула их на пол и резво добежала до нужной мне двери. Зная Широ, одну он меня ни за что бы ни

отпустил из дворца. Кайя и Малыш не считаются. А так он сам сказал, что не пойдет, вот пусть теперь бесится. Уговорами бы я ничего не добила, а старая добрая ссора принесла свои плоды.

— Ванюша, — я медленно прокралась в покои. Мало ли, — Эй, Тариван! — и тишина в ответ. Это насторожило. Как оказалось, не зря.

Миновав просторную гостиную, в которой отчетливо витал запах гари и беловатая пыль, предположительно деревянная труха, я зашла в спальню. Тут-то и случился старый добрый, но не забытый ступор. Описываю место боевых действий! Вся постель валяется на полу, там же разбросана мебель. По стенам какая-то серо-желтая жидкость растекается, вместо окна большая дыра. В пробелах, не заляпанных неизвестным веществом, отчетливо виднеются черные круги сажи как от огненных пульсаров, точнее от того, что они оставляют после сожжения цели. А завершает этот шедевр абстракционизма бледная тушка мага под потолком на креплении для люстры, что почилась смертью храбрых в сердце проломленной кровати, и не менее синяя тушка зверобратца, вцепившегося в потолок всеми своими когтями и пытающегося слиться с ним же, что мало у него получалось в силу бардовости потолка и синюшности кельпи.

— Э-э-э-э... на нас напали? — шокировано обвожу взглядом представшую картину. И ни единой мысли, что здесь могло произойти за столь короткий срок с моего прошлого визита.

— Дана, — прошептал мой недомаг, — не шевелись!

Вот теперь я насторожилась. Медленно переступая через всевозможные обломки, при этом крепко сжимая рукоятки своих ножей, я направилась к центру комнаты.

— Миледи, — остановил меня голос сверху, — прошу вас позвать стражу. Не рискуйте собой.

Игнорируя взволнованное предупреждение подвисшего, я все же достигла середины комнаты. Ничего подозрительного я не заметила, до того момента, как кто-то мелкий не прошмыгнул мимо моих ног и устремился из спальни вон через окно.

— Это еще кто? — Воскликнула, стремительно оборачиваясь. Беглецы мне не ответили.

— Феи, миледи, — сказал, что выплюнул, Палан.

— А что они здесь делают? — вконец ошарашили меня.

— Ну, я ловил бабочек. А этот, — крупный воин, висящий под потолком, что путался в собственной же шевелюре, периодически отдуваясь от излишне наглых прядей, что лезли в глаза и рот, обличающе ткнул пальцем в кельпи, который зашипел от такого обращения и чуть не сверзился на землю обетованную. Вот честно, меня пробило на ха-ха. Картинка-то вырисовывалась та еще.

— Он отбирал моих бабочек и жрал их, — обиженно продолжила туша, выгибая нижнюю губу в попытке сдуть с лица очередную волосину, прибившуюся не к месту — когда я поймал двух самых красивых, пфу-у-у-у... пфу-у-у-у... то стал убегать от него, а он все равно хотел их съесть! Он вырывал их у меня из рук!

От экспрессии Малыша крепление у потолка закрипело, грозя скинуть излишне тяжелую «люстру». Мужчина пошатнулся, вновь накрывая лицо длинными волосами, от чего начал усиленно отплевываться, а помеха все больше липнуть.

— Да сдались тебе эти насекомые! — прорычал все еще не меняющий своего перевернутого мировоззрения конь, — Ты бы хоть проверил, кого притащил во дворец, ненормальный!

— И кого? — хотя, уже догадываюсь.

Кельпи осклабился на мага, но не успел убрать оскал, и ко мне обернулась излишне кровожадная морда.

— Фей он притащил! Причем самых мстительных. Когда это недоразумение выпустило свои находки, мало нам не показалось, — и он зло кивнул в сторону собственного тыла.

Судя по подпалинам в весьма деликатных местах, действительно, мало им не было.

— А комнату тоже они так разукрасили?

— Это мы так убегали, — сознался Палан, — а насчет этой жижи на стенах, так это кто-то так колдовал! — и клацнул зубами в сторону ненормального, отчего тот дернулся и таки свалился на недоуничтоженную феями, кельпи и недомагом кровать.

Я села на покореженную деревяшку, бывшую когда-то прикроватным столиком, и тихо рассмеялась, пряча лицо в ладонях.

— Баск меня убьет, — озвучила я свои мысли.

Словарь

1. Condir — Правитель

Долго заниматься сочувствием к себе любимой мне не дали. Оказывается, наш Палан так крепко вонзил когти в потолок, что не смог самостоятельно отодрать их оттуда. Единственный в нашей компании, кто мог хоть как-то отличиться силой и ростом, к спасательной операции не был допущен слишком строгими требованиями: «Если он свои криворуки ко мне протянет, я их с корнем вырву!». Оттого пришлось ждать Кайю, перекидывать его в коня и, уже забравшись к нему на спину, отрывать излишне сердобольного кельпи от потолка. И, естественно, ничего не получилось. После вата мучений я взяла свой нож в руки и с каким-то затаенным удовольствием отпенькала кельпи когти под корень. Бальзамом на душу мне полились ругательства упавшего на покореженную мебель Палана. Прямо музыка для моих ушей. Хоть какое-то утешение за те проблемы, что они мне тут устроили.

— Все! Хватит реветь над поруганной невинностью!

— Да ты знаешь, как я о них заботился! — кельпи аж подскочил от возмущения, — для охотника его оружие священо!

— Так то оружие, — я указала пальцем на обрубки, которые зверобратец лелеял, прижав к груди, — отрастут ведь.

— Они и есть мое оружие, невежда! Всевышние, за что моему брату дана такая хранильница! Вы же привели меня в полную боевую негодность, миледи!

Что-то подсказывает мне, «миледи» в этот раз звучало отнюдь не из вежливости.

— Сам виноват. Нечего было к Тару лезть. Нравится слабых обижать? — я посмотрела на зверобратца сквозь прищуренные веки.

— Да ему самому нравилось удирать от меня. Играли же, — как-то расстроено он это сказал.

— Ладно, оставили эту тему. Я сюда вообще для разговора пришла. Но Малыш сейчас такой Малыш, что разговора явно не получится. Зато кое-что мы все равно можем сделать.

— Что? — тут же оживился кошмарик.

— Ну, для начала линияем из дворца, пока Владыка не в курсе ваших догонялок с феями. Предпочитаю пережить его очередной гнев на безопасном удалении, учитывая, что про второй этаж Tintill Elin ему как раз должны сообщить вечером на совете.

— Поддерживаю, — а Палан вроде отошел, больше не укачивает свои руки и не перецеловывает каждый потерянный коготок. Это прогресс.

— А куда?

— В поля, мелкий. У нас намечается охота!

После этих слов Малыш вздрогнул, а зверобратец поджал пальцы на ногах и руках, стыдясь их обскубанности.

— И на кого? — вновь проявил словоохотливость Кайя. Остальные все еще прибывали в задумчивости.

— На одну очень вредную и своенравную кобылу, — и я хитро подмигнула кошмарнику.

— Так она же в Tintill Elin осталась?

— Она там потопталась! А теперь и здесь. Нужно как можно быстрее приструнить эту

бестию, пока на нее армию эльфов не наслали. Она им такое унижение устроила, до пятого колена не отмоются, — я даже захихикала, вспоминая унылые остроухие моськи с отпечатком подковы на лбах.

— Так что взяли палатки в руки, — видя, как от моих слов Палан снова стал тянуть лапки к груди, исправилась, — в зубы и на спины и вперед на выход. Кайя, ты достал нам кушанья всякого?

— Ага. Мне здешняя повариха отдала пол запаса на сегодняшний ужин, лишь бы я убрался с ее кухни, так как ей там еще вата три после меня убирать.

— А ничего не подсыпала со злости? — я покосилась на мешок с провизией.

— Не успела бы. Как начала верещать, как похватила первое валявшееся, сунула мне в лапы, так и выперла оттуда чуть ли не пинком. Да я и сам рад был оттуда убраться.

— Раз так, выдвигаемся.

И мы скудной змейкой потянулись по пустым коридорам прочь из Хрустального замка.

Стояла глубокая ночь, когда мы, наконец, достигли одного из самых отдаленных полей. Если верить братику Ри, это поле наш дух земли еще не портила. Об этом свидетельствовало и отсутствие караула, который выставили на все посещенные Палей поля.

Я спешила с Кайи, и мы стали готовиться к ночлегу, выбрав для этого неприметную полянку чуть в глубине леса, что тянулся по всей длине пшеничного поля.

Ничто не предвещало бури. Желто-красные кроны безмятежно сорили разной формы листьями, устилая ими остывающую землю. Это разно-пёстрое покрывало шелестело в тени леса и доставляло неудобство хищникам, что стремились остаться необнаруженными. Пока лиственный настил не попреет и не станет влажным и мягким, пожухлые сухие листья будут проблемой, как для охотника, так и для добычи, которой теперь в разы тяжелее делать тайные вылазки из своих нор за едой.

Осень красива, она несет сон всему живому. Несет запасы на долгую пору заморозков. Она как яркий, насыщенный красками и урожаем карнавал перед долгим застоем. Последняя яркая вспышка перед серо-белыми тонами зимы.

Я люблю эту пору года, а совсем недавно ненавидела. Запах опада специфичен и всегда нес в себе мою затаенную боль. Прелость поздней осени вводила меня в уныние. Для меня осень была вечным испытанием и мукой. Ведь он пахнет именно ей. Теперь это рождает связь и чувство близости любимого. Теперь ароматы, даримые увядающей природой, не подавляют меня. Теперь они лелеют мои чувства, что не остались без ответа.

До самого рассвета ничего не происходило. Лес дремал, изредка принося тихое уханье совы или треск веток под лапами животных, что отважились на ночную вылазку. Никто из нас не спал, каждый размышлял о своем. Ванюша сидел возле костра и был как никогда задумчив. На мгновение мне показалось, что в изумрудных глазах был проблеск сознания, но за очередным клубком рассеявшегося дыма его взгляд вновь стал наивно-детским. Я подсела к нему ближе.

— Мальш, может позовешь Палю? — закинула я пробную удочку.

— А как? — на меня растерянно посмотрели.

— Понимаешь, милый, — я решила, наконец, пробудить его память, хоть и страшилась этого сейчас больше всего, — когда-то она была твоим духом-хранителем, — и я внимательно всмотрелась в лицо мага. Никаких признаков вернувшихся воспоминаний, лишь удивление.

— Правда?

— Правда, — я положила свою ладонь на его плечо. Он должен вспомнить, — ты встретил Каэль еще до знакомства со мной.

Глаза мага расширились, в них читался интерес, но пока ни капли воспоминаний о том, кем был дух земли для своего хозяина. Я вглядывалась в малахит потемневшего в сумерках взгляда и нервно теребила край накинутого на плечи ранее шерстяного одеяла. Как же это тяжело, смотреть в столь родное и знакомое лицо и видеть в нем лишь оболочку прежнего хозяина.

— Тогда она была черной лисой с роскошной шубкой, — я мягко улыбнулась в ответ на слегка ошарашенный и приправленный тихим «ха?» выдох Ванюши, — вы были неразлучны. Пожалуй, она была единственным близким для тебя существом до нашей встречи, — я вздохнула, вспоминая эту вредную лисицу, но такую верную избранному магу.

— Она — дух земли? — уже более осознанно спросил у меня Тар.

А я дернулась от этой вкрадчивой и так похожей на прежнюю манеры говорить.

— Да. А ты маг земли. Между вами тысячелетняя связь. Она нашла тебя даже после полной потери памяти, — я подняла валяющуюся под моими ногами ветку и бросила в догорающее пламя, тем самым подпитывая завораживающую стихию, — правда, Каэль пришлось блуждать в форме бесплотного духа, но она нашла для себя подходящую случаю оболочку. Ты можешь призвать ее, и Паля придет к тебе.

Я с надеждой уставилась на Малыша. Искать дух земли самостоятельно может быть весьма сложно. Но если ее призовет маг, которому она присягнула на верность, все пройдет гораздо быстрее. Собственно, по этой причине я и потащила Ванюшу по полям, а кельпи взяла в качестве транспорта. Как Палан оказался в нашей компании и так понятно — непредвиденные обстоятельства в виде фей.

Бросать Палю на произвол судьбы нельзя, она тогда сама и вершит этот произвол. А зная о ее вредности и злопамятности, стоит поторопиться с поисками.

— Я постараюсь, — Ван кивнул и снова направил свой рассеянный взор на огонь.

Он не взмахивал руками и не выкрикивал строчки странных песенок и заговоров, просто сидел, сложив ладони в замок на своих коленях, и молча наблюдал танец догорающего пламени. Я сейчас готова была отдать несколько весен своей жизни, чтобы узнать его мысли, но это, к сожалению, было невозможно.

Не знаю, как именно он призывал кобылу, но уже через пол вата на горизонте вместе с выплывающим красным солнцем появился силуэт животного. Паля не сильно торопилась к нам, медленно перебирая копытами по взрыхленному на зиму полю. Когда дух подошел совсем близко, Ван резко поднялся и целенаправленно двинулся к нему прямо через догорающие угли от ночного костра. Маг даже не соизволил переступить кострище, наступив в самую середину подошвой кожаного сапога. В воздух взметнулись тысячи искр, оседая на наши плечи мелкими кусочками пепла.

Сквозь растревоженные серые мушки костра, что витали в воздухе, шел могущественный маг. По его предплечьям, открытым для глаз закатанными рукавами рубашки, витиеватым изумрудным узором бежали струйки магии земли. К моменту, когда воин достиг края поляны, Палевая опустилась на одно колено и склонила голову до самой земли, накрыв длинной гривой упавшие листья и ссохшийся трухлявый пенек, бывший когда-то березой.

Тариван медленно поднял руку, излучающую магию на много тат вокруг, и коснулся ею склоненной головы духа. Миг, и поляна стала оживать. Листья взметнулись в воздух,

кружась в хаотичном порядке. Зеленая трава начала пробиваться из уже остывшей земли прямо под нашими ногами, мягко приподнимая подошвы сапог и отстраняя в сторону. Молодой березовый побег, с трудом выпутавшись из-под гривы Пали, стремительно потянулся к небу, выпуская молодые салатные листья. Казалось, ничто не могло вернуть жизнь давно высохшему пню, но Тар смог. Волшебство! Только так можно было назвать все, что творилось сейчас вокруг нас.

Я была заморожена. Кельпи тоже, хоть и вели себя крайне настороженно, опасливо оглядывая каждый заново выросший куст или цветок.

Когда маг обернулся, у меня защемило сердце. Он все так же держал руку на голове уже распрямившейся кобылы и пристально смотрел на меня. Это был Атар. Я видела это, я чувствовала его. Но в глубине глаз мага застыла тоска и боль. Мне не нужно было ничего говорить, он все знал. Воин кашир принял мое решение и не смеет его оспаривать. Ведь это бесполезно. Именно осознание тщетности попыток вернуть меня и привели кочевника к всепоглощающей тоске и сожалению, но увы, ничего уже не изменить. Мы чужие. Атар это знает. Теперь он это знает.

— Что произошло? — прошептал над моим ухом Кайа.

— Воин пробудился. Его связь с хранителем наконец-то восстановилась. Это больше не наш Малыш, — горло предательски свело, а ресницы намокли от непроизвольно выступивших слез. Он вернулся.

В Хрустальный замок мы возвращались молча. Даже мелкий не рискнул прерывать затянувшуюся тишину. Она была необходима. Я так и не сказала Атару ни слова, а он не стал заставлять меня. В разговорах не было смысла. Еще вчера я собиралась объяснить с воином, но он все так же пребывал в беспамятстве. Теперь я знаю, в этом не было необходимости. Мы слишком давно знакомы. Мы много пережили вместе. Мы сильно связаны. Навечно! Кашир все знает. Он все почувствовал еще будучи в беспамятстве. Теперь их память и сознания наконец-таки едины. Он стал самим собой. Воином, что готов был отдать свою душу, лишь бы вернуть к жизни всех тех, кого поклялся защищать. Он уходил за грань, зная, что не имеет права на жизнь. Он следовал за своим народом туда, откуда нет возврата. Как капитан тонущего корабля, Атар уходил на дно с командой и своим судном. Долина, наш стойкий корабль, что выдержал столько нападений и захватов, пал. И мы пали вместе с ним. Частичка нашей души навсегда останется в омертвевшей, безжизненной равнине, где произошел последний бой в истории Долины трех лучей.

Но сейчас я не жалею, что вытянула мага из-за грани. Не жалею, что меня саму спас эльф. И я рада, что феникс так и не вошел тогда в долину, доживающую свои последние мгновения. Мы все живы. Надломлены, но не побеждены. Три ярких луча, что хранили свою маленькую страну, вернулись. И я ни за что не успокоюсь, пока души всех тех, кто защищал наш дом пятьсот весен назад, не будут свободны.

— Мы выдвигаемся к подножию северо-западных гор, — в сгустившейся тишине мой голос прозвучал неестественно громко, заставив всех обернуться.

— Суардана, ты уверена?

Я вздрогнула, услышав сокрытую силу и мощь в знакомом голосе, который не радовал мой слух очень давно.

— Да. Как только прибудем во дворец, собираемся в дорогу. Я не хочу больше медлить. Если Коршун все еще хочет заполучить долину, он готовится к ее захвату. Мы не должны опоздать на этот раз, — я вскинула голову, решительно посмотрев на Атару, что, сидя верхом, развернул ко мне Палю.

— Нужно подготовиться.

— Нет! Мы и так слишком долго готовились. Раньше ты был не в себе и не мог нас вести. Как пастырь поведет своих заблудших овец, коль сам не менее заблудший чем овцы? Но теперь ты с нами. Мы не можем больше откладывать. Голоса всех погибших умоляют меня о помощи. Они проклинаят и зовут меня. Я не могу больше обрекать их на еще большие страдания.

— Но Дана... — вмешался до селе молчавший Кайа.

— Если ты не согласен, можешь оставаться в стенах замка. Так даже спокойнее для меня, — я перебила мальчишку, прекращая дальнейшие разговоры на эту тему.

— Я поеду с тобой, — непреклонно высказался кельпи. По решительному взгляду его брата я поняла, что от парочки кельпи в намечающемся походе нам не отвязаться.

— Мы соберем все необходимое и выдвинемся через рассвет, — решительно высказался воин. Я только открыла рот возразить, как Атар продолжил, — нам надо выспаться и набраться сил. К тому же, помощь эльфов не будет лишней.

Тут я не могла поспорить, но то, что путешествие уже вопрос решенный, не сомневалась. Судьба, наконец, отважилась вести нас к намеченной много весен назад цели.

— Неистовая тьма!

Гневный рык вырвался из деформированного горла, что изменилось под влиянием несдержанной трансформации. Сноп искр отлетел от каменной стены, проскальзывая между спорящими по крепости с драконьим железом когтями.

— Пробудился! — еще один несдержанный рык и последовавший за ним дикий вой, который резко перетек в не менее ужасающий каркающий смех существа, что уже давно пережил все отпущенные ему сроки, но никак не уходил за грань.

— Кхр-кхра-а-а, кхр-кхр-кхр... — вибрирующая от грубого смеха грудная клетка сотрясала пространство не хуже мини взрывов, наплывающих на окружающее пространство волнами.

— Лах, — слова, прозвучавшие в открытое пространство навстречу восходящему солнцу, были тихи. Смех оборвался так же резко, как и начался.

— Garon[1].

Рядом с взлохмаченным, но уже вернувшим свой герцогский облик некромантом появилась коленопреклонённая тень.

— Мы выступаем сегодня с последними лучами к северо-западным горам. Собери проклятых.

— Но господин, как же захват Ритара? — слуга был явно озадачен решением древнего мага.

— Лах, ты ведь разумный проклятый? — тихо спросил тишину герцог.

— Так и есть, — воин склонил голову еще ниже.

— Если хочешь им оставаться, выполняй мои приказы молча, — безэмоционально-

мертвый голос заставил слугу затрястись в ужасе.

Он все еще жив в своем послесмертии лишь потому, что хозяину нужен командующий его немаленькой армией. Со смертью Магнолии это обязанность Лаха. Но Всечувствующие некромант снес бы ему голову даже в таких обстоятельствах, не соизволь слуга захлопнуть свой грязный рот, не смеющий выдавать ничего кроме согласия и раболепия.

Как же сильно било это по забытой гордости воина, когда-то одного из генералов объединенной армии Сумеречной Долины. Как сильно он желал избежать оков подчинения и выступить уже против Коршуна. Как сильно... Но он не мог. Мертвые подконтрольны некромантам. Их воля... да нет у них воли. Нет гордости, нет чести. Есть страх. Страх быть убитым вновь и больше не возродиться. Души воскрешенных проклятых мертвы, раздроблены и уничтожены. За смертью карателей нет ничего. Пустота. Темнота, глухота, немота. Всеобъемлющее НИЧТО!

В Хрустальный дворец мы крались как заправские воры. Никому не хотелось испытать на себе гнев Владыки. А о том, что Алибаскаэль в ярости, красноречиво говорили иссиня-белые лица дворцовой прислуги и перекошенные рожи эльфов-рабочих. Особенно выделялся красным оттенком кожи среди бледных поганок дворцовый смотритель. Поди, на его веку никто еще не громил стены.

— Дана, может в бега? — кельпи нервно дернул головой.

— Нет у нас времени на бега. Вот соберемся в поход до долины, и тогда ищи свищи. А пока маскируемся, братцы. На кону жизни! Наши! — мой энтузиазм никто не поддержал, но и не ломанулся во дворец.

— И что дальше? — спокойно спросил вернувшийся Атар.

— Что-что, двигаемся гуськом вон к тем дверям, — и я указала на неприметную дверцу под лестницей, что вела к главному входу, — через складские помещения выйдем к крылу прислуги, а уже оттуда в библиотеку, и дай Всечувствующие, она будет пустовать.

— А дальше? — не выдержал Кайа.

— А дальше по потайным ходам разбежимся. Я к себе, вы к себе.

— Кхм, — кашлянули у меня за спиной.

Я посмотрела на насупившихся подельников и тут меня осенило.

— Дам, идти вам некуда, — я потерла переносицу, — но ведь у вас с Паланом есть свои покои, — я выжидательно уставилась на мелкого.

— Ты имеешь в виду смежные с покоем мага? — уточнил зверобратец, и тут же продолжил, — прекрасные покои, замечательные, а после посещения феями просто великолепные. Дыры в стенах приносят легкий сквознячок, а шикарные черные подпалины изящно гармонируют с голубой отделкой комнат.

У меня отвисла челюсть. Темень и ее твари! Все еще хуже, чем я думала.

— Когда успели? — только и смогла выдать я.

— А младенцу нашему вдруг пришло в голову отпустить свои находки именно в моей комнате, — огрызнулся Палан, зло сверкая глазами на Атару. Впрочем, того ничто не волновало.

— Я так понимаю, боевые действия развернулись на пол крыла?

— Если я не ошибаюсь, бегали мы за феями по соседним pokojам. А потом бегали от них

же уже по своим, — неожиданно выдал маг. Похоже, его память благополучно восстанавливается и сливается с памятью Мальша.

— Всевышние, да не попадемся мы Баску в ближайшие весен сто! — простила я.

— Так куда мы после библиотеки? — снова вернулся к изначальному вопросу кельпи.

— На эшафот! — взбесилась одна не выпавшаяся и злая банши, — только там мы избежим худшей участи.

Я подняла ладонь вверх, останавливая все последующие расспросы.

— Двинулись! — а про себя подумала, что двинулись мы все дружно и давно.

Не смотря на громкое сопение Кайи и мою неуклюжесть в обращении с бытовой утварью: летящие по коридорам ведра, переломанные швабры и распластавшаяся на мокрых тряпках я (а нечего бросать инвентарь в темных коридорах!), мы успешно достигли крыла прислуги. Дальше лестница и, вуаля, мы у библиотеки.

— Атар, проверь, есть ли кто в обители знаний, — я протолкнула мага в щель между двумя дверьми.

Но дожидаться ответа нам не представилось возможным. По коридору в направлении библиотеки шел Владыка. Душа ухнула в пятки и, соответственно, оттуда начала действовать, со всей силы пиная мага в библиотеку и ныряя следом. Не знаю как, но кельпи оказались между книжными полками еще раньше, чем Атар впечатался в одну из них.

Мы затихли. Шаги все приближались и приближались, вызывая нервную дрожь по всему телу. Когда же топот стих прямо перед дверью библиотеки, мы, не сговариваясь, рванули вглубь помещения в поисках укрытия. Не знаю, как остальные, а я затаилась за одним из комодов, в которых хранились писчие принадлежности для конспектирования отрывков из книг, или же копирования информации.

Странно, почему так тихо? Неужели Баск нас засек и сейчас вычисляет наше местоположение? Бр-р-р. Холодок пробежался по коже. Немного выждав, я все же не выдержала и выглянула из-за своего укрытия. В просвет между полками и книгами я как раз могла наблюдать шоколадную макушку. Эльф не двигался, будто ожидая чего-то. Затянувшееся ожидание прервал скрип потайной двери, и в открывшийся проем протиснулась...

— О-о-о-о!

Восклицание было оправданным, но жутко глупым в данной ситуации. Я крепко зажала рот руками, удерживая себя от очередной глупости. Сейчас мне хотелось выскочить и под пытками выяснить, что, орки засеки, творится перед моими глазами!

А творилось следующее. Изящная светлая эльфийка грациозно выплыла из тайных коридоров и, как только заметила нашу венценосную особу, бросилась к нему на шею. И все бы ерунда, но Али страстно обнял девушку в ответ, а потом и вовсе поцеловал ее! **ПОЦЕЛОВАЛ!** На этом моменте моя голова отключилась, поскольку в процессе страстного слияния (боги выжгите мне глаза!) Баск повернул свою пассивность ко мне лицом. Вот тут-то и приказала долго жить моя речь. Той, что так бессовестно висла на МОЕМ братике, оказалась МОЯ фрейлина! Риандиэль, оборотни погрызи и орки приласкай!

— Ри... — как-то беспомощно у меня это получилось.

Эльфийку будто молнией шибануло, и она отскочила от Баска на добрых два тара.

— Суардана!

Девушка побледнела и приложила руки ко рту в ужасе от осознания, что я стала свидетелем всего, что творилось в обители знаний. Правда, я еще сама толком не поняла, что

же именно тут произошло.

— Суа, — Баск тяжело вздохнул, но глаз не отвел.

— Э-э-э-эм... — слов не было, но зато накатило осознание.

Две весны назад Ри отлучили от двора. Официальную причину так и не назвали, но совет был в ярости! Потом я прибываю ко двору и выясняется, что вроде как принцесса, а Широ настаивает, что я только названная сестра Баску! Но почему тогда совет так упорно не хотел отпускать меня с территории Хрустальных лесов? Ответ прост: Владыка не женат и не помолвлен, что мешало ему сделать меня своей невестой в глазах света. Полная свобода на эльфийских территориях и всяческие послабления в мою сторону, не говоря уже об отношении самих эльфов. Тогда получается, что две весны назад закрутился роман между моей подругой и Баском, но совет прознал об этом, и девочку сослали. Ещё бы! Кому нужна на престоле эльфийка из младшего дома. Уж лучше невеста банши, хотя я не могу себе представить, как Али уламывал совет принять мою кандидатуру? И вот сейчас место подле Владыки свободно, и Ри вернулась, не без помощи возлюбленного, ко двору.

Все это пронеслось в моей голове за считанные ванны. И судя по кривоватой улыбке Али, я была права в своих суждениях.

— Почему мне не сказали? — я обиженно уставилась на подругу. О таком и не рассказать!

— Ты была невестой Владыки, — Ри виновато опустила плечи, — как я могла тебе рассказать.

— Так фиктивной же! — не унималась я.

— Не важно. Ты была невестой. Это серьезное оскорбление. Я боялась, что ты тут же потребуешь моего отъезда из дворца навсегда. И никто бы не посмел оспорить твою просьбу, даже Алибаскаэль.

— Ба-а-а-аск, — я грозно уставилась на эльфа, — она меня за чудовище принимает? — Владыка улыбнулся в ответ.

— Для нее наши законы реальность. Для тебя — пыль, что раздражает глаза, когда попадается на твоём пути, не более того.

— Неужели ты думала, я тебя выпру только потому, что ты на моего братишку засматривалась? — меня гложит обида. Вот честно, неужели я выгляжу стервой в глазах собственной подруги.

— Я... — эльфийка попыталась было что-то сказать, но я прервала ее на полуслове.

— Ты так и думала, — констатировала я факт, — ну спасибо тебе, родная. Между прочим, про свою принадлежность к эльфийскому правящему дому я узнала совсем недавно.

И, гордо вскинув голову, я поспешила прочь. А что?! Это сейчас они испытывают вину и муки совести, а через вар Владыка начнет методичное откручивание моей головы, как только вспомнит о погроме. Об остальных я не думала. В конце концов, они все это и заварили, пусть теперь отдуваются. Мне их даже жалко не было. Но думается мне, не вылезут они из библиотеки ближайшие весны десять.

Я уже тянула на себя одну из двустворчатых дверей, когда меня дернули назад и крепко обняли.

— Спасибо за понимание, — выдохнули мне в ухо.

Я растроганно уткнулась в воротник свежей синей рубашки Али и вдохнула его мягкий шоколадный запах какао бобов.

— Ты всегда был самым понимающим и добрым эльфом. А для меня просто

незаменимым другом и братом. Я очень рада за тебя. Уж не чаяла увидеть племянников, — я тихо хихикнула, нащупав брачный браслет в левом кармане серебряного пиджака.

Али смутился, но виду не подал.

— Рано еще об этом, — осторожно осадили меня.

— Неа, в самый раз, — я отстранилась от эльфа и тихо прошептала, глядя прямо в его шоколадные глаза, — она согласится. А у тебя больше нет обязательств перед советом и дедом. Дерзай, — и перед тем как уйти, добавила напоследок, — только Ри не говори, что я безумно за вас рада, пусть помучается, конспираторша всея эльфийских лесов.

Но уйти так просто мне не дали. Снова мягко притянув к себе в объятия, от чего я разомлела, мне выдали:

— От наказания за разруху в обоих моих дворцах ты не отвертишься, сестренка, — кровожадно пропел эльф, и я перестала млеть. Ух, сейчас это был ВЛАДЫКА с большой буквы. И жалеть меня никто не собирается. Пора спасаться в объятьях Широ.

— А... ага, — я рассеяно кивнула и меня отпустили.

Уже радуясь скорой свободе, я как-то упустила из виду двух вышедших из укрытия особей подрывников-диверсантов и одной несмышленной особи подросткового возраста. Под взглядом округлившихся шоколадных глаз и таких же ошарашенных краснеющей эльфийской дамы, эта делегация прошествовала на выход, не забыв поклониться Владыке. Тут уж я не выдержала и рванула к своим комнатам, не дождавшись ответной реакции Али на столь наглое подглядывание с нашей стороны.

Широварт ла Эк

— Могу я узнать, почему ты отпустил ее одну?

Попивая горячий отвар из изящной фарфоровой чашки с изображением диковинной птицы, феникс выглядел изящным видением. Черный шелк обивки кресла только выделял необычность принца, контрастируя с его белым одеянием и неординарным цветом волос.

— Она не одна, — уточнил я.

— Ты понял, что я имел в виду, — Ласкан оторвался от напитка, — почему ты остался в Хрустальном?

Я задумчиво повертел в руке бежевую чашку, близнеца той, что у феникса. Этот вопрос и мне не давал покоя, но я чувствовал, что так нужно. Она должна сама решить.

— Это ее выбор, Ласкан. Я не собираюсь вертеться вокруг нее днем и ночью, предотвращая даже малейшие поползновения к общению с Тариваном. Это ничего не изменит. Она должна выяснить все сама и разобраться в своих чувствах.

— А если она выберет его?

Вопрос заставил меня вздрогнуть. Выдержка и так отказывает мне, а тут еще и феникс со своими треволениями.

— Она свободна в выборе, — буквально заставил себя проговорить эти слова.

— И ты отпустишь ее? — принц аж наклонился вперед от любопытства, отчего содержимое чашки чуть расплескалось по белоснежным штанам, — ай, темень!

— Орка с два! Я не собираюсь сдаваться, когда уже однажды победил, — рык вырвался из груди сам собой.

Да, я победил. Победил ее страх и неуверенность, ее ненависть. Победил весны

непонимания и горы тайн между нами. Победил ее гордость. Я победил даже ее смерть. Теперь было бы просто тупостью отпустить банши, зная, какие на самом деле чувства владеют ей.

— Тогда зачем ты оставил их наедине...

— Они не одни, — новый рык.

— Ой, да брось! Кельпи, это скорее интерьер, чем сила, способная помешать хоть чему-либо, если это взбрет в голову Даны. Почему бы не пойти с банши и проконтролировать воссоединение бывших влюбленных.

— Это ее решение, — но Всевышние, как же мне тяжело было его принять. И этого я никогда не скажу фениксу, — а почему ты не жаждешь видеть их вместе? Вот в чем загадка. Ведь они твои друзья. Более того, вы связаны клятвами, обещаниями и долгом, не говоря уже о прошлом.

Ласкан нахмурился, даже плечи слегка опустил. Что-то болезненное и гнетущее снесало его изнутри сейчас.

— Я больше не хочу видеть, как гаснет свет в глазах Суарданы. У Атара был шанс. Да, ликаны задери, у него была тысяча шансов! И ни одним, — феникс уже почти кричал, — ни одним этот остолоп не воспользовался! Я не в силах терпеть ее слезы снова. Она достойна любви, а он не знает, что такое чувства. Он потерял возможность узнать это в тот самый момент, как женился на другой!

Он тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла. Было видно, что воспоминания сильно давят на него. Раны прошлого еще не затянулись. Хранитель истории переживал прошлую трагедию до сих пор.

— Ты лучшее, что можно дать банши, — феникс снова заговорил, но уже как-то устало и с остановками, — ты знаешь ее с самого сотворения мира и до сих пор не бросил. Ты спас ее и не единожды. Жизнь Даны — самое главное для тебя. Так чего еще требовать от мироздания, если и так оно дало слишком много. Поверь мне, — он заглянул прямо в глаза, и меня затянул омут той силы, что они излучали, — наша девочка знает, какой подарок ей преподнесли Всевышние.

Я с трудом разорвал зрительный контакт и осознал, что почти слез с дивана, на котором сидел, и навис над Ласканом. Тряхнул головой и вернулся обратно на черную поверхность мягкой мебели.

У меня не было желания продолжать разговор. Судя по отрешенному взгляду принца, он тоже не был настроен на продолжение беседы. Вот и славно.

[1] Garon — господин

Глава 5 Дорогу осилит идущий

Ну как? Как такое могло произойти?! Я убью его! Своими собственными руками задушу!

— Дана...

Молчу, из принципа молчу.

— Ну Данка-а-а-а! Я же не специально!

Еще бы он это специально, я б его уже давно на живодерню сдала.

— Прости меня! Слышишь?

Неа, не слышу. И не вижу. И вообще, его для меня не существует. Как шла себе рядом с Широ на Теоне (Течение Онры), так и иду.

— Дана, ведь еще Палан есть. Чего ты так изводишь мальчишку?

А ты вообще замолчи, пес облезлый!

— Похоже, она только что мысленно тебя обласкала.

Молодец птичка, знает меня хорошо.

— Дана-а-а-а-а...

— Оставь, Кайа. Пусть лучше молчит. Потому что если она заговорит, то даю руку на отсечение, это тебе не понравится. Дай банши перебеситься, пока она в порыве чувств кого-нибудь не убила. А зная расстановку ее приоритетов, это будет твой брат, — веселье так и сквозило в словах эльфа.

А он прав. Кровожадные мысли посещают меня каждый вар. И таки да, в отношении зверобратца.

А все потому, что один не в меру прыткий жеребец решил повыпендриваться и показать, насколько он прекрасный скакун. Разогнался и давай перескакивать через холмики, что усыпали всю Хрустальную равнину. Вот за одним таким коварным холмиком и притаился не менее коварный овражик. Тфу ты! Кляча, а не кельпи! Теперь этот прыгун едет с подвернутыми руками и ушибленной ногой на телеге, позаимствованной в последнем эльфийском поселении, а я иду пешком. Одна единственная из всех! У-у-у-у-у, опять убить кого-то охота!

— Данка, хватит выпендриваться! Лезь на Палана, и мы, наконец, поедem, а не поползем, — не выдержал моего темпа ходьбы Ласкан.

Счас, уже полезла. Да только через его труп! Пусть теперь все маются и ползут как улитки, раз мне пешочком выпала честь шагать.

— Неа, она не сядет. Из принципа не ползет, чтоб нам тоже плохо сделать, — высказался эльф. Орки, а он прав!

— Знаете, меня начинает нервировать ее молчание, — еле слышно прошептал огонек, но так, чтобы все кроме меня его расслышали. Наивный, я тоже не глухая, — чует мой нос, если ее еще на ват оставить наедине с самой собой, нам грозит грандиозная пакость.

Ой, а чего это все напряглись. Неужели дошло, наконец, что прошлых насмешек над своей пешей особой я не прощу? Попали вы мальчишки.

— Тар, она ведь не станет? — феникс нервно обернулся к магу, что восседал на Пале.

Ах, Паля-Паля, вечная соучастница всех моих великих пакостей.

— Станет, — коротко и ясно.

Стану-стану. Еще как стану. Идти нам далеко и нелегко. Вот в пути и отыграюсь.

А вообще мы очень быстро организовали поход на северо-запад, к скрытому проходу в долину. Все поддержали, что пора расконсервировать наш дом. Слишком лакомый кусочек, на который раззявил свой рот древний некромант. Нельзя допустить его прорыва в святая святых. Это земля слишком ценна, и она дорога мне. К тому же у меня есть должок, который необходимо выполнить, и отпустить все страдающие души на перерождение.

Но отправляться нашей маленькой компанией в лапы колдуна — верх безрассудства. Нам нельзя к главному portalу в подпространство. Там нас будут ждать, в этом даже нет сомнений. А вот зайти с обратной стороны, со стороны непреступных гор и озерного края, такого не ожидает никто. Ведь только идиоты и самоубийцы полезут вглубь предгорных лесов и сами горы, кишачие нечестью и недружелюбными аборигенами.

Увы, но открыть портал туда нельзя. Слишком высокий магический фон. Выкинуть может где угодно, вплоть до скальной породы. И окажемся мы тогда замурованными навечно в одном из горных наростов. Естественно, нам это не подходит.

Но есть еще одна проблема — боевая мощь. Не стоит даже говорить, что она ничтожна. Нет, не по силе, по количеству. Армии Гарны и Ритара сметут нас массой, не говоря уже об отрядах проклятых. Такое уже случалось ранее.

Наученные горьким опытом, мы выбрали другую тактику. Мою безумную идею по расконсервированию Трех лучей поддержали все. Переговоры были жаркими, на повышенных тонах и заняли целую неделю. Но оно того стоило. Ни разу я не пожалела, что Широ остановил меня от похода с самоубийственной миссией. Он за кратчайшие сроки собрал нам союзников и разработал план. Баск со своей армией и Альхерт со своей двинутся к центральному южному входу в долину, дриады к восточному, а кельпи, если соизволят явиться, то по подводным источникам доберутся до западного. Мы же зайдем с севера и откроем тайный, никому не известный проход. Таким образом, долина будет окружена со всех сторон союзными войсками, и у нас будет поддержка из любой точки.

Правда, опасения вызывает именно западный. Он самый дальний от нас всех, и если его возьмут враги, то наша тактика обречена. Не явка кельпи снова на зов Атара провалит весь план. Пусть пятьсот весен назад у них и случился переворот и война с речным народом водяных за владение подводным городом, они должны были явиться на зов. За ними должок! Но не за всеми. Кайа исполнил клятву своего рода и стал моим боевым товарищем, как и обещали главы кланов кельпи. Гарцующие в глубине отдали одного из своих детей и более не обязаны нам ничем. Поэтому Кайю так тянуло ко мне. Клятва, данная много сотен весен назад одним из предков кошмарика, связала нас сильнее любых других уз. Это же объясняет, почему Палан тоже услышал мой зов. Ведь они братья.

Когда я рассказала об этом мелкому, он взвился и стал доказывать, что на него клятва не действовала. Мол, если бы так, то тогда Палан, как старший, должен был слышать сильный зов, а Кайа вообще был бы ни сном, ни духом. Не знаю, уж почему именно мелкого так потянуло ко мне, но я рада этому.

— Миледи, неразумно плестись рядом с телегой и тормозить весь отряд. На моей спине вам ничего не грозит, — повернув лошадиную голову назад и замедлив шаг, Палан попытался воззвать к моему благоразумию.

Ишь ты, разумничался. Тащит мелкого на повозке, вот пусть и дальше молча тащит. Не

будь телега такой маленькой, я бы села вместе с Кайей. Но это, скорее, стульчик на колесиках, нежели повозка. Пожадничали эльфы. А на Палана я не сяду. Признаваться всем, что я его до одури боюсь — стыдно. Вроде много времени прошло, и он больше не прикасался ко мне, а все равно все внутри скручивается в тугий узел, когда кельпи слишком близко. Сама понимаю, что торможу всех, но страх и вредность сильнее.

— Melda, садись ко мне, — мой эльф протянул мне руку.

— Тогда твой кельпи перенапряжется, а он нам в бою нужен. Все же он слабее Палана.

— Что я слышу, неужели это комплимент мне? — хитрая конская морда скалилась в ехидной улыбке и насмешливо взирала на меня из-под черной челки.

— Вперед смотри, — огрызнулась я, — а то загремите в очередной овражек и будет у нас два недокельпи.

Палан фыркнул, но от меня отвернулся и стал вновь следить за дорогой.

— Дана, может сядешь на Палю?

Я обернулась.

— Нет, Атар. Вы все должны быть полными сил. Кто, кроме вас, отобьет атаки врага? От меня-то пользы ноль. От птички тоже, но если он пойдет пешком, а я сяду на его клячу, нам, в конце концов, придется его прах в тазик собирать, чтоб не ждать возрождения, не говоря уже о моем несчастном горле, что сильно пострадает. Тогда задержка будет еще продолжительнее.

— Тьма, и почему кельпи такие ущербные в своей гордости, — выругался Алкай, — так посадили бы на Палана кого посмелее.

Внезапно кельпи рванул в сторону Алкай и его покладистого жеребца, отчего тележка чуть не перевернулась и не выбросила Кайю. Миг, и иглы клыков щелкают в каком-то таре от лица оборотня.

— К себе на холку посади кого посмелее, пес-с-с-с-с!

Все замерли. Ноздри оборотня подозрительно сильно расширились, будто он глубоко и мощно дышит. Я уже думала, Алкай ответит на агрессию, но нет. Огонек молча кивнул под разъяренным взглядом кельпи, извиняясь за свои слова, и Палан, также молча, отошел от оборотня, кося на него одним глазом.

Я выдохнула.

— Ладно, Данка идет пешком, — поспешно согласился с положением вещей феникс.

— Красавица? — отмер оборотень.

— А? — я все еще не сводила глаз с Палана. Слишком страшно было выпускать его из поля зрения.

— Милая, вдохни глубже, — как-то очень осторожно попросил эльф. Как с душевнобольной говорит, ей богу!

И я начала осматриваться. Вот тут-то и заметила, что отскочила от всех минимум на три тара, оказавшись тем самым далеко позади. А еще руки до онемения сжимали боевые ножи, а сама я почти прикинула к земле, встав в оборонительную позу.

— Эм, Суардана, втяни, пожалуйста, свой туман. А то уже даже Палевая нервничает, — Атар был напряжен, натянутые поводья выдавали его.

— Не... не могу, — слова дались мне с большим трудом.

— Палан, ликаны задери, какого орка ты сорвался, нечисть хладнокровная? Мозги совсем отмерзли, дебил! — эльф злился и сильно.

— Это вышло спонтанно, — спокойно ответил кельпи.

Эльф спешился и одним плавным движением схватил кельпи за горло изменившейся рукой с когтями, а его лицо обрело звериные черты, утрачивая всю эльфийскую мягкость.

— Спонтанно тебя чуть не развеяли сейчас и нас с тобой за компанию. Знать надо, когда можно потакать гордости, а когда ее затолкать далеко в задницу! Ликанова нечисть!

И первородный отбросил кельпи от себя. На шее Палана остались пять красных точек, что стремительно превращались в ручейки.

— Широ.

— Заткнись, Ласкан. Посмотри на Дану. Она в ужасе. Еще немного, и был бы срыв. Знаешь, что это такое? — зло поинтересовался Широ.

— Знаю.

— Это выгнившее мертвое пространство на тысячи тат! И мертвые существа!

Я услышала собственный всхлип и холодок на щеках и шее. Я плакала. Плакала от того, что я чудовище. Меня боялись. И боялись гораздо сильнее, чем кельпи. Я видела это в глазах всех. Даже Кайи. Подросток с ужасом взирал на меня. Я чувствовала его страх, я пила его еще вар назад. Я всех их пила. Они все окутаны страхом и тревогой. Как же больно!

— Су! — эльф вернул себе нормальный вид.

— Не подходи!

Это был крик. Крик моей души. Отчаяние.

Каждый сейчас боялся. Алкай просто боялся за свою жизнь и будущее. Атар боялся повторения того ужаса, что уничтожил долину и его семью. Он боялся того, что уже видел когда-то. Феникс боялся за жизни всех тех, кого я только что могла прикончить, за территорию, которая стала бы мертвой. Кайа же боялся всего и сразу. Всепоглощающий страх владел мальчишкой.

В отличие от остальных, страх Широ был приглушенным, но он все равно был. Эльф боялся за меня, за остальных и больше всего того, что вновь не выполнит свой долг.

Все это рассказал мне страх. Ужас, сковавший душу каждого, тянулся ко мне и подпитывал мою тьму. Она росла с каждым новым судорожным вздохом. Копилась во мне, норовя вырваться черным туманом и поглотить все вокруг, уничтожая окончательно и бесповоротно.

Но что-то отвлекло меня. И это не было страхом. Спокойствие. Абсолютная безмятежность и покой. Они волнами исходили от Палана. Кельпи, что пережил столько смертей, который сам безжалостно убивал и пожирал, не боялся меня. Он был таким же чудовищем, как и я. А бояться себе подобных — глупо. Даже страха за брата не было в этом пронзительном взгляде. Палан отлично знал, что связь с кельпи не даст мне навредить Кайе, в каком бы состоянии я не была.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вокруг все еще было тихо. Все неотрывно смотрели на меня. Туман вокруг рассеялся, а тьма отпустила мое сердце. Но быть рядом с хоть одним из них, грозило мне срывом. От них фонило волнением за тысячу тат. У меня остался только один вариант добраться до долины в своем уме и не уничтожить этот мир к оркам собачьим. И я сделала выбор.

Под непонимающими взглядами я направилась к Палану и, не говоря ни слова, попыталась сесть на него верхом. Конечно, у меня не получилось, но я настойчивая. Опершись о телегу, я все-таки смогла вползти на высокую вороную волну.

Кельпи не был удивлен моим поведением. В тот краткий миг срыва мы поняли друг друга. Монстры должны держаться вместе, чтобы не навредить окружающим. И теперь мой

страх к Палану перешел на новый уровень. Страх оказаться далеко от его спокойствия и сорваться.

Никто так и не посмел заговорить со мной, только Широ легонько провел рукой по моей щеке, выражая поддержку и участие. Он будет рядом несмотря ни на что, и это успокоило меня окончательно. Даже на развалинах этого мира, эльф будет стоять рядом и держать меня в объятиях, защищая от самой себя.

Когда время близилось к закату, мы стали искать место для ночевки. Это будет последний вечер на территории эльфов. Завтра мы переступим порог, за которым лежит озерный край. За ним нас поджидает предгорный лес Тога. Страшное и опасное место. Но самым сложным будет преодолеть Драконьи лежбища. Так называются горы с множествами плато, которые похожи на лежанки драконов. Неизвестно, на самом ли деле драконы были создателями такого ландшафта, или природа постаралась, но опасность этих мест зашкаливала. Каждое плато имело свой микроклимат и природу, кардинально отличающиеся от предгорья. И самое паршивое во всем этом, что тропа пролегает аккурат через минимум половину таких лежбищ. Но сейчас наша первая проблема, это нежить и нечисть. Озерный край полон мелких проказников, но также славится и высшей ступенью нежити и нечисти. К примеру, вампиры и призванные демоны. С ними лучше не сталкиваться. Так же упыри и зомби имеют место быть. Все остальное — больше проказники, нежели реальная угроза, но подпортить нам путешествие и они смогут.

— Миледи, возможно прогулка немного приведет вас в чувства?

Я так и замерла на спине кельпи. Остальные уже разбивали лагерь, а я планировала спешиться, но меня остановило необычное предложение. Остаться наедине с Паланом? Да мне даже кошмары поприятнее снятся, чем сейчас действительность.

— Нам нужно, наконец, пойти на компромисс.

Головы Палан ко мне так и не повернул, но легкое волнение я уловила и так.

— Съезди, Дана. Я сейчас отстегну свою пыточную на колесиках и можете ехать, — Кайа неловко выбрался из повозки и отстегнул от своего брата крепления, немного пошатываясь на затекших ногах.

Я молчала. Согласиться было страшно, отказаться — глупо. Палан правильно понял мое состояние и взял инициативу в свои лапы. В первые мгновения я, крепко вцепившись в гриву, напряглась всем телом и приникла к шее скакуна. Но вскоре скорость и свист ветра сделали свое дело. Я расслабилась и подняла лицо навстречу свободе. Быстрый бег, как порывистый полет, кружит голову и лишает ее любых мыслей, кроме восторга и чувства, что способна на все.

Когда мы вернулись, между мной и кельпи протянулось нечто большее, чем понимание. Это было доверие. Пусть еще не окрепшее и с толикой сомнений, но оно было. Стало легче и спокойнее. Теперь я не цеплялась за гриву Палана, будто в любой момент меня вышвырнет с его спины. Этот страх я победила.

Глава 6 Болотники

И вот уже пять рассветов, как мы движемся по озерному краю. Мелкие озера стали встречаться все чаще, что не мешало появляться на нашем пути и болотам. Несмотря на название, эта земля на треть состояла из топей и опасных прудов с плотоядной трясинной. Зная это, желание купаться напрочь отбило. Особенно после встречи с дикими пресноводными русалками. Тогда наш феникс решил водички попить. Как только воскрес на отмели, драпал от озера так, что только пятки сверкали. Больше к воде без предварительной проверки Широ никто не подходил. Но, несмотря на мелкие инциденты, двигались мы относительно вольно и без приключений. Ага, до первых же топей!

— Отлично, и куда теперь? — как возмущаться, так птичка первая.

— В обход, — легко решил проблему Атар. Мы с ним так и не общались с того рассвета возвращения памяти. Сложно это для меня. Я вижу в войне кашир одновременно и прошлого любимого, и глуповатого, но дорогого Ваньку. Разделить прошлую жизнь и нынешнюю очень тяжело, как и принять себя.

— Сегодня уже ничего не будем делать. Темнеет. Опасно ночью бродить по топям, — все тут же согласились с Широ, — разбиваем лагерь.

И после отмашки эльфа все быстренько начали обустривать небольшую полянку окруженную болотом с трех сторон. Выход с нее был только один — назад до развилки, а там уже есть несколько тропинок в обход тупика.

— Не нравится мне это место, — эльф подошел ко мне сзади.

— Мне тоже, — ладони медленно скользнули по талии и замерли на животе.

— Ложись сегодня со мной, — шепот на ухо, и легкий укус его завершающий, — так мне будет спокойнее.

— А как же Кайа? — решила повредничать я.

— У него есть брат в защитниках, — даже затылком я почувствовала, как скривился Широ. Ревнует, что последнее время я провожу с обоими кельпи, лишая своего внимания эльфа.

— Хорошо, — я развернулась в объятьях первородного и уткнулась носом в его шею. М-м-м, моя золотая осень. Сладко-горький мед.

Этой ночью я спала в объятьях любимого и не видела, как в отдалении от нашей стоянки в бессильной ярости вздымал песочные вихри маг земли. Только утром крупные борозды на песке и земляные валы говорили о силе ревности, что бушевала в душе воина кашир. Но ночь нам предстояла бурная.

Спокойная, ясная ночь. Крупный месяц освещает болота, рождая редкие тени от деревьев и кустов, что столь малочисленны в озерном крае. Чудесное время для ночного отдыха. Но что-то не так. В мое сонное сознание настойчиво пробивалось волнение.

— Хм, а ты не сломлена, как я боялась.

Прекрасный, тихий голос ворвался в мой сон и вырвал из него. Сидя на одинокой кочке, вытянув руки между колен, на меня взирала черновласая красавица, давешняя

посетительница моего сна и обладательница невероятных голубых с тьмой глаз. Все мое естество кричало «Склонись! Подчинись! Или беги!», настолько сильная аура окружала миниатюрную девушку.

— Сильная, — она по-птичьи склонила голову набок, — другие уже целовали бы землю в моем присутствии, а ты ничего, держишься, — ее идеальной формы глаза сощурились, выискивая ту самую смелость во мне, о которой упоминалось ранее.

Существо встало с камня и поплыло ко мне. Именно так, ибо назвать это шагом язык не поворачивался. Толстая коса, чернее самой тьмы, качнулась и заняла свое положенное место справа на груди красавицы, легонько касаясь кончиком ее ступней.

— Вопрос, — произнесло это божественное видение, и я поняла ее.

Вопрос, что мучает меня с самого обретения памяти. Я могу его задать, но ответит ли?

— По завершении нашего похода, когда я выполню свой долг, остаться ли мне с эльфом, — и тут голос дрогнул. Я сглотнула вязкую слюну и постаралась продолжить увереннее. Смешная попытка, — или... кха-кха, — меня будто душили изнутри, но я закончила вопрос вопреки попытке собственного организма остановить меня, — или уйти за грань?

Девушка как-то хитро улыбнулась, а взгляд пронзительных глаз изменился. Теперь это был взгляд умудренной жизнью женщины. Причем прожившей не десятки весен, а тысячи, если не сотни тысяч.

— А это, моя милая скорбящая, решать только тебе. Я не стану делать за тебя выбор.

— Но что ждет меня за каждым из выборов?

Теперь она улыбалась насмешливо и слегка снисходительно.

— Что последует за смертью, ты и так знаешь. А что будет при жизни, решать только тебе. Мы сами творим свою судьбу.

Странное видение подошло ко мне вплотную и, приковав мой взгляд к себе, низко выдохнула.

— Неужели ты сможешь оставить его и выбрать смерть, когда он стольким пожертвовал ради твоей жизни?

— Я...

— Ты знаешь ответ. А теперь иди и спасай свою любовь, — и с последними словами черноволосый призрак ткнул мне пальцем в лоб. Очень грубо, хочу вам сказать.

В следующее мгновение я активно размахивала руками, стараясь удержаться от рокового шага в топи ближайшего болота. Темень и ее твари! Болотники!

Да эта девица спасла мне жизнь! Не проснись я в этот самый момент, уже шла бы камнем ко дну. А вокруг кружили сгустки зеленоватого тумана, каждый увлекал за собой одного из моих спутников. Орки задери, они спят! И даже дежуривший Алкай заснул на посту. Вот почему на нас напали! Темень и ее твари!

Стоит уточнить, кто такие болотники. Это вид нечисти, обитающий на болотах и утаскивающий в трясину путников, которым не посчастливилось уснуть на территории этих паразитов. Болотник способен подчинить спящее сознание и увести его владельца, куда его душе угодно, если у этой твари вообще душа есть. А вот потом утопленники начнут разлагаться и источать трупные пары, которыми и питаются болотники. Поэтому места их обитания воняют мертвечиной. Но конкретно эти, похоже, только перебрались на новое место за свежатиной. И они бы ее получили, если б не вмешалась одна несогласная со своим утоплением банши.

Не долго думая, я схватила первое попавшееся под руку, плевать, что это был твердый ком грязи, и прицельно швырнула в лицо ближнего блуждающего, коим оказался Ласкан. И, конечно же, он сгорел, так и не проснувшись. Следующим был Кайа. Ему я просто залепила оглушительную оплеуху, подбегая к очередному снаряду, который уже угодил Алкаю в затылок. Орудием пробуждения оказался весьма внушительный мешок с провизией, вырубил он оборотня надолго. Следующим в списке на пробуждение значился Атар, так как остальные слишком далеко ушли от места стоянки, и до них было еще бежать и бежать, а маг уже был одной ногой в трясине. Эту самую ногу я и продырявила своим боевым ножом. Просто на приведение в чувство кочевника времени уже не было. Нужно было его срочно остановить. Остановила. Атар с громким воем завалился назад на твердую землю, крепко держась за пострадавшую голень. Мне он в пробуждении остальных не помощник.

Надрывно проговаривая слова песенки для возрождающегося феникса, я сломя голову неслась к Широ. Его уводили все дальше, и у меня были все шансы не успеть. Неожиданно на моем пути вырос Палан, и мы столкнулись. Ах, твари! Они решили пожертвовать тушкой кельпи, чтобы задержать меня и таки получить сегодня завтрак в виде моего эльфа. Пока пыталась определить, где мои конечности, а где кельпи, потеряла драгоценное время. Вскочив с невозможной для меня скоростью, я выжимала из себя последние силы и мчалась к Широ, что уже стоял на краю топей. Шаг. Еще шаг. Вдох. Шаг, шаг. Выдох. Бесконечные шаги, а цель недостижима. Всего пара тар и я коснусь его. Шаг, еще один. Вдох. Рука скользит по спине эльфа, слегка задевая влажную синюю рубашку и золотые нити волос. Выдох. Рука теряет мягкость ткани, ощущая кожей лишь воздух вокруг. Вдох сквозь стиснутые зубы. Шаг. Но он уже ничего не дает. Грязно-зеленая трясина смыкается над золотистой макушкой и глубины болота получают свою долгожданную жертву. Выдох. Решение пришло быстро. Пять вар до начала поедания плоти трясиной. Пять вар, они у меня есть. Вдох.

— НЕТ!

Но меня уже не остановить. Рывок, и зловонная жидкость с радостью принимает меня в свои склизкие объятия. Четыре вара. Руки сводит судорогой от попыток плыть в этой вязкой субстанции. Соппротивление болота настолько велико, что уже через пол вара я не чувствую рук, только дрожь напряжения, что содрогает все тело. Три вара. Как же хочется выдохнуть ненужный уже воздух из легких и вдохнуть новую порцию. Два вара. Я уже не двигаюсь, я тону. Все глубже и глубже, но мне туда и надо. Он там. Кто он, уже не важно. Важно дотянуться. До чего дотянуться? А не важно. Просто дотянуться. Вар. И я с силой выталкиваю воздух из груди в вязкое пространство со словами на губах, что звучат у меня в голове, а на самом деле лишь бульканье.

— Urin nir[1]!

Клинок прошивает своим телом густую трясику, освещая все вокруг сине-красным свечением магии воды и огня. Он рвет тьму и плотоядную тварь, что тянет свои бесформенные конечности ко мне, заставляя их отступить. Тридцать ван. Вонючая жижа нехотя отступает, освобождая пространство вокруг меня, что заполняется обычной зеленоватой водой. Десять ван! Рывок в глубину. Девять! Вода с энтузиазмом занимает освобожденное трясиной место. Восемь! Еще один рывок, я вижу синеву впереди. Семь! Рывок, но очертания рубашки слабо различимы в этой темноте, и тогда клинок своим сиянием разгоняет остатки мерзости вокруг эльфа. Шесть, пять. Я хватаю первородного за руку и тяну вверх. Четыре, три. Быстрее, быстрее наверх. Два. Быстрее, но уже темные круги

перед глазами. Один. В легких больше нет воздуха, сил не осталось. Руки и ноги не слушаются меня, я полностью обездвижена собственным бессилием. Нужно что-то сделать, нужно... Последнее, что мой стремительно теряющий сознание мозг смог, это отдать примитивную команду «кусать»! И я укусила то, что проплывало рядом. Вместе с пришедшим вкусом крови пришла тьма.

Ласкан зи Верг Нало

Сплю я себе, никого не трогаю. И тут БАЦ! И я на перерождении. И кто же меня так подло убил?

Возродился. Стою, ничего не вижу. Вокруг кто-то стонет. На лице что-то вонючее и липкое. Быстро стер рукавом то, что оказалось обычной грязью. И кто же это меня прибил грязью? А самое странное, почему она осталась на мне после перерождения?

Оставив размышления «кто?» и «почему?» на потом, я обернулся на звук удаляющихся шагов. Точнее, бега. Глазам моим предстала страшная картина. Банши подбегает к уже почти шагнувшему в топи эльфу, но не успевает его схватить, и первородный уходит под воду. И тут я понимаю, что она не из тех, кто отойдет от болота подальше и станет плакать. Она сиганет следом, таков ее характер. Безмозглая дура!

— НЕТ!

Но мой крик настигает ее уже во время прыжка в трясины. Всевышние, пусть эта ненормальная выберется! Не знаю как, но пусть выберется! Умоляю!

И я сорвался с места туда, где вар назад затянуло в топи эльфа с банши. Пока я добежал, прошел еще вар. Что делать, я не знал. Уже почти отчаявшись, хотел шагнуть следом, но меня остановил Атар.

— Ты уже не сможешь. Она слишком глубоко. Теперь только чудо спасет их, — но, несмотря на свои же слова, приник к земле и начал взывать к своей силе.

Не знаю на счет чуда, но через две вары трясины на поверхности болота запузырилась и начала расползаться в стороны, оставляя за собой чистое пространство с прозрачной водой. Оттуда показалась вначале перепачканная в грязи и водорослях голова эльфа, а потом и бессознательное тело банши, что одной рукой удерживал на поверхности эльф. Мы все дружно кинулись доставать их из болота.

— Помогите Су. Она воды наглоталась. Кха-кха! — сам истошно откашливаясь, потребовал Широ.

Дану мы привели в чувство быстро. Вот только вид у нее был шокированный. Оно и понятно, вылезти из трясины, я о таком вообще впервые слышу. Но нашу банши больше интересовал эльф, чем собственное состояние. Она смотрела на него и глаза у нее все ширились и ширились. Интересно, что она там увидела.

Я ЖИВА! Всечувствующие, не верится! Как только откашлялась от этой противной воды, сразу стала искать глазами Широ. Мой любимый стоял спиной к болоту и как-то рвано выжимал свои волосы. Но все ерунда, главное он жив! И тут первородный повернулся ко мне правой половиной своего лица. Я обомлела. Сразу захотелось пойти и утопиться повторно.

— Банши упокой! Это что же за тварюшки живут в этой трясине, что оставили тебе ТАКОЙ сувенир! — ужаснулся огонек, нервно потирающий затылок. Видно я перестаралась с силой в метании пожитков в обратней.

— Р-р-р-р-р, — это было ответом Алкаю. А я аж подпрыгнула, все еще не сводя взгляда с кровоточащего укуса на нижней челюсти. Будто кто-то хотел откусить кусок правой части лица. Бр-р-р-р.

— Боги, да каких же размеров пасть у этого нечто, если такой огромный укус? — не выдержал феникс и тоже вставил свое слово.

А я нервно вскинула руки ко рту и провела по челюсти туда и обратно. И ничего не огромная. Так, слегка великовата.

— Вам делать нечего, кроме как мои боевые шрамы рассматривать? — прорычал раздраженный эльф и бросил на меня убийственный взгляд. Мол, молчи.

А я что, дура? Да мне самой стыдно до одури, что я как последняя нежить решила напоследок перед смертью закусить Широ.

Первородный развернулся и пошел в направлении лагеря. При этом его рубашка прикрывала бедра, и он ее нещадно натягивал рукой все ниже каждый тар. Вот налетел порыв ветра, и рубашка задралась, открывая спину. Похороните меня под кустиком! Вот прям под этим, далеко ходить не надо. Я даже сопротивляться не буду, честно-честно.

Широ попытался быстренько натянуть непослушную одежду на положенное ей место, но было поздно. Мы все разглядели. Сразу стала ясна такая сверхзабота эльфа о своем тылу. Всезнающие, мне интересно только одно, КАК можно было прокусить кожаные штаны?!

[1] Urin nir — пылающая слеза

Ну что сказать, тайной наше чудесное спасение надолго не осталось. Ласкан у нас слишком любопытный феникс и хорошо помнит, что он хранитель истории. А для таких как он не составляет труда просмотреть любые события бытия, что уже произошли. Вот теперь все в курсе моего с эльфом позора.

Как рассказывал сквозь истерический смех Ласкан, последнее, что я сделала, это цапнула эльфа за м-м-м... за тыл, скажем так. От этого первородный и пришел в себя. Еще бы он не пришел. Там столько крови вытекло, что я сначала решила, будто оторвала ему кусок плоти, но обошлось. Когда же Широ отцепил меня от себя, что далось ему нелегко по словам все того же Ласкана, то сориентировался и начал выплывать со мной подмышкой. А я... А что я? Я решила, что эльф все еще не проснулся, и ему нужен дополнительный стимул. Ну и вцепилась ему в лицо. Как он после такого издевательства вообще не бросил меня там, до сих пор не знаю. Я бы еще и попинала, из мести, так сказать. А он ничего, вытащил меня, да еще и в целости. Правда попинали меня позже, когда узнали, что я по своей инициативе утопленницу изображала. Ох, как меня били! Сочувствовали после этого только мне. Эльф после избиения меня любимой всеобщего сочувствия лишился на корню! Зато смешки в кулак никто не отменял. А смеяться было с чего. То, как наш первородный ехал верхом, вообще отдельная песня! Езда верхом, всадник по диагонали — зрелище не для слабонервных. А то, как Широ при таких боевых шрамах пытался сохранить величественный вид, вообще доводило нас до истерики. Благо, посмеяться у нас было время. Озерный край дал нам передышку в два рассвета.

— Мы слишком расслабились за прошедшую неделю, вот и попались к болотникам, как маги юнцы, — Широ уже битый ват читал нам нотацию о нашей безответственности и расхристанности. Себя он парой витиеватых выражений ругательного характера тоже обласкал, от того мы и слушали молча. Чихвостили нас за дело. Столько сильных магов и совершили наиглупейшую ошибку: уверовали в свою неуязвимость настолько, что даже защиту на ночь не поставили. А Алкай вообще получил по шее. Нечего спать на посту, тоже мне ночной! Страшно подумать, что сейчас все мы разлагались бы на дне болота, питая собой трясину и болотников, если бы не странная женщина-видение. Теперь безопасностью мы не пренебрегали. Даже на коротких остановках для удовлетворения естественных нужд.

— Красавица, дай чего от головной боли, а? — а глазки такие несчастные-принесчастные.

Это Алкай пытается вызвать во мне чувство вины за то, что я его мешком огрела по голове. Зря пытается. Во-первых, я не знала, что в снаряде, мной запущенном, кроме всякой крупы был и увесистый котелок. Как-то выбора у меня не было, чем швырнуть. Что попало под руку, то и полетело. А вот как я такую тяжесть не только подняла, но и докинула до оборотня, действительно загадка. Ну и во-вторых, я спасла ему жизнь, пусть и наградила сотрясением. Ничего, он оборотень, быстро оклемается.

— Держи, — и я протянула ему пузырек с прозрачной оранжевой жидкостью — обезболивающее, — но это только потому, что ты сегодня ночью дежуришь. Так бы не дала.

И я закрыла сумку с лекарствами, предварительно перепроверив оставшиеся запасы настоек и трав. Дежурство огоньку поставили в качестве наказания за прошлый промах, только теперь я его снабдила энергетическим зельем. Не заснет, как бы ни старался. Зато утром будет как с похмелья. Увы, у всех хороших зелий есть свои побочные эффекты.

— Дана, а можно мне, ну... — это кошмарик мой стесняется.

У бедного мальчишки до сих пор не сошел след от моей чрезмерной заботы о его жизни. Я уже жалела, что так необдуманно подошла к проблеме пробуждения Кайи. Но, как и говорила, времени на сантименты у меня не было. Вот и ходит мелкий с шикарным алым отпечатком изящной женской длани на левой щеке. Это ж надо было так заехать по лицу, что все капилляры полопались. Теперь жди, пока регенерация все залечит, что она не торопится сделать по непонятным, пока, причинам.

— Можно. Давай сюда свою щеку, — и вынула из кармана заранее отложенную мазь, для улучшения заживления ран и синяков. Мазать нужно три раза за рассвет, так что каждую остановку я занималась боевым ранением кельпи.

Светило прошло уже больше четверти своего полного пути, когда мы снова выдвинулись и шли весь день. До очередной ночевки было всего около двух ват, поэтому мы спешили выехать с болот, когда нас посетил гость. Неожиданностью для нас его появление не стало. Широ почувствовал его задолго до появления. Однако приятного в этой встрече все равно было мало.

— Приветствую сына ночи, — эльф, как наш лидер, выступил вперед.

Через ван из небольшой рощи, что стали чаще попадаться на нашем пути, говоря о приближении к предгорным лесам, выступил высокий, широкоплечий мужчина. Идеально гладкие каштановые волосы были стянуты черным шнурком и перекинута на закрытую походной курткой грудь существа. Струилось это сокровище всего чуть ниже ключиц, а жаль. Из-за спины выглядывал потертый заплечный мешок, а его лямки, закинута на одно плечо, торочились по краям. Черные кожаные сапоги до самых колен были все покрыты серо-коричневой грязью, от чего их цвет еле угадывался.

— Тебе не стоит ехать этой дорогой, сын света, — низкий бархатный голос обволакивал само естество, заставляя все тело трепетать в предвкушении каждого следующего слова. А потом существо подняло темно-вишневые глаза и меня прошибло током. Вампир!

Непростой вампир. Перед нами стоял высший, что наподобие инкубов питался чистой энергией. Эмоциями, а не кровью. Кровь для высших слишком грязная и не достойная пища. Тот, кто пьет кровь, автоматически приравнивается к животному. Тьма! И как нас только угораздило?!

— Рик нае[1]? — перешел на неизвестный мне язык эльф.

— Ватага урус, гота ире нае[2], - ответил вампир.

Я, если честно, вообще удивляюсь, почему он с нами общается. К вампирам в этом мире особой любви ни у кого нет, как и к банши, и дети ночи платят взаимностью. Так с какого бугра нам оказана такая честь?

И тут случилась заминка. Высший вдруг напрягся и резко повернул голову вправо, а потом последовал треск веток и окрик нашего неожиданного гостя.

— Рата! Им солу сат атае![3]

Треск веток прекратился. Мы все настороженно косили в сторону деревьев, при этом стараясь не упустить из виду вампира. И тут из кустов раздалось обиженное «Ор име кьирао[4]». Высший тяжело вздохнул, приложил ладонь к лицу в попытке закрыться от

говорившего и устало произнес.

— Тарге[5].

Вот тут у меня случился культурный шок. Из зарослей высыпала целая толпа разнообразных существ. Причем половину из них я никогда не видела и даже не слышала о таких видах. Тут были и рогатые, и крылатые, и чешуйчатые, а одна девушка, что стояла ближе всего ко мне, имела абсолютно черные глаза и красноватую кожу. Ее вид настолько меня поразило, что я, не скрываясь, таращилась на это чудо природы.

— Валькирия, — шепнул мне Широ.

— Что?! Да быть того не может! — я даже от девчухи отвернулась, чтобы посмотреть на лицо эльфа. Ведь врет же?

— Может.

— Широ, валькирии — миф!

— Отлично! Я тут вообще миф, — фыркнула э-э-э... валькирия? — учитель, нельзя было отправиться на Инэр, вместо этого мира? Он слишком примитивен.

— Успокойся, Таргая. Здесь и без тебя войн хватает, — раздраженно попытался урезонить свою ученицу вампир.

— Но магистр Минар, вампиры на Инэре уже давно кровью не давятся, а тут поселение животных какое-то. Как же я напишу курсовую по высшим, если практикуемся мы на низших? — девушка даже ногой притопнула от обиды.

— Тар, отстань от магистра. На тебя уже местные косятся. Смотри, как бы молиться не начали. Твои родственники тут не обитают, — рослый парень с бирюзовыми волосами и какими-то странно-перепончатыми ладонями с изогнутыми когтями подошел к красненькой и положил руку ей на плечо. Девушка нервно вздрогнула и нехотя вывернулась из захвата товарища. Похоже, кто-то кому-то нравится, но тщательно это скрывает. И тут я заметила странную эмблему на рукаве коричневой кожаной куртки валькирии: черный огонь, обнимающий белый шестигранный цветок. Окинула взглядом все вылезшее из зарослей воинство и убедилась, что все незнакомцы имеют на своих плечах такой же опознавательный знак. Они что, из секты?

— Студенты, прошу вас сохранять дисциплину, — тщетно пытался успокоить высший свой зверинец.

Большинство студентов пялились на нас и обсуждали нашу физиологию, на что мне, откровенно говоря, было плевать, а вот перебранка валькирии заинтересовала.

— Кто ты? — обратилась я к молодому парню с перепонками.

— Занкар лу Арат, студент второго курса Межмировой Академии Магии Алито — немного ошарашенный моим обращением, выдал студент, видимо, заученную фразу.

— Эм, это где? — вмешался Алкай.

— Мамка? — переспросил парень.

— Какая мамка? — удивились мы одновременно.

— Ну, сокращенное название Академии — МАМА. Она расположена в мире перекрестке Алито, — коротко и ни орка не ясно разъяснил берюзововолосый.

— Та-а-а-ак, все страньше и страньше. Так ты кто? В смысле, к какому виду существ относишься? — решила все же узнать, кем является этот пришелец.

— Тритон, — и он расплылся в клыкастой улыбке, почти такой же, как у кельпи. Последний, кстати, принял выражение благодушия за угрозу и оскалился в ответ. Ох, как побледнел тритон. Еще бы, у Палана там такие зубки, что этот парнишка даже рядом не

валялся.

— КЕЛЬПИ!

И массовый ступор у зверинца. Пять вар тишины, а потом к моему коню рванула масса жаждущих знаний студентов неизвестной академии. И глаза у них так и светятся маньячным блеском помешанного ученого.

— Они же вымерли!

— Как такое может быть?!

— А он превращается в человека?!

— А можешь еще раз рот открыть?!

— У него есть вторая ипостась?!

Всечувствующие, такого ошарашенного вида у Палана не было, наверное, никогда. Эти студентки чуть не разорвали моего коня на сувениры. Причем, когда он скалился или пытался особо наглым, что лезли в пасть руками, чего-нибудь откусить, это вызывало дикий восторг и новые попытки пощупать вымершее существо. Мне оставалось только стоять в стороне и спиной прикрывать Алкая, что удерживал рвущегося на спасение брата Кайю. Препарирование мелкого я им не прощу, поэтому конспирация наше все, братцы!

Не знаю, когда бы закончилось это безумное нашествие на Палана, если бы не один сверхрелигиозный светлый эльф.

— Интере-е-есно. Эльфы здесь, похоже, деградировали, как и вампиры, — выдало это немощное подобие мужчины с девчачьим лицом и карамельными волосами. Не дай боги, у нас будут такие эльфы. Это ж вырождение нации!

Но этот карамельный мальчик не остановился на оскорблениях. Он подошел вплотную к Широ и выдал фразу, за которую я его сама готова была закопать.

— Никакой благородной крови, отродье эльфийской дурочки и оборотня, — и это недоразумение позволило себе после такого развернуться спиной к моему Широ, желая показать этим, что у эльфа нет и шанса навредить ему. Убью!

Не успела. Уже через ван мальчишка болтался на вытянутой руке полностью трансформировавшегося эльфа. Широкая ладонь несильно сжимала тонкую шею, но и этого было достаточно, чтобы светлый захрипел и начал пускать пену.

Осознав всю ситуацию, товарищи эльfenка рванули ему на помощь, но волна тьмы разбросала их как котят слепых. Кто-то даже ухитрился на дереве повиснуть.

— Рагу[6]! — мягко произнес высший. Встал в боевую стойку и выпустил клыки, готовясь к атаке.

— Нае[7], - рыкнул Широ и бросил на вампира убийственный взгляд. Сощуренные глаза пристально смотрели на магистра, зрачок сузился до тоненькой полоски. Все это говорило о крайней степени ярости оборотня. А вот нашему высшему сказало что-то другое, потому что он резко расслабился, склонил голову перед противником и выдал фразочку, от которой его детки знатно перетрусили.

— Прощу простить наше недостойное поведение, Император всех светлых эльфов, сын жизни и смерти, тьмы и света, Динаристан ла Эк рен Сиу ва Куилагур из правящего дома Кране — Хранитель равновесия.

На этих словах я удивленно посмотрела на своего эльфа.

— Отец две тысячи весен назад ушел за грань, — равнодушно пояснил мне властитель всех эльфов во всех мирах. Так он и не сердился вовсе? Похоже, злость на это ушастое ничтожество ниже его достоинства. Зато возможность проучить и поиздеваться над эльфом

мой учитель не упустил.

— Не сочтите за наглость, но отпустите, пожалуйста, мальчишку. Он слишком юн и от того непростительно глуп. Ливанель будет строго наказан, я вам обещаю, — и магистр снова склонил голову, только еще ниже, и вина в этом мелкого нахала, что был слишком самонадеян.

Широ стряхнул эльфа с руки, как насекомое, потом отвернулся от высшего и направился ко мне.

— Банши, как я знаю, у вас тоже большая экзотика, — и мой учитель обнял меня за талию, хитро поглядывая на молодняк.

О, в глазах студентиков бушевал нешуточный огонь жажды знаний, вот только теперь никто из них не рискнул и шага сделать в мою сторону. Умные зверята, может еще и выйдет из них толк.

А мой любимый и коварный, дождавшись нужной реакции, обломал всех и разом.

— Вон. Этот мир закрыт для практики. Все поняли? — и он грозно взглянул на крамельного. Тот уже сам готов был умереть на месте, лишь бы избежать такого взгляда.

— Да, Ваше Величество. Уходим! — и таким решительным был голос, столько силы было в нем. Неужели такой мужчина вообще мог хоть перед кем-то склонить голову? Но склонил. Из-за ответственности за одно безмозглое субтильное нечто высший отодвинул свою гордость. Убить бы этого эльфа за такие выходки. Но судя по его лицу, ему грозит что-то страшнее.

— Вот тебе и закрытый от вмешательства извне мир!

Я была полностью солидарна с Ласканом.

Пытали мы Широ долго и основательно. Как оказалось, наш эльф уже две тысячи весен как Император всех светлых эльфов во всех мирах. В каждом мире есть свои Правящие дома и Владыки, но все они подвластны одному единственному императору. Причем абсолютно не важно где живет король всех королей, поддерживать порядок и равновесие в мирах он может откуда угодно.

Равновесие. Это главный фактор появления единого правителя. Все миры взаимосвязаны и переходы между ними давно отлажены и функционируют постоянно. Такая связь имеет свои последствия. Нельзя переселить, например, клан оборотней в мир, где их никогда не было. Это разрушит фауну и флору планеты, нарушится баланс сил и мир погибнет. Но это не значит, что оборотням путь туда заказан. Просто количество особей, частота появлений и время пребывания должны строго регламентироваться. Пока мир привыкнет к вторженцам, пока перестроится и примет их, на это нужно время и контроль. Именно поэтому у каждого вида есть свои Хранители равновесия. Без них миры просто коллапсируют, уничтожая себя и своих обитателей. Там еще множество проблем и заковырок, которые выпадают на долю единых правителей, но в них я уже не вникала. Меня интересовало одно, почему Широ сидит в этом богами забытом мирке, и почему мир считается закрытым?

Все просто. Синул молодой мир, в нем даже банши еще не все вымерли. Хотя, как по мне, то вымерли. Наш мир нестабилен, оттого и закрыт от остальных плотным магическим заслоном. Со временем его защита ослабнет и откроется доступ во внешние миры —

появятся стационарные порталы. Пока же мы просто изолированный мирок и варимся в собственном соку. Но, как показала практика, и на старуху бывает проруха. Студентики-то сюда пробрались. Что очень странно. Нестационарные межмировые порталы открывать очень сложно и почти нереально. Такое только невероятно сильным магам и богам под силу.

— Это был не простой высший, да?

Эльф кивнул, продолжая внимательно вглядываться вдаль тропы, по которой нам выпало идти. Уже прошло три вата с момента нашей необычной встречи, и три вата как мы идем прямо к вампирам с суицидальной миссией — пройти мимо их поселения.

— Он первый наследник правителя высших вампиров, Хранителя равновесия на Литосе, — Широ растер затекшую от долгого путешествия шею, — не знал, что он преподает.

— Эм, простите, что прерываю душевную беседу, — между нами вклинился Ласкан на своей кобылке, — но уже пора останавливаться на ночлег. А так как наш всемогущий предводитель проигнорировал предупреждение высшего относительно вампиров, нам стоит начать искать безопасное, а главное, скрытое от посторонних глаз место.

И он прав. Не хотелось бы наткнуться на любителей чужой крови. Моя мне ой как дорога!

Поздно я подумала о сохранности своей крови. Тихий свист, мягкое дуновение ветра на щеке, и вот мы окружены двумя десятками вампиров в длинных серых плащах. А день так хорошо начинался.

— Это территория нашего клана, зачем вы здесь? — проговорил клыкастый из-под капюшона, что предусмотрительно накинут на голову.

— Мы хотим пройти к предгорному лесу, ваш покой не будет нарушен, — как всегда, слово взял Широ.

Пять вар тишины, в которые дети ночи приножились к нам, определяя нашу видовую принадлежность. Дольше всех эти нюхачи обнюхивали меня, после чего вернулись на свои места. Еле слышный шепот со стороны одного из вампиров главному и разговор продолжился.

— Вы собирались искать ночлег. Я приглашаю вас в наше поселение, но с первыми лучами вы покинете нашу обитель, — проговорил все тот же вампир.

— Даю слово, — эльф чуть склонил голову, подтверждая обещание, и мы двинулись вперед.

Спорить с Широ смысла не было. Он знает, что делает, так доверимся ему.

Вампиры лавировали между нами, тенями ускользая из одного места и появляясь в другом. Вечная смена положения сильно усложняла задачу определить, где какой вампир. Они двигались как один организм, неуловимо протекая там, где, казалось бы, невозможно протиснуться.

Острая боль в голени оторвала меня от созерцания удивительной охранной системы. Я инстинктивно накрыла ладонью пострадавшее место. На пальцах осталась кровь, а штанина оголила порезанную ногу через дырку в ткани. И только тут я заметила вампира с ножом в руках, по лезвию которого стекала моя кровь. Лезвие приблизилось к капюшону. Из темноты плаща показался оскаленный рот и бледно-розовый язык, что проворно слизал алое лакомство. Меня передернуло от чувства полного блаженства, что отразилось лишь в движении губ и языка, а так же голода, что прятался за вытянувшимися клыками.

— Она остается здесь, — свистяще выдал этот голодный монстр, — банши никогда не войдет в наш дом, — уже более грубо закончил взявший себя в руки главный. Теперь я отчетливо видела, что порезал меня пригласивший нас вампир.

— Не стоило доходить до кровопролития, — у Широ потемнели глаза. Иссиня-черный взгляд внимательно следил за кровопийцей.

— У вас есть выбор, — широко улыбаясь, поставил ультиматум вампир, — или идете в поселение без плакальщицы, и там вас никто не тронет, или остаетесь здесь с банши, и тогда уже ничто вас не спасет от голодного молодняка или кровожадных одиночек. Ваш выбор? — и оскал стал еще шире.

А выбора, как такового, не было. Нам предложили ночлег, и защиту. В эту ночь уже ничего моим спутникам не угрожает, если согласятся. Щедрость вампиров поистине велика. Могли просто бросить здесь на потеху молодняку, но нет, они проявили гостеприимство. А ведь сложно удержать молодые особи от нападения, когда поблизости еда бродит. Поэтому уже завтра наша компания будет снова предоставлена сама себе и под прицелом кровососущих. Завтра запрет на наше уничтожение будет снят, и есть вероятность, что уже следующей ночью этот добренький вампир может стоять над моим неподвижным телом с клыками у посиневшей шеи.

— Мы оста...

— Подожди! — это я.

— Что! — это Ласкан.

— Твою мать, псину блохастую! — это Алкай.

— М-м-м — это Атар.

— Фр-р-р-р, — мои кельпи.

Эльф даже замолчал на полуслове.

— Широ, вы идете в деревню! — как можно тверже сказала я.

— Нет — не менее решительно.

— Я не вчера родилась и сумею за себя постоять. А Кайю я не оставлю на растерзание клыкастым, — рядом зашипели. Шипи-шипипи, небось, клыки мешают нормально разговаривать.

— Пусть они уходят, но я остаюсь, — первородный был непреклонен.

На это возразить было нечего, да и не хотелось. Одной в лесу жутко страшно, особенно ночью. Считай, мы уже в предгорье, а там такие твари водятся, что от страха помрешь, если повстречаешь этих зверюшек.

— Нет. Остается одна банши, или вы все, — и снова скалится на нас. Скалься, прощай зубы будет выбить!

— Значит все...

— Идут с вами! — скоро перебила я эльфа, — Широ, не глупи. Незачем всем рисковать этой ночью. Ничего со мной не случится. И, в конце концов, уважай мои решения!

Первородный просверлил меня взглядом, но не стал спорить и просто направился за вампирами. Ласкан и Кайя было уже открыли рот, но я на них так посмотрела, что оба мигом засуетились и поспешили догнать уже отъехавшего эльфа, только кельпи пешком, он слез с повозки, а птичка верхом. Тариван просто коснулся моего плеча, приободрил тем самым, но так и не посмотрел на меня.

— Удачи, красавица. Я в тебя верю, — и огонек передал мне воздушный поцелуй.

— А еще больше в эльфа, — раскусила я его.

— Ты это сказала, — и он удалился вслед за остальными.

— Палан, иди с ними.

Конь подо мной мотнул головой.

— Нет смысла рисковать и тебе. Широ что-нибудь придумает, иначе он так просто бы не ушел.

Меня полностью проигнорировали. И правильно. Я так и не рискнула спешиться, боясь, что кельпи все же уйдет. Хотя, как он уйдет? Разве что без гривы, я в нее так вцепилась, что только с корнем оторвать, сама не отпущу. Палан, видимо, вспомнил, что случилось с когтями, и решил за лучшее остаться со мной.

— Прости, коник, но тебя я, похоже, не смогу отпустить.

Кельпи всхрапнул. Не знаю, что это значит. Вампиры слишком близко и это не дает Палану возможности говорить, услышат. А раз конспирируется, значит, решил остаться.

Странно, еще пару рассветов назад я бежала бы от кельпи, а сейчас действительность пугает меня гораздо больше плотоядного коня.

— Выхода у нас два: либо лезем высоко, либо ползем глубоко, — изрек кельпи и перетек в человеческий облик.

Вот зараза, я же не слезла с него! Но рано пугалась, меня поймали.

— Ах ты, клыкастая тварь с манией величия! Коняга бескопытная! Харя быка тридцать четыре клыка! — нельзя меня пугать, я могу перестать бояться.

— Так что, миледи? Ползем или лезем? — как ни в чем не бывало, меня опустили на землю и вопросительно уставились.

— Тонем.

— А? — коняга явно не понял.

— Не тупи, Палан. Мы все еще в озерном крае, не смотря на обилие растительности. Ты дух воды. Неужели не под силу создать для меня ма-а-а-аленький воздушный пузырь? — я пальцами показала, какой маленький, хоть и рассчитывала на пузырь в свой рост.

— Под силу, — кельпи сощурился и подозрительно посмотрел на меня, — ты поэтому в меня вцепилась, как упырь в девуцу?

— Ну не могла же я тебе все выложить словами. Вампиры и так диву даются, с чего вдруг банши коня своего отправляла с остальными. Итак, где ближайший водоем?

[1] Рик нае? — Почему нет?

[2] Ватага урус, гота ире нае — Поселение вампиров, вас не пропустят.

[3] Рата! Им солу сат атае! — Стоять! Я же сказал оставаться на месте!

[4] Ор име кырао — Но нам интересно

[5] Тарге — Выходите.

[6] Рату! — Отпусти!

[7] Нае — Нет

Широварт ла Эк

Вампиры не поскупились и выделили нам три комнаты. Две из них располагались в одной постройке, оставшаяся была в домике на отшибе. В третьей я и поселился. Мне импонировала ее отдаленность от всего поселения.

— Скучаешь, сынок?

Из тени выступила миниатюрная девушка с широченной косой черных блестящих волос, будто смазанных маслом. Аккуратный резной носик, пухловатые губы, чуть вытянутые, высокий лоб и хищные миндалевидные большие глаза. Несмотря на невысокий рост, у нее были длинные ноги, фигура «песочные часы» и осиная талия. Облик настолько гармонично смотрелся, что был живым воплощением совершенства.

— Не сказал бы, — я широко улыбнулся женщине, что подарила мне жизнь.

— Да уж, у тебя куча проблем в этом мире, — девушка подошла к полочке со старыми пустыми запыленными склянками, что, верно, остались еще от людей, построивших эту деревню, и провела по ней пальцем, — фу, какие грязнули здешние вампиры. Не домик — лачуга! — красивый носик сморщился.

— И на этом им спасибо.

— Спасибо должны говорить тебе, за то, что не уничтожил их деревеньку одним взмахом руки. Смотри, даже бедный паучок подох от их нежной заботы об этом жилище! — и она протянула на ладони мертвое членистоногое, нежно лелеемое в послесмертии изящными пальчиками.

— Мам, убери это от меня. Не думаю, что вампиры сильно заботились о популяции этих чудовищ, — ну, не люблю я пауков. Аж передернуло меня чуть-чуть.

— О Тьма, ты это слышал! Некромант, боящийся пауков! Кого я выродила?! — она воздела руки к потолку, взывая к тьме.

— Полуэльфа ты родила. И убери, наконец, этого засохлика от меня!

Девушка укоряющее покачала головой, погладила почившего и сделала то, чего я никак не ожидал — **ОЖИВИЛА ЭТО!**

— МАМА!

— Что мама? У мамы сердце есть.

— Зато ума нет! — я пятился от ее руки, как от зомби, болеющего проказой.

— Жалко ведь, — и на меня уставились честные-причестные голубые глаза с черными росчерками.

— А меня не жалко? — я быстро отскочил от протянутого ко мне паука и забрался на тюфяк с ногами.

— А тебя бить надо! Промеж глаз! Сильно, продолжительно и с особой жестокостью! Долго силу будешь душить в себе? — вот тут девушка резко превратилась во взрослую, умудренную жизнью женщину. А еще разгневанную.

— Моя сила опасна для нее, — твердо ответил я.

— Ну да, ну да. Это для пробужденной-то?

— Она не сможет сопротивляться соблазну своей силы. Смерть миллиардов душ поглотит ее.

— Глупости! Если есть ради чего остаться, не поглотит. А вот ты вскоре перегоришь. Так что решай, мой мальчик, либо ты перестанешь блокировать силу смерти, либо я убью твою зазнобу, — и все это говорит моя мать с ледяным спокойствием на лице.

— Не смей! — от всплеска эмоций перестал контролировать свою ипостась и порезал клыками губу. Как юнец, право.

— Еще как посмею, — небрежно ответили мне, поглаживая длиннющую косу.

— Р-р-р-р-р-р, — и меня понесло. Выброс был огромным, но моя противница поглотила его, даже не оторвавшись от своего занятия по укладыванию непослушных выбившихся прядей назад в косу. Воистину сильнейшая в магии смерти!

— Ну вот и славно. Только учти, у меня нет времени постоянно спускать твою силу. Кончай ее подавлять или перегоришь, сынок, — она тепло улыбнулась мне, как получается только у нее, а потом хихикнула, глядя на мою грудь. Я тоже перевел взгляд туда, — а выбросы делают тебя смелее.

— Твоими с-с-с-стараниями, матуш-ш-ш-шка, — прошипел я сквозь клыки, снимая с груди за мохнатую лапищу излишне проворного, для недавно воскрешенного, паука.

— Хи-ха-ха...

— Мам, прекращай нарушать равновесие в моем мире! — и строго смотрю на эту непосредственную женщину.

— О, милый, это же только паучок. Ну что от него сделается? — она продолжала хихикать над моей насупленной моськой.

— Инфаркт у меня сделается!

— Не преувеличивай, — моя родительница закатила глаза, — но так и быть, это последний воскрешенный мной пучок в этом мире. Чудить перестану.

— Уж будь добра, — и я задал мучавший меня весь вечер вопрос, — она там, где я думаю?

Взгляд голубых глаз изменился. Стал понимающим и серьезным.

— Да.

И только теперь я выдохнул. С воздухом изнутри выходило напряжение и беспокойство. Мыслим мы с Су одинаково, а значит, она поступила именно так, как безопаснее всего. Я хорошо ее обучил.

Когда вынырнул из своих раздумий, прекрасной девушки уже не было. Ох, и не любит она прощаться. Наверное, так же, как и здороваться.

— Всевышние! Простите меня горемычную! Я больше не буду обзывать Широ, не стану рушить стены во дворцах у эльфов. Я даже с удовольствием буду петь песни после смерти птички, только вытащите меня ОТСЮДА!

Эта истерика продолжалась вот уже пять ват, но никто не спешил меня спасать. Кельпи сидел рядышком со мной в воздушном пузыре и пытался то ли заткнуть пальцами уши, то ли оторвать их нафиг! Его явно не пугало наше положение между глубоко и глубже некуда.

Вообще, я поняла, что враждовать с Паланом чревато расстройством моей психики. Помните, я рассказывала о Пустых озерах и воде в них, столь прозрачной, что она невидима,

и столь легкой, что не ощущается при соприкосновении с кожей. И да-да, мое предположение о том, что найди я такое пустое озеро, обязательно пойду ко дну, оказалось до нелепости верным. И угадайте, кто же притащил меня именно сюда? Мстит, что я его в эти самые Пустые озера послала в прошлый раз. Интересно, как он вообще умудрился их найти? Это же фактически легенда, небылица. Да я сама не верила в существование такой аномалии. Ага, ровно до момента, пока не стала протирать свои походные штаны о дно одного из таких озер.

— Палан, я умоляю тебя, вытащи нас. О этих озерах не зря дурная слава ходит. Ты и не заметишь, как твой пузырь лопнет, и мы утонем. Ведь ничегошеньки не ощущаем, будто в яме глубокой сидим!

— Успокойтесь, миледи. Ничего с моим пузырем не станет. А вот если не перестанете верещать, то вас утоплю я, собственноручно!

За крики было стыдно, но страх от этого меньше не стал. Солнце должно встать через ват, но я и вара больше здесь не выдержу. Палан уже вымотался, сдерживая напористые воды озера от прорыва за заслон нашего убежища. Я очень сомневаюсь, что кельпи вовремя заметит момент распада пузыря и сумеет нас вытащить до того, как мы захлебнемся, даже не осознав факта своей смерти. И я пошла на то, что не позволила бы себе в иной ситуации.

— Палан, я приказываю вытащить нас на берег! Немедленно!

Резкий поворот головы, черные пряди небрежно падают на обнаженную грудь. Глаза сужены и обдают льдом. Большой ненависти и презрения, что всем своим естеством демонстрировал сейчас водный конь, я не видела. Но, несмотря на бушующие чувства, кельпи выполнил приказ, и мы медленно начали движение вверх. Я смогла глубоко вдохнуть только тогда, когда мы оказались в десяти тарах от злополучной легенды наяву.

Я не целовала землю, как это всегда делают герои морских историй, возвращаясь на берег. Нет, я просто села возле большой каменной глыбы и крепко ее обняла, намертво вцепившись ногтями, будто кто-то или что-то пытается меня от нее отодрать.

— Нам надо вернуться, миледи.

О, а теперь это не звучало, как дружеское подтрунивание. Теперь это была холодная отстраненность. Подумаешь, какие мы неженки. Видите ли, нам посмели приказывать!

— Тебе надо, ты и ныряй обратно. По мне, так лучше стать напитком для вампира, чем кормом для рыб.

Тем более что от укуса жертва впадает в блаженство, а от воды в легких одно нестерпимое жжение. Тут выбор очевиден. Но Палану этого не понять. Он ведь дух воды. Ее детище. Правда, даже Палан не может знать, как поведет себя жидкость пустого озера по отношению к кельпи. Не факт, что оставит его в живых.

— Давай хотя бы спрячемся, — прошипел водяной конь.

— Какая забота, — фыркнула, но все же решила от камня отлипнуть.

— Если бы не брат..., - и он замолчал, так и не договорив. Просто закрыл глаза и глубоко задышал. Кажется, кое-кто из последних сил старается не утопить меня.

— Что? — я разозлилась, — что бы ты сделал?

Пора было расставить все точки над «и».

— Отдал бы меня своему королю на ужин, как отдали ту маленькую девочку-кельпи?

Палан вздрогнул. По лицу прошла судорога напряжения, а глаза, наконец, открылись и запылали гневом.

— Чего молчишь, а? А может, приобщился бы к трапезе, как сделал это, когда подали к

столу твоих родителей!

Всевышние! Куда меня понесло?! Но он изрядно вывел меня из себя, и я действительно не очень верю, что братец Кайи вдруг перестал быть убийцей. Это смешно! Убийца, что бы он ни делал, остается убийцей. Даже если у него были благие намерения. Палан увяз в смертях, и в какой-то момент ему это начало нравиться. Он опасен и асоциален. Как бы он не любил своего братишку, остальные для него не имеют ценности. Он с легкостью принесет их в жертву. Я это чувствовала на протяжении всего времени, что кельпи провел с нами. Как только все закончится, наши пути разойдутся. Я не потерплю Палана рядом с собой и своими друзьями!

— Заткнись, тварь! — взревел демон.

Да-да, не зря кельпи считают водными демонами. Они из тех духов, что относятся к агрессивным и опасным. Именно страшный, изуродованный отвратительным оскалом демон стоял передо мной, да простят меня истинные демоны за такое сравнение.

— Ты ничего не знаешь обо мне, могильщица. Я, в отличие от тебя, не устраивал массовую резню. Мой народ страдал, и я помогал, как мог. А ты убивала и упивалась своей властью над остальными. Ты ничуть не лучше меня, банши!

«Банши» было сказано так, будто это самое отвратительное слово в мире. Он выплюнул его как оскорбление, как приговор.

— Я не пожирала разумных. Я убивала своих врагов! А ты набивал желудок родственниками! — слова вылетали с рыком. Я готова была перегрызть горло Палану прямо здесь и сейчас. Кельпи был не в лучшем состоянии. Нас охватило крайнее бешенство. И больше не потому, что нас оскорбили, а потому, что в оскорблениях была правда, пусть не во всех, но правда. Слышать, что ты монстр и осознавать, что так и есть, самое тяжелое и ранит больше всего. Правда глаза колет. Подходящее к нашей ситуации высказывание. Перемирие окончено!

Кто знает, до чего бы дошло это противостояние, если бы нас не прервали. Благо, нахальное покашливание заставило отставить свои претензии друг к другу в сторону и направить агрессию на незваного гостя. Им оказался вампир, кто бы сомневался.

Высокий, стройный, без своего плаща он выглядел просто потрясно. Брюнет с высоким хвостом до талии и ярко-алыми глазами стоял в десяти тарах от нас, но никто не сомневался, что такое ничтожное расстояние мужчина преодолет за мгновение.

— Как неосмотрительно с вашей стороны вылезти в ночь из своего убежища, нц-нц-нц, — он цыкал с таким наслаждением, что мне самой захотелось повторить за ним. Вампир посмотрел на Палана.

— Кельпи? Как неожиданно, — он резко перевел взгляд своих кровавых глаз на меня, — теперь ясно, где ты скрывалась, скорбящая.

— И зачем же я тебе понадобилась? — Всевышние! Что за воркующие нотки? Темень! Сильный, зараза! — неужели кровь такая вкусная оказалась?

— Узнала, — и мне так улыбнулись, что просто «Ах!».

Конечно, узнала. Он же стоял в каких-то танах от меня, когда лакомился с ножа моей кровушкой.

— Не боишься, — продолжал озвучивать свои мысли вампир, — и, конечно, знаешь, за что мой народ тебя так ненавидит.

Это не было вопросом, но я все равно ответила.

— Вы ненавидите не меня, вы ненавидите свою слабость. Скорбь — это слабость.

Позволяя мне петь для ваших ушедших душ и освободить от скорби сердца близких, вы тем самым, подтверждаете, что слабы внутри. Вампиры предпочитают переживать боль, жить с нею и закаляться, но никогда не признаются, что скорбят. Своей песней я раскрываю все ваши секреты, мальчики, — и я заискивающе улыбнулась.

Что на это ответишь, бессмертный? Ведь я сказала правду. Оттого и не пустил ты меня в свою деревеньку. Боишься своих слабостей, вампир?

О, он боялся, и от этого все сильнее закипала злость внутри. И я все-таки добилась своего. Глаза просветлели и явили сталь, что пряталась за кровью.

— Самоуверенна. Слишком, — прошипел брюнэт. Он проследил ход моих мыслей.

Издrevле вампиры ненавидят банши. Это традиция. Но никто во всем мире так и не понял причину. А все потому, что нам известен ваш секрет. Вы чувствуете. Вы любите и заботитесь о любимых. И вы скорбите по ним. Не бывает скорби без привязанности. А раз песня моя приносит облегчение вашим душам, значит больно и вам. И тут рушится вся ваша легенда об отсутствии чувств у вампиров, о врожденной холодности и кристальной ясности мысли.

И снова каким-то чудесным образом клыкастый понял, о чем я думала. Радужка полностью утратила красный отлив.

Глаза цвета стали взирали на меня с затаенной злостью и азартом. Простите, откуда азарт?

— Красивые глаза.

И тут стало ясно, как хорошо себя контролировал вампир до этого. Он позволял отразиться только тем эмоциям, которые считал уместными. Но сейчас на его лице было удивление. Ван, и он снова невозмутим.

Тут стоит пояснить, что вампиры бывают рожденными и обращенными. Истинные вампиры — это рожденные, все остальные неистинные. Но есть еще одна отдельная категория истинных. Их называют сатэ — рожденные от истинного и обращенного или от обоих обращенных. Были случаи, когда обращенные были настолько сильны, что могли зачать. Их дети рождались истинными и почти не уступали своим сородичам по силе, а то и превосходили ее.

Отличить сатэ от истинного практически невозможно. Но все же, у них есть своя особенность. У всех вампиров красные глаза, и чем вампир сильнее, тем насыщенней и темней оттенок алого. У сатэ же глаза могут быть любого цвета, но при этом они маскируют их за красной пеленой. А маскировка им необходима. Истинные жутко не любят, когда появляются те, кто равен им по силе. Стоит ли говорить, что скрывать свою сущность для сатэ жизненно необходимо.

Так вот, передо мной стоял сатэ, собственной персоной. Эмоции захлестнули его так, что он не заметил, как пелена спала и открыла истинный цвет глаз. И эта эмоция отнюдь не была злостью. Каким-то подкожным чутьем я осознала — желание. Он желал не только моей крови, но и меня саму. Каюсь, от этого знания где-то зародился червячок самодовольства. И будь это только одним чувством, что я испытывала, так нет, меня еще и предвкушение обуюло. Даже дыхание сперло от всяких непристойных мыслей в сторону этого совершенства.

— Ниат.

— Что?

— Мое имя Ниат. Пойдем со мной, — и он оказался прямо передо мной с протянутой

рукой. Ну и я, не будь душой, взяла его за руку.

В тот же момент громадная черная пасть с множеством зубов-лезвий сомкнулась на запястье вампира. Послышался хруст и рык. Хрустели явно кости, а рычал, по всей видимости, вампир, поскольку у Палана челюсть чужими конечностями была занята.

— Дура! Ты кого за руку берешь! — верещал на меня кельпи, попутно отплевываясь от чужой плоти.

Согласна, дура.

— Это ж надо было попасть под его влияние. Знаешь же, с кем дело имеем!

— Не ори! Сама в курсе, что не гений. Он не сразу защиту пробил!

Пока пререкались, вампир новую кисть себе отращивал, и его эмоции теперь были далеки от желания. Разве что желания убивать.

— Тьма! Держи свою цепную лошадь на привязи! Он мою руку сожрал! — О, сатэ отмер.

— Мертвечиной не питаюсь, — выплюнул кельпи.

— Зато я кельпи питаюсь, — прошипели в ответ.

— Клыков маловато, — и моя зверолошадь оскалилась во все свои многочисленные пики.

— Зато сил достаточно.

— Сатэ, — вампир дернулся от моего обращения, — нам тут недавно высший на пути попался, и я почти уверена, что связь у моего друга с ним осталась. Улавливаешь суть.

— Катитесь подальше от моих земель, пока еще можете двигаться, — прошипел травмированный усилиями кельпи вампир.

Конечно, он нас отпустил. Зачем ему высший истинный в деревне обращенных и сатэ. Ведь есть еще одна особенность у лжеистинных, что так бесит рожденных вампиров. Они способны обращать. То, на что не способен ни один обращенный. Это всегда была прерогатива истинных. Но теперь появились сатэ. Они угроза для высших, способная создать собственный ковен и вступить в борьбу за власть. Именно такой маленький пока еще клан мы встретили на своем пути, и, похоже, Ниат его создатель. А ему ой как не нужно сейчас внимание истинных, особенно высших. Разумеется, я не призналась, что высший из другого мира и вообще преподаватель.

— Он ведь не отстанет?

— Нет, — и это понимала ни я одна, — он хищник. Сильный и опасный. А когда добыча ускользает из лап такого, как Ниат, ничего хорошего для добычи это не сулит.

— Будет преследовать? — кельпи шел размашистым шагом, попутно косясь одним глазом на сидящую верхом на нем меня, и никаких больше злобных взглядов. Вот уж правда, беда сближает.

— Неа, выжидать.

— Ну тогда ему ничего не светит. Вряд ли Широарт оставит тебя, миледи, одну. Никаких шансов.

— Отнюдь, вампиры очень изобретательны. А мы уже установили, что я подвержена влиянию именно этой особи.

— Когда эльф узнает, то...

— Эльф не узнает, — и эта фраза явно не подлежала обсуждению. Удивительно, но на этот раз Палан молча принял мой приказ. И правильно. Если Широ узнает, как я сглупила, выйдя на сушу на ват раньше рассвета, он нас обоих за выпирающие части тела подвесит.

Меня за идиотизм, кельпи за потакание идиотизму.

Мы подъезжали к тропинке, где вчера расстались со своими спутниками, поэтому разговор сам собой сошел на нет. Нас уже ждали.

— Ну и где вы лазите? Уже пол вата как должны были быть здесь, — раздраженно выговаривал нам Широ, но вдруг осекся, — или были проблемы?

Вот только не надо на нас так смотреть. Сразу хочется все рассказать и покаяться во всех грехах, даже если их не совершал.

— Нет, все спокойно, — нагло проигнорировав обличительный взгляд, соврала я.

— Тогда какого гребанного кельпи опаздываете?

— Вот этого, — и моя персона беззастенчиво указала всей своей дланью на того самого «гребанного кельпи», — лапку, видать, подвернул.

Палан мой юмор не оценил и демонстративно клацнул зубками у моей ноги. Фи, какие мы нежные.

— Данка, только не говори, что этот тоже через кочки прыгал, — простонал Ласкан. Ему, видимо, совсем надоело так медленно плестись, и перспектива продлить это сомнительное удовольствие ввергала его в уныние.

— Кстати, как Кайа?

— Нормально, — кельпи выполз из повозки, прицепленной сейчас к кобыле феникса, — но все очень медленно заживает, я не понимаю в чем дело.

Да уж, я тоже. Сила дает сбои у того, кто с детства ей владел и возрастает у того, кто о ней и слыхом не слыхивал. К примеру, та странная мощь в теле, что позволила с легкостью поднять тяжеленный мешок с котелком, да еще и запустить им на такое расстояние. Неисчезнувшая грязь на лице Ласкана и внезапный сон оборотня на посту, ночного создания, что привык к прогулкам при луне. Тут происходит что-то из ряда вон выходящее, чему, пока, у меня нет объяснения.

— Ну и как тебе Пустые озера? — усмехнулся эльф.

— Ты! Так это ты рассказал Палану о них! — я изо всех сил сдерживала руки от рефлекса «душить», что неизменно появлялся при очередной эльфячей пакости.

— Естественно, ментальные вестники еще никто не отменял, — самодовольство так и лилось сквозь его слова.

Все! Если и было до этого малюсенькое желание рассказать о вампире, рискуя оказаться под тотальным наблюдением и даже в кустики не присесть без кругового оцепления, то сейчас оно бесследно исчезло. Сама справлюсь. Излишнюю заботу и защиту я не выдержу, как и близкого соседства со столь подверженными страху особями.

Палан украдкой взглянул на меня. Твердый, нетерпящий никаких возражений взгляд в ответ, и лошадка понимает, что болтать лишнего не стоит.

Глава 9 Любовь не есть залог счастья

— Я вижу скалу! Я ее вижу! Это ведь ОНИ?! Это ведь горы?!

— Упокойте его кто-нибудь, — раздраженно прорычал огонек.

Ого, если уж Алкай готов прибить нашего пернатого юного натуралиста, то шкала всеобщего терпения уже превысила норму. А все потому, что феникс никогда не видел этих гор и Драконьи лежбища. Только сквозь историю, а воочию ни разу. Собственно, как и большинство из нас только слышали об этой местности. Ну не водили мы сюда экспедиции. Северный выход из долины вообще не использовался в силу опасной зоны за ним. Вот теперь птичка подскакивает в седле при виде каждого булыжника и визгливо вопрошает всех вокруг о горах. Не передать словами, как же он нас всех достал!

— Это, Ласкан, скальный нарост, — безэмоционально вещал Тар, — такой же, как и сорок три до него, — маг земли тяжело вздохнул.

— Уа-а-а-а! Скальный нарост! Мы близко! Ведь так, Данка? — снова подскакивая до небес, визжал феникс. И, наконец-таки, выполнил нашу общую заветную мечту сегодняшнего дня: убился!

— Ура-а-а-а-а, — вяло выдохнул оборотень и, будто с натугой, поднял вверх кулак.

— Жизнь хороша, когда поешь не спеша, — пролепетала я в конце заупокойной. Теперь уже даже они не раздражали меня, ибо мертвый феникс и панибратские песенки в сто раз лучше живого Ласкана. Это уже осознали все.

— О, ничего себе громадина!

Я подняла голову от земли на ту самую громадину. Кайа так окрестил достаточно внушительную гору, что виднелась на горизонте. Если бы мы не вышли на широкую поляну, то вряд ли бы ее увидели. Удивительно, но великие умы действительно сходятся в решении жизненно важных проблем. С заоблачной скоростью мы преодолели злосчастный просвет в предгорном лесу, именуемый поляной и снова оказались в месте, где горизонт закрывали высокие и все еще густые яркие кроны. Гнали мы так, будто нам подпалили хвосты. Не дай Всевышние, феникс возродится и узрит эту махину. Мы ж помрем от его щебетания.

— Уф, успели, — выдохнул Широ.

— Что успели?

От этого вопроса всех как молнией поразило. Однако наше парализованное положение ничуть не уменьшило любопытства в розовых глазах.

— Успели... — я лихорадочно соображала, что соврать.

Во лжи главное достоверность, и, самое главное, чтобы соприкасалось с правдой, иначе провал.

— Успели спасти... — орки задери, и кого же мы спасли!

— Кого? — Кайа и Ласкан спросили это одновременно. Мне даже захотелось стукнуть мальчишку. Всю контору спалил.

— Успели спасти... — и тут я увидела ИХ! Ванильно-розовые бутоны неизвестных мне цветов, — цветы.

— Цветы? — к двум несмышленьшам присоединился еще и Широ. Хотя, эльф скорее от неожиданности спросил.

— Ага, вон те? — и я указала на растение.

Все дружно уставились на цветочки.

— От кого? — не сдавался Ласкан, но тот же немой вопрос читался в глазах всех. Им жутко было интересно, что же я совру. Вот предатели! Нет, чтобы помочь!

— От Широ, — как само собой разумеющееся, просветила всех я.

— Эм...

— Видишь ли, Ласкан, — раз эти поганки мне не помогут, значит, война! — мой любимый терпеть не может розовый цвет, его всегда так и тянет уничтожить любой его носитель.

О, это было не просто удивление, это было ультраудивление. А эльф вообще застыл, стараясь переварить мою пакость. Отмирай милый, я еще не закончила.

— Правда, — чуть побледнев, уточнил феникс.

— Ну конечно, правда. От того и держится всегда подальше от тебя.

— А зачем цветы спасать?

Это птичка нервничает, что гнев на растении не спустили, значит, на очереди он?

— А тут все просто. Палан до звездочек в глазах обожает розовый цвет, — тут я запнулась, поскольку мой конь едва не зарылся мордой в землю. Перенервничал, видать, за соцветия свои розовые, — особенно он в восторге именно от этих цветов, — и я сцепила пальцы, притянув руки к груди, изображая умиление.

— Кхм, красавица, — сдерживая не то смех, не то слезы, привлек мое внимание огонек, — это растение — рацин, кхм.

— И? — не поняла я.

— Из него делают слабительное, — уже во всю улыбаясь, просветил меня Атар.

Ну что сказать, месть удалась.

— Палан, солнышко, что же ты молчишь всю дорогу? А я-то думаю, чего ты из лагеря никогда не уходишь, да все в строю идешь, не отлучаешься. Неужели все так запущенно? — о да, я издевалась. Правда, было страшно оказаться сброшенной, но оно того стоило.

— Широ, любимый, — эльф окаменел, понимая, что вернулись к его потрохам, — раз ты так ненавидишь эти цветочки, то у тебя, наверное, обратная проблема? Не стесняйся, мой златовласый, у меня есть особое зелье, оно так хорошо крепит.

Ну что ж, весело было четверым. Один в растерянности и двое в бешенстве. Вот только удовлетворить свою жажду крови не суждено ни одному из них. Меня трогать низзя, да и не осмелятся. Кстати, Теон, кельпи Широ, тоже тихо ржал в своем навечно лошадином облики.

Похоже, теперь путь пройдет в тишине и раздумьях. Возможно, планах мести мне.

— А это не гора, там, за деревьями?

— Ы-ы-ы-ы-ы! — общий протяжный, полный страдания стон.

Не знаю, как мы пережили любопытство и восторги Ласкана, но когда, все же, достигли подножия гор, террор прекратился, и феникс весь ушел в созерцание. И слава Всечувствующим! Благостное молчание нас настигло за двадцать тат до предполагаемого ночлега. На нас напали.

С криками «Ну наконец-таки!», «Как я вас ждал!» и «Оставьте мне парочку!» мои мужчины бросились рубить зомби. Даже Палан стряхнул меня со спины и помчался рвать и драть мертвые тела, что, к удовольствию моих спутников, никак не хотели упокоиваться.

— Всевышние, да сожгите вы их, наконец! — не выдержала я, завидев, как Широ

швыряет свои стилеты в зомби, потом подбегает, достает их из поврежденной плоти, отходит и по новой.

Меня проигнорировали. Парни сбрасывали накопившееся напряжение на бедненьких зомби. Причем, даже нестойкое сопротивление не останавливало их от избивания трупиков, кем-то безжалостно воскрешенных. Тар, например, пошел врукопашную. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: от одного его удара зомби рассыпался на суповой набор. Но нет, он дубасил их до превращения в пыль. Какие-то варвары стояли сейчас передо мной, а не маги и воины.

— Темень и ее твари! — громко выругалась я, сидя попой прямо на земле и злобно подперев голову ладошкой.

Рядом тяжело вздохнули Кайа и Ласкан. А представление все не кончалось. Меня уже потряхивать начало. Ну что они как дети малые? Ну выпустили пар, ну развеялись, но не на протяжении же трех ват развлекаться!

— Все! — я резко поднялась на ноги, — а ну все быстро УПОКОИЛИСЬ!

— Успокоились, — тихенько поправил меня Кайа, за что заработал мой гневный взгляд.

Когда я снова повернулась к этим прохиндеям, то поняла, я не ошиблась. Я сказала именно ТО, ЧТО НАДО БЫЛО.

Все недоразложившееся войско в один миг свалилось грудой костей и мяса на землю прямо там, где стояли.

— Чтоб меня мавки грызли! — не удержалась я.

На меня же после выкрика смотрели настороженно. Тут же осмотрела себя. Никаких изменений, никакого черного тумана или внутреннего зова. Все в норме.

Орки знают, что твориться. Как я вообще умудрилась упокоить это воинство нежити? Нет, магия здесь явно дает сбой. Все наперекосяк у всех, а я мастер-гений во всем. Роли поменялись, однако.

— Ты как, — ко мне подошел Широ и осторожно прикоснулся к щеке.

— Как обычно, без желания уничтожить всех к оркам собачьим, — улыбнулась в ответ на его вопрошающий взгляд.

— Отлично, — прошептал он, притянул к себе и надавил своим лбом на мой. Эй, да они никак устали. Неужели?

В тот же момент вдалеке сорвался вниз с горы скальный уступ размером с дом. Все резко повернулось к источнику звука, как и я. Но невероятное зрелище ненадолго завладело моим вниманием. Я очень быстро поняла, куда необходимо сейчас смотреть.

Атар стоял неестественно ровно и смотрел прямо мне в глаза. В его собственных бушевал зеленый вал дикого океана. И меня захлестнуло.

Горячие губы медленно приближаются к моему лицу. Верхняя, еле касаясь кожи, нежно скользит вниз от моей брови к веку, чуть задерживается для легкого поцелуя и движется дальше, к щеке. Желание ощутить настойчивость и твердость этих губ на своих почти невыносимо. Он дразнит меня, вызывая мучительное томление где-то внизу. Легкий выдох, и теплый воздух у самых губ стает виновником почти болезненного покалывания и жгучего нетерпения. Больше всего в жизни сейчас я жажду слияния с ними, с двумя алебастровыми половинками, что почти коснулись меня. Но он медлит, а я не смею двинуться на встречу,

принимая его игру. Ведь впереди ждет награда из умопомрачительных ощущений и чувств.

Легкая улыбка понимания не уходит, когда самая нежная кожа на лице каждого проходит в волоске от моей. Я чувствую ее тепло, будто касаюсь, но прикосновения нет. И это медленно убивает.

— Ты со мной, — шепот прямо мне в губы.

Выдох и резкое, стремительное слияние, настолько неожиданное и оглушительное, что ноги меня не держат, и я хватаюсь за голые плечи воина, что наконец-то стал моим.

Буря эмоций, нетерпеливые, грубые движения, будто это мгновение может исчезнуть. Будто нас сейчас силой оттащат друг от друга. Животное стремление остаться единым.

Безумие, вот как можно описать мои эмоции, настолько они хаотичны и напористы.

И я очнулась. Это были лишь воспоминания. Но не простые. Это были чувства не только мои, но и воина кашир. Он буквально впихнул их в мой разум и память, пытаясь донести то, о чем я и сама знала, но не хотела знать. Маг разбередил рану, что я прикрыла платочком, чтобы кровь наружу не текла. Но она протекла и хлынула тем самым валом, что бушевал вар назад в малахите Атара.

Я на всю жизнь запомнила эту единственную нашу ночь, что была моим ярким лучиком во тьме отчаяния, которое обуяло меня после свадьбы Атара. Это было самым счастливым моим воспоминанием, а теперь оно способно все разрушить. Нет, оно уже разрушило.

Поцелуй — единство душ, ни тела. Тело может предать, может разлюбить, душа никогда. Это причина такого трепетного отношения к настоящим, искренним поцелуям. Все существа, кроме людей, верят в неприкосновенность губ, пока душа не полюбит. Конечно, это все утрировано, но истина в этом есть. Если любовь искренняя, то только поцелуй и ничто другое на свете не свяжет души. Ничто! А только связанные могут пройти перерождение и найти друг друга в следующей жизни. Только душевная связь дает то самое ощущение единства. Без него вы просто двое, что не верят друг другу до конца и сомневаются во всем. Потому эльфы связывают себя ритуалом, что не позволяет им уйти от избранного и связывает их души.

Он связан. Связан больше, чем я себе позволяла думать. Широварт, нет, Динаристан, может сколько угодно говорить о разрыве и нелюбви, но душа его принадлежит ей. Принадлежит единственной, что, по стечению обстоятельств, оказалась нелюбимой.

О Боги! Зачем ты показал мне это? Но на мой немой вопрос он не ответил. И я знала почему. Я тоже связана. Связана с воином, что когда-то отдал мне свое сердце и связал наши души. Я не понимала этого тогда, не ощутила. А он знал, знал и жаждал подтвердить союз браком.

Отказала. Я отказала ему, свято уверовав, что кашир меня не любит и никогда не сможет этого сделать. Всезнающие! Какая же я дура!

Дикий вой вырвался из моей груди. Вой смертельно раненого зверя, но, по жестокости охотника, не добитого. Я выла, рычала и шипела на всех и вся, что окружало меня. Я рвала себе грудь руками, раздирая кожу в кровь и ломая ногти до мяса. Я хотела добраться до сердца, что билось в груди. Я хотела остановить бег крови, раздавив проклятую мышцу собственными ладонями. Не смогла. Просто физически не смогла и тогда просто упала на землю, уткнувшись лицом в прелую золотистую листву. Этот запах снова стал угнетать и

рвать мне жилы. Теперь это уже не изменить.

— Коллапс равновесия тебя дерит! Что эта девчонка творит! Идиотка! — мечась по временному пространству, сотворенному в эфире, молодая девушка костерила только ей видимую «идиотку».

— Кажется, открытую операцию на сердце, — раздался чарующий мужской бас с хрипотцой. А спустя ван появился и его обладатель.

— Операцию! — взвилась черноволосая девица, грозно сверля незваного гостя взглядом.

— Согласен, опыта не хватает, — продолжил издеваться смуглый, в отличие от своей собеседницы, черноглазый брюнет, — с ее то силами нет даже шанса, что банши сможет продрать своими жалкими ногтиками собственную грудь, — гость внимательно смотрел на призрачный экран, где в бесплотных попытках достать до сердца билась плакальщица.

— Тём!

— Что, дорогая сестрица? — как ни в чем не бывало, с ослепительной улыбкой на устах брюнет обернулся к источнику звука.

— Повесить или утопить? — грозно выдохнула хранительница равновесия.

— Родители упаси, Ку! Девочка хочет сердце вырвать, а ты повесить, — и мужчина укоризненно покачал головой.

— Утопить, обезглавить, четвертовать, нашинковать на рагу, сжечь, — озлобленная девушка решительно наступала на шутника, явно демонстрируя, к кому относятся ее слова, — закопать, заморозить, задушить, зарезать...

— Зацеловать.

— ... зацеловать, за... ЧТО!

Полу возмущенный полу удивленный выкрик сестры вызвал приятный гортанный смех провокатора.

— Мамочки! Как тебя приятно дразнить, Ку! Ха-ха!

— Темочка, протыкание сердца и иглоукалывание мозга тоже так приятны, просто до судорог всего тела и кровавых пятен перед глазами. Хочешь попробовать? — мурлыкнула Ку и выпустила разом все пять длиннющих когтя на правой руке.

— Да ладно тебе, мелкая...

— Я старше тебя, — уже привычно огрызнулась девушка.

— Всего-то на какую-то сотню тысяч лет. Мы же почти близнецы.

— Тём, прекращай мотать мои нервы на свое самолюбие, иначе лишишься возможности ходить между мирам.

Вот тут мужчина напрягся, и последующая интонация была гораздо серьезнее.

— Хорошо, моя взрывоопасная. Но твоя будущая невестка с суицидальными наклонностями. Что будешь делать с этим?

— Промывать мозги, — спокойно, не испытывая даже четверти прошлой злости, ответила хранительница.

— Это ей-то? — брат указал на изображение уже отбившей в мир грез банши, — у нее и так не все дома, а голова забита всякой дурью.

— Значит, выбивать дурь.

— Не перестарайся. Я не хочу видеть усыхающего заживо от скорби племянника.

— Я не собираюсь убивать Динара. Я хочу его спасти, — тихая, но вполне уверенная фраза закончила разговор. Собеседник ощутил это и беззвучно растаял, чтобы материализоваться там, где пожелает Тьма.

Очнулась я от сильного жжения в области груди. Оно было просто одурманивающе непереносимым. Приподнявшись, увидела белую ткань, что полностью закрывала мое тело от шеи до низа живота. Яркое солнце слепило явно опухшие глаза, так как весь мир виделся через щелочки, как бы широко я не пыталась разомкнуть веки. Будучи почти слепой, не сразу увидела подскочившего ко мне Ласкана.

— Дана, как ты себя чувствуешь? — он схватил меня за ладонь одной рукой, второй убрал волосы со лба и там ее и оставил, проверяя, нет ли жара. А жар был, вот только не внутри. Жгло кожу груди, если она вообще там осталась.

— Я в порядке, — он мне не поверил, — больше не планирую ритуальное раздирание на лоскутки самой себя, — более твердо сказала я.

— Зачем ты это сделала? — осторожно спросил феникс.

— А разве ты не видел? — я мягко улыбнулась.

— Я не могу видеть мысли и эмоции, ты же знаешь.

— Знаю, — я провела пальцем по ладошке принца в успокаивающем жесте, — Теперь все хорошо, тебе нечего бояться.

— Ты приняла решение? — уже более спокойно поинтересовался Ласкан.

— Да.

— Отлично, тогда я пойду в очередной раз попробую развести по разным углам двух влюбленных ревнивых идиотов. И да, — он остановился у выхода из маленькой палатки, чьи тряпочные двери были распахнуты, а лившийся через них свет позволял теперь видеть только силуэт хранителя истории, — насколько же тебе было больно, что ты физически хотела вырвать эту боль из своего тела?

Я не ответила, но он и не требовал ответа от меня. Все было и так ясно как белый день.

— Отдыхай, — и меня оставили одну в пространстве, где я больше никого не хотела бы видеть ближайšie тысячу рассветов.

Да, я приняла решение. Наш поход закончится, когда я освобожу умерших неушедших за грань, а потом освобожусь и сама. Я не могу требовать от Широ того, что не могу ему дать сама. Его душа принадлежит не мне, а моя не ему. И даже если бы не Атар, нам все равно не суждено соединиться. Он скован клятвой так крепко, что даже боги потрудились бы на славу, прежде чем смогли бы разорвать эти узы.

Я хотела верить, что даже без связи мы сможем быть счастливы хотя бы в этой жизни, пусть и не полностью. Но это самообман. Недоверие, подозрение и ревность уничтожат нас, не дав зародиться чему-либо прекрасному. Сам мир против этих отношений. Он уже соединил нас с другими и не намерен разрывать цепи, что крепко оплетены вокруг душ. Целый мир держит нас далеко друг от друга. Он не даст случиться тому, что нарушит его равновесие.

Да, теперь понятно, почему мои срывы случаются тогда, когда Широ вновь входит в

мою жизнь. Только его сила резонирует с моей. Только его. Ни сила проклятых, ни Магнолия, ни сам Коршун в облике герцога не вызывали во мне всплесков. А их сила смерти огромна. Только наша любовь несет всем смерть и разрушение. Мир вибрирует, отбрасывает нас друг от друга, а мы, вместо того, чтобы понять тщетность своих попыток, как бараны, уперто идем по своему пути, ломая всю систему равновесия.

И вот сейчас, осознав это, я понимаю, почему мы так долго не могли быть вместе. Нам и не нужно этого делать. У меня уже был шанс на счастье, огромное, всеобъемлющее счастье. Но я его упустила. По собственной глупости и из-за необоснованных страхов я разрушила то, что подарил мне этот мир, что дало мне равновесие.

Я больше не буду рвать себе сердце и душу, ломая порядок мироздания. Я отпущу свою боль и свою любовь. Теперь у меня есть сила принять ультиматум, что выдвинут богами. Я не сломаюсь!

Широварт ла Эк, истинный Динаристан рен Сиу ла Эк ва Куилагур, хранители равновесия

ПОЧЕМУ ей так больно! Что произошло?

Я оторвался от своего сердца, что лежало обездвиженной куклой на моих руках, и осмотрелся в поисках ответа на мучавший вопрос. Перед глазами все плыло от дикого напряжения, но я, все же, увидел мага, что изваянием стоял в нескольких шагах от нас и прожигал меня взглядом.

— ЧТО ТЫ С НЕЙ СДЕЛАЛ? — это был раскат грома, а не голос. Даже земля содрогнулась от моих слов.

— Я открыл ей глаза. Показал истинный порядок вещей. Она должна была, наконец, покончить с иллюзиями, что довели ее до срывов.

— До срывов довел ее ты!

— Первый раз — да, в этом была моя вина, — вены на шее вздулись, а лицо окаменело, — но сейчас разрушаешь ее душу ты. Твоя сущность отторгает ее. Ты не свободен, — воин выделил эти слова, — она тоже. Вы ломаете закон мироздания.

— Пошло к тварям твоё мироздание! Она моя! — я кричал, но горло сводило спазмом. Я хотел его убить, но тело окаменело.

— Нет, не твоя. И никогда твоей не была, — Огромное сожаление и боль были заключены в его словах.

— Только не говори, что вы прошли ритуал? — ужас обьял душу. Неужели она принадлежит магу?

— Нет, но мироздание нас обвенчало. Мы подошли друг другу. Ритуал был лишь вопросом времени.

— Но она отказала, — злорадство так и лилось из меня. Мне ничуть не было жаль этого уroda. Он получил благословение богов и сам же воспротивился ему.

— Да. И в решающий момент худшим моим врагом оказалась моя гордыня. Но я могу все исправить. Ты — нет.

Он не врал и не хотел доказать свое превосходство. Он говорил истину, и оттого меня обуял еще больший гнев. Я аккуратно опустил свою драгоценную ношу с окровавленной грудью на землю, позволив тем самым подойти Ласкану и Кайе. Они помогут ей. А я не мог

уже остановиться. Шаг за шагом мое тело приближалось к неподвижному воину, что отнял у меня все.

Я не должен был позволять ей уходить с магом. Если бы нарушил запрет раньше и вмешался в ее жизнь, может быть было бы все по-другому.

Нет, не было бы. Ты связан, Динаристан. Ты причинил бы только боль, и все закончилось бы точно так же. Просто не было бы мага, в объятьях которого она сможет забыться. Не было бы шанса на счастье для нее. И не было бы последнего осколка ее разбившейся надежды. А теперь он есть, но от этого почему-то только тяжелее.

Первый удар Атар намеренно пропустил, позволив распороть свою щеку до кости. Этим он пытался наказать себя за тупость, но дальше. Дальше он не собирался быть мальчиком для битья, он собирался наказать меня. И я буду лжецом, если скажу, что у него не получилось.

Из-за внезапного нервного срыва и затянувшегося мордобоя мы остались на еще одну ночевку, дабы привести себя в порядок. Эти два дурака молотили друг друга всю ночь. Сложно описать, на что были похожи их рожи к утру. Я только радовалась, что в ход не пошла магия, а только кулаки и когти.

Что же касается меня самой, то я уже все для себя решила, а все неуместные сейчас чувства просто затолкала куда подальше. Сейчас, как никогда до этого, я видела всю ситуацию в целом. Да, она меня не радовала, но так легли карты судьбы. Я не видела больше смысла в войне с мирозданием и выворачиванием собственной души. Я приму все как есть.

Все тревожились за меня, а увидев бодренькую и улыбочивую с утра пораньше, еще больше заволновались. Наверное, они ждут срыва. Зря, срыв уже произошел. Теперь только покой.

— Дана, я хотел бы поговорить с тобой, — эльф мягко взял меня за руку и потянул на себя.

А я только собиралась умыться в одиночестве у проточного ручейка, но не вышло. Но так даже лучше, нечего затягивать.

— Широарт, отпусти мою руку. Ты не имеешь никакого права удерживать меня.

Первородный дернулся как от пощечины и застыл. Следующие слова были сказаны удивительно ласковым и прекрасным голосом. Он крайне зол.

— Ты моя. Ты же дала на это согласие, — пальцы хрустнули в его захвате.

Я поморщилась. Боль была неприятной, но отрезвляющей. Я не буду мягкой с ним, нельзя допустить хоть малейшую надежду, иначе страдать будем оба.

— Я не твоя, и твоей никогда не буду, как никогда и не была. Ты не мой, и никогда уже таким не будешь. С тобой рядом я умру или уничтожу все вокруг. Это лишь вопрос времени. А ты зачахнешь, обезумеешь, возненавидишь себя, — я прямо посмотрела в шпормовую синь его глаз и разом оборвала одной фразой все связи, — ты сможешь меня убить?

Все. Больше не нужно было слов. Его пальцы сами разжались, а в глубине сапфира зародилась ненависть. Он ненавидит себя, за то, что не убил, но будет ненавидеть точно так же, если убьет. Он обречен в любом из вариантов будущего, где мы осмелимся быть вместе. Широ это знает. За эту слабость он ненавидит себя всей душой. Я указала ему на это

несовершенство и теперь сама подверглась его ненависти. Отлично. Пусть ненавидит, так он не будет предпринимать попыток к сближению. Как оказалось, в этом была моя ошибка.

Я мягко развернулась к нему спиной и легкой походкой направилась в сторону горного ключа, что бил из недр земли. Саднящие пальцы требовали внимания, и я резко опустила руку в ледяную воду, обрызгав всю себя. Морозные иголки пронзали тело в точках соприкосновения студёных капель с кожей. Льдинками вода стекала с лица, иногда смешиваясь с горячими дорожками влаги на щеках, перенимая их тепло и направляясь прохладными струйками к земле. Последний раз я роняю слезы по нам. Нас больше нет, и нет причин для слез. Ничего нет.

Просидев у ручья пол вата, я, наконец, поднялась и решила вернуться в лагерь. Теперь все будет по-другому. Это читалось на лицах всех присутствующих. Я не останавливаясь прошагала к импровизированной конюшне, коей являлась обычная коновязь из ветки ближайшего дерева, и нашла там Палю. Хотя она и не была привязана, но все равно предпочитала водиться со своими сородичами. Осторожно погладив нос кобылки, заметила странное плетение на ее гриве. Золотистые волоски были аккуратно разглажены и вплетены в структуру очень сложной сети кос и паутинок.

— Паля, девочка, а что это за красота у тебя такая? — я внимательно разглядывала плетение.

Реакция духа земли была странной. Кобыла посмотрела на собственную гриву, застыла на вар, а потом в шоке уставилась на меня.

— Ты не видела? — ответом было растерянное фырканье.

Та-а-а-ак. Кто же это у нас такой талантливый плетун, да еще и такой незаметный? У меня появилась одна догадка, но ее нужно было подтвердить. Обойдя всех лошадей и обнаружив такие же плетения, я направилась напрямиком к Палану, что щеголял в полуобнаженном человеческом облике.

— Что? — удивился моему присутствию кельпи.

Не тратя время на разговоры, схватила животинку за космы и потянула на себя, от чего голова кельпи дернулась вниз, заставив того согнуться.

— Так и знала! — оповестила всех и отпустила пострадавшую головушку.

— Миледи, ты голову в ручье переохладила? — возмутился чуть-чуть ободранный Палан. Каюсь, шевелюру я ему случайно проредила.

— А ты с каких пор себе косы плетешь в таком количестве и разнообразии? — ответила я вопросом на вопрос.

— Какие косы? — опешил кельпи и тут же перекинул свою чернильную гриву на грудь, — Орки лохматые!

— Не думаю, что орки ночью плели тебе косы. Как-то не в их это стиле, по ночам, да еще втихушку, — но зверобратец меня уже не слышал. Он пытался расплести это очень талантливо исполненное «безобразие», как назвал его кельпи.

— Дана! — взвизгнул позади мальчишеский голос, — меня прокляли! Меня оплели сетями смерти!

И это дите резко выскочило из кустов, громогласно оглашая всю поляну, как сильно его прокляли. Мы же спокойно ждали пока мелкий успокоится и перестанет мельтешить. Увы, успокаиваться кельпи не спешил. Наоборот, он выхватил нож у меня из сапога и уже примеривался, как коротко придется остричь гриву, чтобы избавиться от проклятья полностью.

— Стоять! — заорала я.

Кайа так и застыл с ножом у самой макушки. Этак он имеет все шансы стать лысым. Я шустро подскочила к мальчишке и выхватила нож у него из рук.

— Дурень свежего разлива! Никто тебя не проклинал, истерик мелкий.

Кайа отмер и с надеждой уставился на меня.

— Правда, не прокляли? — я кивнула.

— Кому-нибудь сегодня снились кошмары? — я окинула всех взглядом. Да уж, глупый вопрос. После вчерашнего кошмары снились всем.

— Ты думаешь это они?

— Линкетти? Да, думаю, они, — подтвердила я подозрения феникса, — Кайа, не смей расплестать плетение или обрезать волосы — заболеешь. То же и тебя касается, — я уставилась на рвущего с остервенением свои волосы Палана.

— И что делать? — раздраженно воскликнул кельпи, но руки от волос отнял.

— Ничего, вы понравились линкетти. Радуйтесь, если бы нет, они бы вас методично начали изводить.

— Но я не хочу ходить таким, — надулся мелкий.

— Такое расплести без последствий для вас под силу только плетунье.

— Но они только у орков водятся! — ужаснулись кельпи.

— Неа, еще у горных троллей и гоблинов. Шаманство — их конек. Вернемся, сразу найдем вам хорошую плетунью, — постаралась утихомирить разошедшихся ребят.

— Алкай, как тебе спалось? — с еле скрываемым шкурным интересом, осведомилась я. Ведь линкетти могли прицепиться к кому-то конкретно, либо ко всем сразу. Творить кошмары их стихия. И если огонек попал под их влияние, с его помощью нечисть и отгоним.

— Плохо, красавица. Мало того, что эти два бугая шумели, так еще и ужасы всякие виделись, — еще не понимая масштаб своего попаданства, сознался оборотень.

— Отлично! Вот ты и будешь отпугивать от нас линкетти. Понадеемся, что это всего один линкетто. Хотя в этом я сомневаюсь, — и я отправилась спать до самого вечера. Благо, время для этого было.

— Эм, красавица, а ты уверена, что это отпугнет линкетти? — жалобно взирая на меня, уже в сотый раз спрашивал огонек.

— Еще как. Они ведь эстеты, любители порядка и не терпят откровенного неряшества и бескультурия.

— А не перебор с бескультурием? — вступился за оборотня Ласкан. Алкай тут же энергично закивал головой, поддерживая птичку.

— Хочешь к нему?

— А что? Я думаю, сработает, — исправился розовый и скоренько отбежал от меня подальше.

— Конечно, сработает. Все! Закончили болтать. Алкай, делай все, как я сказала, и не волнуйся. Мы тут рядом будем за всем наблюдать.

— Лучше бы у моего позора не было свидетелей, — рыкнул огонек, когда я уже отошла. Думал, не услышу. Зря.

Прошло два вата, а эти ликановы линкетти никак не хотели показываться. Я уже потиху

начала звереть. Широ и Атар давно дрыхли. Их обоих не интересовали пакостники. А эльф вообще почти со мной не разговаривал и избегал. Оно и понятно, не хотел конфликтов. Так что бдели только я, Ласкан, Алкай и кельпи. У кельпи были к линкетти счеты. Ласкану просто интересно, а у Алкая не было выбора.

— Там!

— Тш-ш-ш, — я приложила палец к губам, призывая Кайю говорить тише, — что там?

— Там кусты шевелятся.

— Молодец, гений. Они, если ты не заметил, уже ват от ветра шевелятся.

— Да нет, которые за Алкаем шевелятся, — и мелкий указал пальцем за спину сидящему на земле оборотню.

— И вправду странно шевелятся, — протер глаза Ласкан.

— Дана, ты прости, но я себя идиотом чувствую, — не выдержал огонек. Его голос разнесся по всей поляне, а кусты позади подозрительно замерли.

— Тише ты! — попыталась урезонить уставшего оборотня.

— Да какой тише, нет здесь никого, — продолжила психовать приманка, — вот скажи мне, красавица, почему именно бутерброд с колбасой?

— Потому что с сыром не было! — рыкнула в ответ я. Все равно линкетти нас уже слышали.

— Ладно бутерброд, это еще ерунда. Но зачем же мне нужду справлять прямо под кустом, да еще и жевать при этом?

— Нузьду-у-у-у? — удивился кто-то в кустах.

— Как нузьду-у-у-у?

— Как ес-с-сть? — послышалось целое возмущенное многоголосье из все тех же кустов.

— Низ-з-з-зя нузьду-у-у и ес-с-с-сть! Фью-у-у-у! — гневался все больше самый громкий голос.

— Фью-у-у-у! Фью-у-у-у! — подхватили остальные.

Кусты энергично затряслись, стряхивая желтые листья, и постепенно затихли.

— Эм, они ушли? — неуверенно протянул Алкай.

— Ага, оборотень жующий бутерброд и писающий под кустом вызывает у них стойкое отвращение. Они теперь к тебе вообще никогда не подойдут, — объясняла я, попутно выбираясь из кустов напротив.

— Обаятень! Фью-у-у-у! — возмутились где-то в отдалении. Видимо, еще не так далеко ушли.

— Вот и все. Ты теперь наш оберег от линкетти. Спишь рядом со мной, — обрадовала я огонька.

— И рядом с нами! — не остались в стороне кельпи.

— Да ладно вам, они больше не подойдут, — и я громко крикнула, чтобы самые любопытные услышали, — вы же коники оборотня, — последнее слово я произнесла протяжно и особенно громко.

— Коники обаятня?! Фьюуууу! — шелест дальних кустов. Вот и самые любопытные тоже ушли.

— Будешь должна, красавица, — откусывая на ходу бутерброд, просветил меня Алкай и направился напрямик в мою палатку, — коли быть охранкой, то уж спать с удобством, — и мне ехидно подмигнули.

— Побреют тебя, — высказался Кайя, смотря в след уходящему оборотню.

— Неа, сразу шкуру снимут, — опроверг Палан.

Огонек в ответ лишь загадочно улыбнулся и залез в мою палатку. Ну что ж, теперь спать.

Робкий солнечный зайчик скользнул на бурый, обросший мхом кирпич. Уже больше пятидесяти весен эту полуразвалившуюся стену ветхого домика не посещает никто кроме редких лучиков света. Светлые пятнышки медленно движутся по поверхности рыхлого кирпича, то впадая в неровные углубления, то выныривая на более ровный участок стены. И все было бы точно так же, как и раньше. Солнечные лучи вновь выжигали бы цвет из некогда яркого домика, но на их пути встретилось препятствие.

Конница и пешие воины заполнили лес и поглотили своим присутствием весь свет. Темное пятно войска будто всасывало любые светлые участки, заполняя их в ответ чернотой. Обученные солдаты шли строем, не смотря на неровности почвы, а отряд карателей впереди, будто нож, разрезал полотно яркого света над лесом, рвал его в клочья не жалея.

— Мы опаздываем! — рычало чудовище, некогда бывшее герцогом.

— Они изначально были ближе к долине, garon, — попытался оправдать задержку разумный проклятый. Даже демоны тьмы не заставят его признаться, что небольшой задержкой он пытается насолить хозяину. Это единственное, что он мог себе позволить. Все же жить хотят все. А у него осталась только его проклятая жизнь. Пусть он нежить и монстр, но он жив. А после его смерти не будет ничего. Оттого и держится он за это скудное рабское существование. Гордость великого воина уже давно покинула Лаха. Но он не был бы генералом Сумеречной долины, если бы не попытался вставить палки в колеса своему врагу.

— Ускоряйтесь! — и зеленое свечение рвануло от руки некроманта к проклятому.

— Но воины не выдержат... — попытался вразумить хозяина неумерший, неистово сопротивляясь силе подчинения.

— Мне плевать! Мы должны быть там первыми, — мертвый голос был тихим и неестественно громким одновременно.

— Если только вас устроит треть имеющегося войска и ополовиненный магический резерв у проклятых! — пошел против приказа Лак. От боли он уже не мог не то что с колен подняться, он не мог даже глаз поднять. Боль от сопротивления прямому приказу выкручивала ему мышцы и ломала кости. Но он стерпит. Он даст так нужный рассвет войскам эльфов, людей и дриад, чтобы те успели достигнуть долины раньше Коршуна. Проклятый не смог спасти своего правителя и долину, но он сделает все, что в его силах, чтобы спасти последнюю уцелевшую страну в подпространстве. Не будь он воином когда-то великой страны.

— Проваливай! Никчемная душонка, — некромант все меньше был похож на человека и все больше на живой скелет обтянутый кожей и парой жгутов мышц.

— Как скажете, garon? — и проклятый выдохнул с облегчением.

Давление приказа прекратилось. Он выиграл рассвет или два для защитников Долины трех лучей. Уголки губ разумного чуть приподнялись вверх, но свидетельство мимолетного триумфа не было видно никому кроме земли и пожухлой листвы, к которой была склонена голова Лаха.

Еле слышный шорох нарушил мой сон. Пришлось нехотя открыть глаза и проверить, что было источником шума. Оглядев всю пещеру, в которой нам посчастливилось разбить лагерь, заметила странную тень. Миг, и она уже скрылась за пределами нашего укрытия. Я, конечно, особа осторожная и не очень сильная, но, учитывая последние события, самая стабильная в магическом плане. Из чего следовало, что именно мне стоит проверить, кто же наш незваный гость.

Магией мне ничего не сделают, тут она у всех свои дает. А вот со своей новой приобретенной физической силой и стабильной теперь магией смерти я представляю собой опасного противника. Вот шарахну чем-нибудь э-э-э... сама не знаю чем, но сильным, мало никому не покажется. Я за последнюю неделю путешествия умудрилась одним только «А ну быстро упокоился!» рассыпать в прах десятков пять зомби и умертвий. А мое коронное «Закопался и усох!» даже пяток упырей заставило вырыть себе могилки и друг друга закопать. Да так качественно они притаптывали свежие могилки и прикрывали их снятым дерном с травкой, что теперь не вылезут. Последнему не повезло, его закапывал Алкай, а я притаптывала. Так пока упыря оскаленная рожа все еще торчала из могилы, так костерила нас за криворукость и непрофессионализм, что будущий покойничек самолично начал себя руками засыпать, пока это было возможно. Так и закопали его с тянущимися вверх руками.

А вот моим товарищам не повезло: растеряли последние крохи своей магии. Даже регенерация теперь меньше чем у обычного человека. Эльф с магом до сих пор щеголяют с синими физиономиями и подранными конечностями. А бедный феникс потерял способность видеть историю. Теперь мы не знаем где находятся войска Коршуна и союзные. Остается только надеяться, что наши придут первыми, иначе будет туго.

Что-то снова зашуршало за пределами пещеры. Я потянулась, медленно встала, одела свои сапоги с боевыми ножами в голенище и вышла в промозглое утро в одной рубашке и штанах, решив не накидывать куртку. Быстренько проверю и назад.

Возле пещеры росли кусты хейши и щедро осыпали землю спелыми алыми плодами. Еще вчера мы их вдоволь наелись. Маленькие, размером с подушечку пальца, они имели терпкий, кисло-сладкий вкус и освежали лучше ледяной воды.

За одним из таких кустов снова промелькнула тень. Я осторожно вытянула свое оружие из голенища и медленно направилась за ночным гостем. Отодвинув тяжелые ветви, приготовилась отбивать атаку, но не успела и пикнуть, как меня подхватили и унесли в неизвестном направлении.

Скорость была невероятная. Все вокруг плыло, а воздушный тоннель не давал возможности пошевелить ни руками, ни ногами. Даже голова не поднималась. Ликаны задери! Горло перережу этому смельчаку, пусть только остановиться. Остановился и тут же меня отпустил. Нож просвистел по воздуху не найдя цели. Шустрый, зараза! Думала, задену.

— Как не вежливо с твоей стороны так приветствовать меня.

У меня все оборвалось внутри. Вот и попалась добыча хищнику в зубы. И как назло, его голос оставался таким же притягательным и сладким.

— Не вежливо похищать девушку прямо из постели, — я искала взглядом вампира, но никак не могла определить его местоположение. Маскируется клыкастый.

— А я и не из постели, только у пещеры. Пожалел твою психику.

Тоже мне жалостливый какой.

— Без разницы, ты нарушил мой сон, — игривые нотки в его словах начали делать свое

дело и я успокоилась. Теперь я искала источник бархатистых ноток с предвкушением.

Темень и ее твари! Нельзя на него смотреть, тогда вообще кердык! Если меня от его голоса так плющит и скручивает, то от вида и подавно расплывусь восторженной лужицей у его ног.

— Что такое, банши? Неужели ты так жадно обследуешь взглядом все вокруг в желании увидеть меня?

Всечувствующие, огрейте меня чем-нибудь по башке, я уже почти не соображаю!

— Твое желание исполнено, — и Ниат вышел из теней прямо передо мной.

Все! Вот и сказочки конец! Я пропала!

Вампир был обнажен по пояс, и только какая-то золотая бляшка покачивалась на его бледной широкой груди. Да уж, нетипичный кровопийца мне попался. Высокий, мощный, с буграми мышц. Явно в родственниках орки побывали. А что, обращать в вампира можно кого угодно из теплокровных живых. Может, у него папочка степной орк. И не важно, что мог быть страшеньким. Вампирья кровь берет свое, создавая притягательную внешность. Вот Ниат и получился о-о-очень притягательным.

— Отомри, смерть предрекающая, — проворковал красавец и шагнул мне навстречу. Его смоляные распущенные волосы покачивались за спиной в такт движениям, то выныривая с одной стороны, то с другой. Темень! Он ведь хочет мне отомстить, хочет подчинить, воспользоваться и, возможно, отпустить. А возможно, и не отпустит.

— Расслабься, тебе будет очень хорошо со мной, — О-о-о, в этом я даже не сомневаюсь. Но лучше все равно избежать тесного общения.

Ниат уже протягивал мне руку, призывая пойти с ним, а я все искала способ вырваться из-под его влияния. Вот моя правая рука бросает нож и тянется к его ладони. Левая, с трудом преодолевая силу сатэ, приближается к лезвию второго зажатого в ней оружия. Нужен отрезвляющий фактор, а лучше боли нет ничего. Ну же, быстрее. Указательный палец уже на лезвии, одно движение, и я смогу сопротивляться.

Резкая боль в пальце настигает одновременно с касанием вампира. Я рванула назад, но было поздно. Он уже захватил мою ладонь, дернул на себя, и я упала к вампиру на грудь. Опоздала. Я опоздала. Эта мысль билась загнанной птицей. Ниат медленно приподнял мой подбородок и притянул мое лицо к своему. Триумф и желание читались в его серых глазах. Он победил, и это заставляло его тело вибрировать. Хищник настиг свою добычу.

— Отпусти, — выдавила из себя последнее слово сопротивления, хотя сама уже льнула к вампиру и трепетала от предвкушения близости. Ну почему он так на меня влияет? Сильный монстр.

— Даже если отпущу, ты уже не сможешь уйти, — мурлыкающе добили фактами меня.

Не смогу. Сама чувствую, что уже бесполезно что-либо предпринимать. Теперь только вперед.

Ниат нежно коснулся моих губ пальцем, а потом стремительно накрыл их своими. Это был взрыв. Чувственность его ласк зашкаливала. Поглаживающие движения вниз и вверх по бедрам, настойчивые, но безболезненные касания груди. Мягкие губы скользят по животу, кружа у кромки пояса брюк. Грудь твердеет под порывами ветра и требовательными поцелуями вампира. Восторг, так можно назвать мои ощущения, когда Ниат соединил наши тела. В безумстве объятий, стремительных движений и умопомрачительных ласк я таяла, как восковая свеча. Лишь громкий треск кустов вырвал меня из неги, заставив осознать себя сидящей на бедрах обнаженного вампира, в чьи разгоряченные плечи я вцепилась ногтями.

Чувствуя покусывания в районе шеи, я нехотя обернулась на раздражающий звук, злясь в душе на то, что меня оторвали от испытываемого удовольствия.

Но злость исчезла, так же, как и удовольствие вместе с эйфорией. Страх и дикий стыд обуяли меня. Совесть буквально выгрызала себе путь наружу.

В пяти тарах от нас стоял Широ, крепко сжимая кулаки. Отросшие когти раздирали кожу, заставляя кровь струйками стекать на землю. Его затравленный, потерянный взгляд превратился в безумный. Волосы змеями вились у ног эльфа, обивая сапоги не хуже кожаных хлыстов.

Я видела бушевавшую в нем силу, но он все еще из последних сил ее сдерживал. Ради меня сдерживал. После того, что он видел, после нашего разрыва, он все еще заботился обо мне. И что-то подсказывало — это не из-за обязанности стража банши. Он делал это из побуждений более сильных и чистых.

— Отпусти, — но мой крик потонул в гуле силы, что рвалась из Широ.

Он меня не слышал и отпускать свою магию не собирался. Яркая вспышка, и нас накрывает волна отдачи от взрыва внутри эльфа. Я знала, что это значит. Он перегорел. Магия выжгла весь резерв и часть его души. Теперь он никогда не сможет пользоваться ей. Он потерял свой дар навсегда.

Я кричала и пыталась пробиться сквозь слепящее сияние, но не могла. В какой момент свет стал более мягким, не режущим, сказать сложно. Я просто оказалась будто за пределами измерений. Все вокруг двигалось, перетекало из одного места в другое. Тело же мое просто застыло где-то посреди всего этого плавающего нечто. И только еще одно существо находилось со мной здесь. Кто она, я до сих пор так и не знала.

— И как тебе твое будущее? — чуть наклонив голову на бок, ждала ответа черноволосая красавица со странными черно-голубыми глазами.

— Так это будущее! — громко воскликнула я и облегченно выдохнула, — слава Всечувствующим!

— Ты не ответила, — поторопила меня девушка.

— Ужасное, просто кошмар! — с какой-то странной надеждой внутри сказала правду.

— Я рада, — она улыбнулась, обнажив ровные белоснежные восемь клыков. По два с каждой стороны сверху и снизу. Каждая пара была одинаковой: ближний к резцам клык был чуть меньше своего собрата рядом. Странная особенность не была присуща ни одному из известных мне существ. Кто же она?

— Кто я, неважно. Важно то, что ты теперь видела, что будет. Не допусти повторения своих ошибок и их последствий. Динар не заслужил такого конца.

Девушка изящно махнула кистью, открывая мне запястье со странной руной на нем, и все пространство вокруг меня начало сжиматься и проваливаться куда-то вниз.

— Тебе пора. Не лопухнись снова, — и это странное существо растаяло, будто и не было тут никого кроме меня.

Ее манера говорить напомнила мне кого-то, но на размышления у меня времени не осталось. Тело засосала черная воронка и меня накрыла темнота.

— А-а-а-а! — мой крик отразился от стен пещеры и отозвался усиленным многократным эхом.

— Что случилось?

— А? Что? Где?

— М-м-м-м, дайте поспать.

— Дана, что не так? — это феникс внимательно меня разглядывал. Он первым подорвался с лежака.

— Нормально, — как неживая отозвалась я, — все нормально.

— А не похоже, — взгляд эльфа буквально насквозь меня просматривал.

— Живот, — нашлась я, — живот прихватило. Надо бы сходить в кусты.

Поднялась и на негнущихся ногах потопала вон из пещеры. На выходе меня будто молнией прошибло, и я встала как вкопанная. Орки залетные, там же вампир в засаде сидит по мою тушку. Я резко обернулась и гаркнула вглубь нашего пристанища:

— Палан! Со мной пойдешь.

Кельпи встрепенулся, моргнул и насуплено пробурчал:

— Ага, уже бегу, миледи. Туалетные принадлежности вам над головой держать просто моя затаенная мечта, — и уронил голову на подушку.

— Значит, я исполню твою мечту. ТЫ. ИДЕШЬ. СО. МНОЙ, — это был приказ, и только кельпи понял это. Остальные недоуменно, кто спросонья, смотрели на предельно злого водяного коня, что резко поднялся и пронесся мимо них разгневанной фурией.

Отойдя на приличное расстояние, чтобы нас не услышали, я поймала Палана за локоть и остановила. На меня яростно оскалились.

— Пасть закрой, — спокойно потребовала я.

Кельпи подчинился и как-то присмирел. Теперь ему было любопытно, зачем же его, все-таки, вытащили из постели. Ну постель, это громко сказано, но все же.

— Лучше бы я поохотился, чем вас сопровождал, миледи, — процедил он сквозь зубы.

— А мы и собираемся охотиться.

Ох, какое растерянное было у него лицо. Но стоит отдать должное кельпи, он быстро взял себя в руки.

— У нас тут сатэ завелся. И он мне сильно докучает. Соображаешь, куда я веду? — я хитро посмотрела на Палана.

— Еще бы, — и он хищно улыбнулся, предвкушая охоту, — он нужен тебе живой? — вопрос был задан с таким счастливым оскалом, что стало ясно, вампирчик не выживет.

— Голову ему оторви, — и я ослабилась не менее красноречиво, чем сам кельпи.

Мы обменялись понимающими взглядами, и Палан сорвался с места. Вот теперь можно и доспать без приключений и нравочений одной неизвестной особы.

Ага, аж два раза доспала. Меня рывком утащили в кусты. Да что ж я все по кустам толажу последнее время? Не мог меня за камушек утянуть. Нет, кусты и все тут.

— Учужала меня, — затылок обдало холодком, таким мертвым был голос.

Приползли, пора копать могилку. И в кого он шустрый такой? Аж обидно, ведь план был хороший. Кельпи и вправду этому кровопийце голову откусить может.

— Скажем так, ты сильно топаешь, — ну не стану же я ему рассказывать, что видела будущее, где мы с ним... тьфу-тьфу-тьфу три раза через плечо! Ой!

Да уж, оплеванный вампир выглядит совсем не смешно, скорее убивательно.

— Ты попалась, — прошипел кровососущий и прижал меня к себе сильнее.

Упыри прибудные! Опять под его влияние попала. Ну, нет. Мне хватило просмотра наших интимных сцен, воплощать их в жизнь желания нет. Тут я, конечно, слукавила. Желание есть и еще какое, но разум-то тоже пока еще есть, хвала Всезнающим.

— Попался ты, а я приманкой подрабатываю, — елеиным голоском пропела я аккуратно в тот момент, когда клыкастая лошадиная пасть уже была готова сомкнуться на шее вампира.

Ура! План сработал! Правда, Ниат увернулся, но Палан все равно его задел. К тому же я вырвалась из его объятий и припустила к лагерю.

— Оставляю его на тебя, — кричала я, улепетывая на всех парах.

— Хр-р-р-р, — было мне ответом. Полагаю, это да.

Хорошо, что уже светало, а то неизвестно с какой частотой бы я наворачивалась и протирала собой землю. Да еще и с деревьями пообнималась бы энное количество раз.

Увы, но отдых мне не светил. Так как я разбудила всех, цитирую «своим воплем резанной клячи», было решено отправляться через ват.

— А где мой брат? — заволновался Кайа, высматривая зверобратца где-то за моей спиной.

— Охотиться пошел.

— Так вроде пока хватает мяса, — удивился Алкай. Он у нас главный по хозяйственной части в этом походе. Экономный до жути, скоро оголодаем из-за него.

— Заранее запастись решил.

— Так испортится же, — и так ему жалко стало будущее испорченное мясо.

— Тогда не жадничай и устрой нам сегодня мясной пир, — посоветовала я, хоть и знала, что то мясо, которое нам может принести Палан, несъедобно.

— И кого он ловить в горах собрался? — любопытствовал Атар.

— Одного кровососущего, назойливого, мстительного, — злостно бормотала я и тут спохватилась, — ... эм, кхм, не знаю я кого.

— То есть, кровососущего? — вот и Широ любопытство проявил.

— Комары, говорю, эти кровососущие назойливые твари, достали совсем. Нет житья от них.

— Правда? А меня, вроде, не кусали, — влез мелкий.

— Ты свои клыки видел, — накинулась я на Кайю, — они тебя десятой дорогой облетают.

— Ладно, пора двигаться дальше. Седлайте коней, — отдал распоряжение Широ, и больше не смотрел на меня. Ну и пусть. Я сама так решила. Так правильно.

Еще три рассвета мы ехали по горной дороге без происшествий. Палан вернулся только под утро второго рассвета. И, конечно же, без добычи, которую все ждали. Но не с пустыми руками. От кельпи разлило кровью за десятки тат, что не укрылось ни от кого. Зверобратец соврал, что сцепился с каким-то хищником, оттуда и запах крови, и несколько глубоких порезов-царапин.

— Миледи, — позвал меня Палан, когда все уже улеглись спать, — это вам.

Я приподнялась с лежанки и посмотрела на то, что протягивал мне на ладони кельпи. Это был обоюдоострый кинжал, которым вампир порезал мне ногу при первой нашей встрече.

— Мертв? — спросила, осторожно забирая трофей из рук Палана.

— А ты как думаешь? — и широкая победная улыбка с демонстрацией двух рядов острых копий-клыков.

— Вот и славно, давай спать.

На этом история с вампиром закончилась, к моему спокойствию и удовлетворенности кельпи. После хорошей охоты Палан вел себя как кот объевшийся мышами. Сытый и довольный. Не уверена, что хочу знать, как умер вампир, и осталось ли от него хоть что-то, поэтому и не спрашивала.

Палан из клана Гарцующих в глубине

Предвкушение, жажда, страсть — все это для меня охота. Момент, когда жизнь покидает жертву, самый чудесный во всем мире. Только тогда моя жажда утихает. Жажда чужой агонии.

Суардана права, я монстр. Но монстр убивающий таких же монстров. В чем смысл смерти простой эльфийки или орочки? Они умирают одинаково, с все теми же немymi вопросами «за что?» и «почему я?». С убийцами и преступниками все по-другому. Они сопротивляются яростнее, ожесточеннее. Им не привыкать к смерти, они ходят рядом с ней и отдавать свою жизнь не спешат. Таких не запугаешь и не заставишь впасть в истерию. Их разум привычен к стрессам. А самое главное, убийца не станет убежать. Он будет пытаться убить своего палача. Я знаю это. Ведь я убил своего.

Отец. Сильный, властный и жестокий кельпи, так любимый Кайей. Он был для малыша опорой и идеалом. Я не мог развеять его ложные представления о родителе. Я даже в мыслях не представлял себе такого разговора. На той памятной охоте я все решил, а обдумывать снова свои решения я не привык. Брат никогда не узнает, что Галдан, вождь Гарцующих в глубине, и наш отец, предпочел принести своего старшего сына в жертву, отдав на растерзание как пищу, чем самому стать едой.

В тот день охота была совместной. Галдан впервые взял меня с собой, что было честью для несовершеннолетнего мальчишки. Я чувствовал себя всесильным и смелым. Гордость распирала меня изнутри. Вот только не из-за моих охотничьих навыков я оказался тогда подле отца. Окрестности были пусты. Ни единой души на сто тат вокруг, и вождь знал об этом. Он знал, что сегодня останется без добычи, и его самого подадут на стол в королевском дворце. Знал и оттого взял с собой откуп.

Такой силы страх я никогда больше не испытывал. Я не мог поверить, что собственный отец убьет меня и съест со всеми вождями за праздничным столом. Но лезвие у моего горла было красноречивее любых слов. Всего миг мне понадобился, чтобы поменять роль дичи, на роль охотника. Осознание ударило меня не менее громко, чем поступок отца: следующим будет Кайя. И обломанная ветка толщиной с палец без сожалений и сомнений вошла в сонную артерию.

Уже после праздничной трапезы, где я стал официально охотником и вкушал плоть того, кто был опорой, примером, и кто предал, меня осенило. Мать умерла точно так же. На этом самом столе, где восхваляли ловкость и силу ее убийцы. Того, кто стал добычей собственного сына.

Наверное, именно из-за этого я увел молодняк на окраину и запретил есть разумных существ. Я хотел, чтобы их души оставались чистыми, не знавшими вкуса смерти себе подобных. Для меня это уже было невозможно. Я был запятнан смертью. Я был грязным. В то же время стал формироваться отряд ополчения, где я и нашел себя. Не чистый, но и не погрязший в крови. Я был тем звеном, что связывало кельпи с будущей спокойной жизнью без смертей родных.

Хруст в десятке тар от меня отвлек от мрачных воспоминаний. Рука сама вытащила из тайного кармана тонкое, не толще волоса, лезвие без рукояти. То самое, что когда-то принадлежало моему отцу и убило мою мать. Да, я взял его как трофей, как напоминание,

что всегда найдется хищник, охотящийся именно за твоей шкурой. И он может быть гораздо ближе, чем ты думаешь.

Удобно расположив оружие в ладони, крадучись, пошел в направлении звука. Пусть вампир и быстрее меня, но я смертоноснее. Я охотник на хищников. На моем счету более сотни таких же, как этот сатэ. Никто из моих спутников и представить себе не может, насколько я опасен. Хотя есть один. Банши знает. Каким-то непонятным чутьем она все знает. Чутьем убийцы. Таким же безжалостным, как и мое.

Свист и кинжал Ниата режет воздух у самой моей щеки. Не отклонись я, была бы дыра в шее. Шустрый, зараза. Ведь еще ван назад был не ближе десяти тар ко мне. И сколько мне еще выслеживать и поджидать этого вампира. Уже второй рассвет идет, как мы силой меряемся. Хорошо, что магией он пользоваться тоже не может, иначе потрепали бы меня изрядно.

— Мимо, — прошипел клыкастый. Хотя, о чем это я? По клыкастости он мне не соперник.

— В цель, — парировал я, всаживая лезвие по самую ладонь в его бедро. Темень! Должен был снести ему голову!

— Агрхш-ш-ш, — полный боли рык.

— Это тебе за разорванное плечо, — бросил я в сторону деревьев, за которыми скрылась дичь.

Да уж, кусок от мышцы он мне знатный вырвал, а регенерация сейчас на нуле. Радует, что и у него тоже. Хм. Ну что ж, я выждал достаточно. Жертва ранена, измотана и явно в бешенстве. Пора начинать.

Я легко перетек во вторую ипостась, встряхнул головой и решительно шагнул в большую лужу. Вода — моя стихия. Вода — мой союзник. Вода — его смерть.

Вар десять ничего не происходило, кроме редких шуршащих звуков вдалеке, но я не собирався сдвигаться со своего места. Я был в засаде, и сатэ это чувствовал. Его инстинкты убийцы тоже сильны. Однако, легкое колебание воды молниеносно оповестило меня о госте за моей спиной. Он решился на атаку. Отлично, это моя возможность все, наконец, закончить.

Моментальная смена ипостаси. Ниат пролетает над моей головой, так как целился гораздо выше, в шею коня, что был мгновение назад на моем месте. Я затаил дыхание. Удар сердца, второй, и на третьем фигура вампира проявляется в двух тарах от меня одной ногой в воде. Все! Теперь он мой. Рывок к нему. Пытается сбежать, но лужа его не отпускает, он в моем водном капкане. Это не совсем магия, что сейчас мне недоступна. Это что-то гораздо древнее. Суть духов воды, их истинная сила. Сколько бы он теперь не метался, мое лезвие настигнет его рано или поздно.

— Ну бей, чего ты ждешь? — Ниат стоял, распахнув рубашку на груди, предлагая всадить нож в его сердце. Трюк. Обычная обманка. Попытаюсь убить его так открыто, и он тут же прирежет меня.

— Прости, но миледи говорила об оторванной голове, а не дырявом сердце, — и одним плавным движением сношу вампирскую голову с плеч.

Бедняга, даже не понял, что я стоял у него за спиной, а все это время, пока он демонстрировал обнаженную грудь, напротив него стояло обычное отражение. Galad isilme — отражение лунного света. Именно так называется эта техника. Потому и назван так наш город. Его невозможно найти. Ведь для всех, кроме кельпи, он просто отражение на воде.

Отражение лунного света.

Смена ипостаси идеально скрыла мой маневр подмены себя иллюзией. Жертва мертва. В качестве подтверждения своей победы снял необычный медальон с шеи трупа. Последний раз окинул обезглавленное тело взглядом и заметил кинжал за пазухой вампира. Не тот ли это кинжал, которым Ниат ранил Суардану? Думаю, у миледи сегодня тоже будет трофей.

Старый друг лучше новых двух.
А подруга лучше старого друга.

Полдень. Самое жаркое и светлое время, когда тени пропадают из нашего мира. Теплый, очищающий свет обнимает все вокруг со всех сторон, устраняя тем самым даже мизерную возможность появления темных участков. Но так отнюдь не везде. Лес — та самая таинственная часть, где тени и блики царствуют вечно, лишь плавно перетекая с места на место. Эти хозяева лиственного простора дарят прохладу и свежесть всем своим обитателям и пришлым в момент полуденного зноя.

Именно в полдень эльфийские войска достигли дриадского леса. Будто само проведение вело их тропой прохлады и свежести в этот жаркий рассвет, тем самым сокращая долгий путь.

— Мы рады приветствовать Владыку Хрустальных лесов в своих владениях, — раздалось из кроны большого потрескавшегося дуба.

— Взаимно, Редия, глава Раскидистых дубов. Давно я не бывал в твоей роще массивных гигантов.

— Приветствую тебя, Алибаскаэль рен Сиу, — уже другой голос зазвучал из все той же кроны.

— Ясного неба, Иба. Сколько весен мы не виделись?

На землю спрыгнули две девушки, кардинально отличающиеся друг от друга. У первой были кудрявые каштаново-коричневые волосы и смуглая кожа, в то время как вторая могла похвастаться длинными прямыми иссиня черными волосами и белоснежной кожей.

— Сто весен минуло с того момента, как ты захаживал к Сапфировым Ивам, Владыка, — и черноволосая дриада тепло улыбнулась старому другу. Ведь она знала его еще эльфомом, когда этот маленький сорванец лазал по всем деревьям и приносил разруху каждому плетенному в ветвях домику так же быстро и легко, как и заставлял расцветать искренние улыбки на лицах всех обитателей деревушки. Да уж, тот еще проказник был.

— Как закончится наше сражение, загляну на огонек, — и Алибаскаэль проказливо подмигнул дриаде.

Вот шутник, ведь всем известно, что ни одна дочь леса не потерпит огня в своем доме. Сложно представить, что сотворят лесные духи с рискнувшим разжечь костер на их территории.

— Прошое сражение обошло тебя стороной, повелевающий ветром. Однако враги не смирились с поражением, и нанесут новый удар. И сегодня ты тоже встал плечом к плечу с нами в этой битве, сын света, — слова дриады были схожи с шелестом листьев на вековых дубах. В них ощущалась мудрость времени и сила духа, что была присуща Редии.

— Да, дочь леса, мы соратники в грядущем сражении. Нам стоит поторопиться.

— И Владыка совершенно прав, — все повернулись к тому, кто скрытно подкрался и остался незамеченным до первого сказанного слова, — не хотелось бы прибыть, когда все

веселье уже закончится. Я же должен реабилитироваться в глазах темпераментной банши.

Мужская фигура плавно выступила из-за дерева. И чем ближе она приближалась, тем отчетливее становились черты полу ифрита, полу ведьмака, что до этого момента были скрыты слепящим ярким лучом, пробившимся сквозь листву молодого несильно ветвистого, в силу возраста, дуба.

— Альхерт?! Не ожидал, что вы так скоро доберетесь! — Эльф осмотрелся вокруг, но не заметив присутствия кого-либо еще, обратился к королю Марона, — а где твои люди?

— Ты чего, Владыка? — Альхерт медленно зашагал к столпившимся дриадам и первородным, — я один пришел. Мое войско уже у входа в долину стоит со вчерашнего рассвета.

— Что? — у светлого даже уши дернулись от удивления, — как такое возможно?

— Скажем, я еще полтора лунных цикла назад знал, что мои люди будут стоять в какой-то глуши и недоуменно гипнотизировать совершенно пустую равнину. Ну и я, как дальновидный правитель, поспешил отправить две трети своих воинов к той самой равнине в окружении гор.

— То есть ты, еще не зная зачем, послал почти все свое войско неведомо куда? — Алибаскаэль пытался не показать своего удивления, но слова прозвучали непростительно высоко для обыденности.

— Я так и сказал, — провокационно улыбнулся король Марона.

— Ты прорицатель, — констатировала смуглая дриада.

— Он самый, великая дочь Раскидистых дубов, — и новая улыбка, но уже игривая, адресована Редии, — кровь ведьмы-матери не вода.

— А мне сказать, не судьба?! — после небольшой паузы возмутился Владыка.

— Да я сам не знал, какого приبلудного упыря мое войско будет делать под вашей долиной. И, кстати, тебя я там не видел.

— Это намек на то, что я опоздал? — миндалевидные глаза цвета жидкого шоколада сузились.

— Извини, если это прозвучало как намек, я просто констатировал факт, — полуифрит пожал плечами, — ты опоздал, друг. Основательно так, — и грозный правитель Марона стал ехидным юношей, скинув двадцать весен со своих плеч одним махом.

— Выступаем, — гаркнул во всю эльфийскую плотку Баск и больше не смотрел на интригана, что умудрился так долго удерживать трон в человеческом королевстве.

— Да ладно тебе. Только не говори, что я прищемил твою сиятельную гордость, — продолжил разговор Альхерт, но ответа так и не получил.

Ничего, у них еще в запасе целый лунный цикл похода, когда можно будет уговориться вусмерть. Эльфа ждет долгое путешествие.

— Не нравится мне эта пещера.

— Боишься, что кто-то еще решит в нее заглянуть? — Алкай раскладывал свой лежак и будто бы вовсе не ждал ответа.

Вопрос был глупым. С таким набором опасных спутников, сюда и муха залететь побоится. Достаточно Палана у входа положить, чтобы монополизировать минимум район в пять тат вокруг пещеры. А значит, надо мной подшутили.

— Нет, милый. Боюсь, что кто-то из нее выглянет, — и указала на проход вглубь горы, который начинался в углу пещеры, и явно не имел тупика ближе, чем в середине горного хребта.

— Успокойся, Су. В этих горах не обитают разумные расы, — попытался успокоить меня Широ.

— Как будто неразумные нас не тронут, — пробурчала себе под нос, но все же стала доставать свои спальные принадлежности.

В эту ночь сны я видела на удивление очень яркие и добрые. Давно я не была лишена кошмаров.

В моем видении был дом. Таким, каким он был пятьсот весен назад. Цветущая долина с множеством хаток, плодородные поля, дарящие хороший урожай каждую осень, и густые леса, заселенные разнообразной живностью. Полноводные реки, бурлящие изобилием рыбы, и ясное небо в редких кучевых облаках. Ребятя разных рас, хвостатая, рогатая, зеленая, клыкастая, что бегают, где вздумается, и знакомые лица друзей, близких и не очень, с улыбкой приветствующие меня каждый рассвет. Мой идеальный мир, великолепный сон.

— Слушайте, разбудите Дану. А то я не чувствую справедливости в ваших действиях. Чего это нас подняли, а она бессовестно дрыхнет?

Узнаю феникса, он всегда с утра не в духе. Мало кто осмеливается его будить. Мы даже по считалочке выбираем жертву для побудки птички каждое утро.

— Эй, счастливая обладательница утреннего сна, твои друзья правы, пора открыть глаза.

О! Этот чуть скрипучий, но в общем приятный, голос преследовал меня во времена самых диких экспериментов и грандиозных выходов. А так же когда-то считался голосом разума, пока не устроил попойку у водного народа.

— Надеюсь, я не брежу, и это действительно ты, Ратха. В ином случае утро испорчено.

— Я, Сушка, — и только ей разрешалось безнаказанно меня так называть. Моей лучшей подруге, Ратханге Виршт Дахт, и по совместительству горному гоблину.

Когда я соизволила разомкнуть свои прелестные очи, передо мной оказалась серо-зеленая женская ладонь, раскрытая вверх. Недолго думая, ухватилась за нее и была тут же поднята на ноги одним рывком. Ох и сильные эти гоблины. Меня подруга одним мизинцем перешибить может.

Собственно, о ней самой. Высокая, выше меня на пол головы, стройная как лань с тонкокостным телосложением, но внушительной, жилистой мускулатурой. Болотно-черные волосы чуть ниже лопаток и все в дико-сложных плетениях и амулетах. Лицо вытянутое, крупноватый длинный нос, круглые глаза с природными темно-зелеными стрелками во всю длину обоих век и тонкие, не толще травинки, губы насыщенного болотно-зеленого цвета. Казалось бы, цвет и странное сочетание черт должны смотреться уродливо, но это не так. Гоблиана цепляла взгляд особенной, экзотической красотой. А ярко-салатовые глаза своим свечением и вовсе придавали ее образу мистичности и загадочности.

— Сушка, отомри, — и на лице Ратхи расплзлась радостная улыбка, обнажая небольшие, выпирающие из-под нижней губы клыки.

— А я и забыла, насколько ты необычная, — тихо выдохнула я.

— Ага, спасибочки предкам.

Это она о легенде про прародителей всех гоблинов. Еще в начале времен в одном из первых созданных Смертью и Жизнью миров повезло встретиться троллиане Юзиф и дроу

Салинэлю. Не представляю, как так получилось, но эти двое, совершенно не совместимые на первый взгляд существа, заимели брачный союз и десяток детишек, чьи потомки впоследствии стали первыми гоблинами.

— Это твое воинство? — гоблиана кивнула головой на моих спутников, связанных по рукам и ногам.

— О, это вы их так? А когда? — я с неприкрытым интересом рассматривала с десяток стоящих позади меня гоблинов, что приставили парные ножи-серпы к шеям и сердцам пленных.

На мужчинах из одежды были только штаны, так как под землей в пещерах бывает чудовищно жарко. И это обстоятельство сильно действовало на женский сонный разум. Оттого я не сразу сообразила, что отпускать моих товарищей никто не собирается. Об этом красноречиво говорили заточенные донельзя лезвия. Присмотревшись, обнаружила, что оружие представляет собой не просто нож-серп для ближнего боя, но оно еще имеет цепь шириной в палец и длиной в три тара. Такая интересная конструкция предназначена для бросков. Один удачный удар, и у противника нет головы. Если хоть одному из пленных удастся вырваться из захвата, то убежать не выйдет. Бросок серпа-ножа вперед, чуть с боку жертвы, и как только оружие опередит беглеца, рывок цепи на себя. Лезвие загнутого ножа из-за своей формы сместится в сторону жертвы, преодолевая сопротивление воздуха с противным свистом, и беспрепятственно пройдет сквозь мясо жилы и хребет, отделяя голову ровным срезом без ошметков кожи и плоти.

Вот почему никто не пытается освободиться. Каждый правильно определил последствия необдуманных поступков. Одного не могу понять, как они все попались? Особенно Широ. Понятно, что магия сейчас не котируется, но рефлексy ведь не пропали.

— Нас скрутили спящими, — ответил на мой незаданный вопрос эльф.

— Но как...

— У тебя все на лице было написано, — перебив меня, почему-то ответила Ратха, — а тебя я не дала связать. Знаю по прошлым встречам, что ты непростительно мало спишь, когда на карту поставлено что-то важное. Вот и не стала тебя будить.

— Спасибо, — я благодарно улыбнулась, но про товарищей не забыла, — а их теперь развяжите?

— Друзья? Родственники?

— Друзья.

— Близкие? — продолжила допрос подруга.

— Достаточно, — уклончиво ответила я. Незачем всем вокруг объяснять все хитросплетения наших взаимоотношений.

— Отпустить, — отдала приказ своим воинам гоблиана.

Не прошло и вара, как все плененные были развязаны и отпущены. Однако никто из освобожденных не спешил выражать свою радость словами или мимикой. Они молча шли в мою сторону с непроницаемыми лицами. Последним ко мне подошел Кайя, и я увидела высохшие дорожки слез на его щеках.

— Это еще что? — прошипела я не хуже степной гадюки, — почему ребенок плакал?

Гоблины встали в боевую стойку, мои спутники в ответ ощетинились оружием и клыками. Ситуация вновь накалилась.

— Другой кельпи покалечил пятерых из нас и одного убил. Его отправили на казнь, — растолковал мне один из воинов.

А я все никак не могла понять, что не так. Теперь ясно, не хватало Палана.

— Ратха, как это понимать? — я вызверилась на подругу.

— Успокойся, Су. Я была вынуждена дать согласие на его казнь. Ты и сама знаешь закон: смерть за смерть. Именно поэтому тебя и разбудили. Я просто хотела пообщаться, но ваш конь напал на мой отряд. Воины обезвредили его и связали всех остальных. А теперь, если хочешь его спасти, придется принять приглашение вождя и посетить наш город.

— Темень и ее твари! — смачно выругалась я, при этом крепко прижимая мальчишескую голову к груди. Бедный Кайя. Как же сильно он испугался?

— Сушка, хватит ломать комедию. Теперь у тебя нет выбора, — оптимистичнее, чем следовало, констатировала факт гоблиана, — Даарханг уже сотню весен ждет твоего визита, и такой шанс ни за что не упустит. Смирись, тебя поймали в капкан.

Вся эта ситуация дико веселила мою лучшую подругу. Ну еще бы, ведь она раз...дцать передавала мне приглашение от самого вождя горных гоблинов погостить в Уртшанге и, когда я отказывалась от очередного, говорила, что я сама когда-нибудь приду к ним. Кто бы знал, что так и выйдет. Даарханг все-таки получит банши в свое распоряжение. Всевышние, и сколько у них там приставившихся?

— Кайя, родной мой, — я оторвала мелкого от себя, взяла его лицо в ладони и заглянула в перламутровые глаза кельпи, — успокойся, ничего с твоим непробиваемым братом не случится. Я им нужна больше, чем какая-то месть за воина. Вернут они тебе Палана, и даже не по частям, а целым кусочком.

— Правда? — с надеждой спросил меня чистый мальчишеский взор. В ответ я лишь кивнула и теперь обратила все свое внимание на Ратху.

— Веди, предательница, — сдалась я.

— Ничего подобного, я тебя давно предупреждала, что при первой возможности затащу в горные проходы. Тут столько неупокоенных, что даже стены стонут. Мой дом разрушается от скитающихся душ. Без твоей помощи Уртшанг завалит горной породой. Мы не можем этого допустить.

Самое интересное, что никто не стал со мной спорить. Все смиренно двинулись за гоблинами вглубь пещеры и дальше по переходам. Даже Ласкан смолчал. Причин для этого может быть две: желание спасти Палана и желание помочь исчезающему в горной породе древнему городу. В любви к зверобратцу я откровенно сомневаюсь, а потому остается город. Похоже, Ратха не врала, и духи расшалились. А учитывая, что магия здесь сбоит, то и уйти за грань неупокоенным крайне сложно. Ну что ж, поможем.

— Рыгрх ур ваш, гардынг шаркх тирга зи ношр гащре?![1]

Высокий, стройный болотно-серый брюнет приближался ко мне размеренным шагом, широко разведя мускулистые руки, призванные служить одной цели: обнимать. Что он и не замедлил сделать, как только оказался рядом со мной. Мою тушку так стиснули, что я не испустила дух только потому, что отделиться от тела при такой хватке невозможно.

— Аргирх ер, Даарханг, урукх шааринг аргши[2], - просипело мое теряющее связь с реальностью сознание.

— Она говорит на аргшианге? — вождь так удивился, что даже непроизвольно ослабил хватку, что позволило мне сползти по его сбитому телу в объятия спасительного земляного

пола. Даже странный кисловато-гнилостный запах, идущий от сырой земли не смог оторвать меня от нее.

— Да, Даарханг урукх[3]. Я обучила ее, — и Ратха приклонила колени.

Переварив поступившую информацию, меня скоренько отодрали от земли и снова начали душить. Всечувствующие, вы же не дадите удушить последнюю банши?

— Урукх, вам стоит отпустить мою подругу, если вы заинтересованы в спасении нашего великого города, — все еще прибывая на одном колене, гоблиана попыталась донести до вождя то, что вскоре одна небезызвестная плакальщица отдаст богам душу, и шанс спасти их святыню улетучится вместе с ней.

— Оу! — меня отстранили на расстояние вытянутых рук, на которых я обвисла бесформенной соплей, и недоуменно воззрились на предполагаемую спасительницу из разряда недодушенных.

В ответ смогла лишь вкнуть что-то нечленораздельное.

— Сушка, — зашипела на меня подруга, — ты же менестрель, где твое красноречие?

Это намек на мое состояние висения или онемения?

— Менестрель, — что-то мне не нравится восторг, с которым было произнесено это слово, — какая удача. Вы непременно должны спеть на нашем празднике осеннего плодородия, — как в воду глядела.

— Но я не могу, — как можно более четко выдавила из себя.

— Как?! — и столько протеста, что захотелось тут же опровергнуть собственные слова, — Ратха, разве менестрели не обязаны петь в оплату гостеприимства? Поднимись.

— Так, мой вождь, — и девушка поднялась с колена, вновь встав в полный рост.

— Неужели наше гостеприимство не стоит и песни?

— Стоит уточнить, что мне еще ваш город спасать, — попыталась осадить наглеца.

— Но это твой долг, не имеющий к нам никакого отношения. Ты проводник душ. Вот и займись своим делом, а остальное — это уже наши взаимоотношения.

Дожили! Сколько весен существует мир, а в долге перед ним меня уличили впервые.

— Я никому и ничему ничего не должна, — твердо парировала я, оттолкнув руки вождя, последнюю опору для моего тела. А что, мне и на земле неплохо сидится.

Ярко-карие глаза сощурились. Клянусь мозолью на левой стопе, в них отразилось раздражение и некое извращенное торжество.

— Казнь пленного состоится на закате, — голос вождя был спокоен, но я то знала, как он доволен собой.

— Ратха! — это единственное, что пришло мне в голову.

— Суардана, перестань упрямиться, — я разозлилась, — успокойся. Твой товарищ убил воина. Его не наказали только из-за уважения к тебе. Так будь же разумной и ответь тем же.

Согласна, в чем-то гоблиана права. Но шантаж — дело последнее. И посмотрев на подругу, поняла, так оно и есть. Я их последний шанс. Ну что ж, проявим уважение. К тому же у меня есть небольшая просьба непосредственно к девушке. Грех не воспользоваться помощью искусной плетуни.

— Хорошо, Даарханг. Я исполню свой долг, а на празднике услажу ваш слух песней в благодарность за предоставленные еду и кров.

— Благодарю, банши. Твое появление — милость Всечувствующих, — и вождь чуть

наклонил голову, не более чем мог позволить себе правитель, выражая почтение перед служащей смерти, — как только ты выполнишь свои обязанности, мы устроим празднество в великом Уртшанге.

Отлично, теперь меня ждет бессонная ночь, полная стонов, страданий и боли неушедших душ.

[1] Кого я вижу, неужели банши занесло в нашу обитель?!

[2] Приветствую тебя, Даарханг, вождь горных гоблинов.

[3] Вождь.

Глава 12 Первомать

Освобождение пещер от обезумевших призраков затянулось до обеда следующего рассвета. Кто только не рвался в лучший мир. И им всем нужно было спеть песню, проводившую в эфир неугомонных. Однако чувствовала я себя на удивление бодро. Когда пришла очередь последних двух задержавшихся на этом свете, я уже видела горячий обед перед собой и истекала слюнками. Но так просто меня не отпустили к возделенной трапезе. Бабулька, которой оказалась предпоследняя неупокоенная душа, при жизни явно была той еще каргой.

— Я уже трижды спела вам заупокойную, что ж вы все никак не унесетесь в эфир! — возопила дико измотанная банши.

— Деточка, пение не твое. Может, ты танцуешь хорошо? — хрустя призрачными суставами, издевалась сморщенная старушка, которой я макушкой доходила только до бровей.

— Неужели не тянет к предкам? — я пристально всмотрелась в неупокоенную душу едкой старушеницы, — может, свет где-нибудь приветственно зазывает вас в свои объятия? Потусторонние силы громко зовут в свою обитель?

— Ох, деточка. Как ты вообще умудрилась стать банши с полным-то отсутствием профессионализма в этом деле?

— Родилась такой, и обучать меня никто не спешил. — Всевышние, я уже огрызаюсь на почившую не весть сколько десятков, а то и сотен весен тому назад бабулькой. — Ну так? Надолго вы тут?

— Пока не отпоют, — бросила камень в мой огород старушеница.

— Что, совсем ничего не чувствуете? — обречено спросила я.

— Раздражение.

— Взаимно, — как же она меня достала!

Впервые такое на моем веку, чтобы душа не ушла за грань после моей песни. Что не так с этой женщиной? Может, буйная какая. Я исподлобья наблюдала за передвижениями старушки, что была абсолютно спокойна. Будто это не она застряла в межмирье навечно.

— Что ж, коль ты бездарностью оказалась, подожду другую плакальщицу, — высокомерно заявила бабка и уселась на торчащий со стены выступ.

— Жди-жди, аж до скончания веков прождешь! — вспылила я. Чтоб тебя скалой прихлопнуло!

— Как до скончания веков? — оживилась гоблиана.

— Молча. Раз уж последняя банши этого мира оказалась с дефектом, сидеть вам тут долго и несчастливо, — я совершенно не собиралась щадить чувства этой высокомерной грубиянки.

— Как последняя? — старушка подскочила со своего седалища.

— Каком кверху!

Все, пусть хоть лично выпрызет весь Уртшанг, а я больше здесь не задержусь.

— Госпожа банши, а я? — пискнул из угла призрак маленького гоблиненка лет семи по человеческим меркам.

— А ты сейчас отправишься на перерождение.

Парочка вар, и малыш уже в эфире. Никаких осложнений, как с той каргой. И что же с ней не так?

— Стой, плакальщица, — ее голос невообразимым образом преобразился из вечно недовольного ворчания в приятный, мелодичный.

Я даже не сразу поняла, что это давешняя бабулька меня окликнула. Она больше не гремела костями, и весь ее вид говорил о том, что она крайне серьезно относится к тому, что собирается мне сказать. Ладно, послушаем.

— Я не могу уйти, пока не передам свои знания внучке.

— И что же вас так долго останавливало? — я не спешила идти на мировую.

— Смерть, — твердо и необратимо.

— Тут я не помощник.

— Знаю, — старушка опустила голову. Обреченность, так можно назвать то, что я сейчас наблюдала, — я должна была передать свой опыт и память прошлых главных плетуний вплоть до знаний самой первой из нас. К несчастью, я умерла за рассвет до того, как моя внучка вернулась домой.

Гоблиана как-то рвано направилась к все тому же камню, но не села на него, а уставилась на стену за ним. Пустой, невидящий взгляд. Вся ее расплывающаяся фантомная фигура была пропитана страданиями и самобичеванием.

— Это трагедия для всего нашего рода. Традиции, заговоры и приговоры. столько весен бывшие с нами, теперь утеряны из-за преждевременной кончины одной слабой старухи, — она была зла сама на себя за то, что унесла в могилу все наследие горных гоблинов, накопленное множеством поколений.

Да уж, и как долго ее грызет вина за независимое от нее обстоятельство? Бедная плетунья. Быть обреченной скитаться по ходам в недрах гор, наблюдать жизнь своего народа и знать, что из-за тебя он потеряет свою магию шаманства. Сила плетуний будет увядать, пока окончательно не развеется по ветру. Больно, когда кровь превращается в воду.

— Может, вы смогли бы передать знания через меня? — попыталась я приободрить старушку, хоть и знала, что ничего не выйдет.

— Моя внучка мертва и, благодаря тебе, уже в лучшем мире. Даже если бы был способ передать все через тебя, то уже некому передавать, — да уж, не думала, что ситуация может быть еще хуже.

— И что, у вас совсем не осталось родственников?

— Род главных плетуний прервался на моей внучке. Она не смогла воспользоваться силой и умерла молодой. Ее дар, не найдя выхода, убил девушку.

— Но моя подруга плетунья, и ее дар не убил ее.

— Это невозможно, плетуньи вымерли. Все остальные лишь пустышки с крупичками дара.

— Что-что, а пустышкой Ратханге назвать нельзя. Она из семьи жреца и плетуни и довольно сильна.

— Ха, ты не знаешь, что такое истинная сила, девочка.

— Я старше вас, по крайней мере, на тыщонку весен. Так что, кто еще девочка, — не стерпела я снисходительного к себе отношения.

— Да, прости плакальщица. Все забываю, что вы рождаетесь вместе с миром. Ты старше всех на Синуле.

— Не сказала бы, — сразу вспомнился Широ с его мавки знают сколькими тысячами весен, — но это сейчас не важно. Так что насчет моей подруги?

— А знаешь, мне все равно нечего терять, а так хоть попробую исправить свою оплошность, — и старушка широко улыбнулась, углубляя свои многочисленные морщины на щеках.

— Н-да, настрой ни к демонам. Верить надо, плетуныя.

— Шакриза.

— Суардана. Очень приятно, Шакриза. Так мне привести к вам подругу и...

— Нет-нет, плакальщица. Не нужно ей ничего говорить. Если все получится, то и слава Всезнающим, а если нет, то и знать не стоит.

Наверное, Шакриза права. Не стоит кому-либо знать о моей аванюре чистой воды. Не оценит мое разношерстное воинство инициативы.

— На сегодняшнем празднике, когда будут петь шаманские тексты, подойди ближе к костру, и подругу поближе к себе усади. Возможно, Всевышние сжалятся, и я смогу передать свое наследие.

Я уже собралась уходить, вот только мучил меня один вопрос, и я не замедлила его задать:

— Шакриза, а это больно?

— Что ты, девочка! — гоблиана эмоционально схватила за сердце, — Всевышние упаси! Так, тряхнет маленько, и все.

Старушка подозрительно отвела глаза.

— До вечера, плакальщица. Не забудь, ты должна привести Ратху к костру, — и гоблиана растаяла в воздухе.

Мне оставалось только тяжело вздохнуть и поплестись вперед к более обжитым пещерам.

На самом празднестве присутствовало все племя, мы и освобожденный Палан. Был шумное застолье, растянувшееся на несколько десятков тар, красочное представление шаманов, что повелевали огнем и даже парочка брачных обрядов. В целом вечер удался, но я ждала другого.

Ближе к полуночи нас позвали к костру, у которого собрались избранные гоблины племени, шаманы и плетуны. Все они расселись вокруг огня и ожидали чего-то. Не заметно для своих проскользнула к самому краю кострища и утянула за собой Ратху.

— Сушка, ты умом тронулась! Здесь только вождь и жрецы сидят!

— А теперь еще и мы, — спокойно ответила паникерше, — куда-а-а-а?

Я чудом успела схватить почти скрывшуюся в толпе гоблиану за пятку и рванула ее назад. С коротким «уф» Ратха приземлилась на свое прежнее место подле меня. Судя по злему пыхтению, меня хотят придушить, но момент пока не подходящий.

— Да расслабься ты, — я легонько пихнула плетуныю плечом, — вдруг из-за твоей враждебности все наследие профукаешь.

— Чего? Банши, ты совсем охамела. Нас сейчас с позором отсюда выгонят.

— Не выгонят.

— Откуда такая уверенность? — не сдавалась девушка.

— Оттуда, — и я указала кивком головы на скалящегося в улыбке Даарханга. Он сидел напротив нас, и его сложно было заметить сквозь всполохи пламени, — он тебя не видит.

— Зато тебя видит!

— А я банши, мне все можно, — просветила подругу о своем статусе.

— Ну подруга, ты... ты...

— Прекрасна, феерична, гениальна...

— Безумна!

— Есть немного, — сложно отрицать очевидное.

На этом наш разговор был прерван громким распевом одного из шаманов. Его песнопение подхватили еще пятеро, и гул голосов стал нарастать. Уже через пять вар весь Уртшанг заполнился гортанным, удивительно слаженным пением. Я даже забыла о старой Шакризе, когда последняя дала о себе знать.

— Прости, смерть предрекающая.

Это последнее, что я услышала перед тем, как она коснулась моих висков большими пальцами, и свет костра для меня померк. Вот же старая карга, все-таки обманула!

Десяток ярких светил разгоняет мрак ночи своим мягким разноцветным сиянием. Они усыпают собой весь купол над землей, даря всему внизу свои уникальные тени и свет. Одинокое дерево в чистом поле окрашивает свою кору фиолетовым с севера, алым с востока, серебристым с запада и золотым с востока. Такова палитра скрещивающих свои лучи спутников этого мира. И это единственная ночь в круге сезонов за много тысяч весен, когда десять небесных тел делят небосвод между собой. Пройдет время, рассвет окутает мир своим мягким светом, и ночные светила вновь разойдутся, чтобы господствовать в ночное время суток, но уже поодиночке или парами.

Уникальность этого явления поистине велика. В эту ночь все шаманы и плетуньи мира выходят наружу, чтобы напитаться магией и провести свои обряды.

Не исключением была и Юзив, молодая плетунья из племени горных троллей. В те времена народ троллей все еще владел магией и у них часто рождались плетуньи. Но молодая троллиана, в отличие от своих собратьев, преследовала иную цель.

Дар не радовал девушку, поскольку племя не отпускало ее из-под крыла, и Юзиф была пленницей в собственном доме. Два раза ей удавалось сбежать от опостылевших пещер и излишне заботливых родственников. Дважды троллиана вкушала вольную жизнь, и дважды была ее жестоко лишена. Но тяга к свободе не угасла. У нее был образ, что лелеяла маленькая Юзиф с самого детства. Образ, что хранила в душе, и она всеми силами пыталась преодолеть оковы, опутавшие ее, лишь ради новой встречи со своим видением.

— Юзиф, — теплый, низкий голос позвал девушку.

Когда плетунья повернулась, то вновь увидела свое незабываемое видение. Это был высокий, смуглый, с длинной белоснежной косой воин, мужчина дроу. Выглядел он молодо, но в нем чувствовался солидный возраст, никак не ровня юной Юзиф.

Всевышние, ну почему именно его встретила троллиана десять весен назад. Почему именно этот дроу скакал на смоляном жеребце сквозь ельник, преследуя оленя, когда маленькая девочка сбежала из дома. Тогда крохотное девичье сердечко екнуло от созерцания охоты темного эльфа, и это изменило все.

Он преследовал ее во снах и на яву. Он был олицетворением силы и так необходимой плетунье свободы. Он был ее маяком на протяжении всех этих десяти долгих весен.

Салинэлю было уже две тысячи весен, когда он наткнулся во время ночной охоты на

маленькую девочку из племени горных троллей. Дроу так и не понял, чем пленила его юная троллиана, но он видел ее во снах с той необычной ночи. Сам не зная зачем, он начал торговлю с племенем троллей, и каждый раз пребывая на обмен товаром, он искал маленькое детское личико, взгляд на которое приносил покой его душе. Да, это он сказал, где найти беглянку, и во второй раз девочку нашел тоже он. Салинэль не мог позволить нарушить свое спокойствие. А только маленькая Юзиф дарила это нужное дроу чувство. Он не мог допустить ее побега. Троллиана должна быть в его жизни. Пусть всего лишь как редкое видение, но она не может исчезнуть.

Прошло время, и темный понял, его род прервется. Он был не в силах преодолеть свое наваждение и привести в дом избранницу. Все его мысли были заняты юной девушкой, в которую превратилась черноволосая Юзиф, и места другой там не было.

Именно поэтому сейчас он стоял у выхода из пещер, и наблюдал за плетуней. В эту ночь она не могла не выйти. Ночь, когда никто их не потревожит.

Он позвал ее. Как же вздрогнула малышка, будто не грозная троллиана вовсе, а ягненок стоял перед дроу.

Она молчала, да и не нужно было слов. Они научились видеть все друг в друге. Они чувствовали желания, стремления и чаяния своей половинки, что по злой шутке богов родилась в чужом племени, чужого рода.

Ночь десяти светил, что появляются на небосклоне одновременно лишь раз в несколько тысяч весен, освещая своим тусклым светом все на брэнной земле, благословили двоих, что рискнули всем, ради друг друга. Фиолетовый освещает истинные чувства живущих под небом третьего первомира. Алый озаряет путь перед стойкими, не отступающими от своей цели. Серебряный рисует судьбы всех, кто последует за ними через многие весны после этой ночи. Золотой окрашивает кровь в жилах нового, созданного под светом десяти рода, именуемого горными гоблинами.

— А-а-а-а-а!

— Су! Очнись!

Всечувствующие! Да я бы с удовольствием избавилась от рук этой старухи на моих висках, но эта лживая карга вцепилась в меня мертвой хваткой и насильно впихивала все знания, накопленные тысячами поколений. Боль от всего этого была ужасающей. Будто кто-то кипятил мне мозг на медленном огне.

— Суардана! Приди в себя! — орал не своим голосом Широ, и его поддерживал разобщенный хор остальных.

— Ратханге! Утхе гр ер![1]

Я чуть приоткрыла глаза. Ратха валялась у моих ног, и ее отец хлестал гоблиану по щекам. Повезло подруге, она в блаженном беспамятстве.

— Су! — перед лицом замаячил розовый локон.

— Отцепите ее от меня, — с трудом протиснула сквозь зубы хоть какие-то звуки.

— Дана, кого? Кто тебя держит?

Темень и ее твари! Никто кроме меня не видит эту каргу! Все еще хуже, чем я думала. Как бы не пыталась отодрать крючковатые пальцы плетуни от себя, все без толку. А пока ее вижу только я, то на помощь рассчитывать даже не стоит.

Но тут меня осенило! А вдруг хоть кто-то знает эту полоумную. Может, они знают на нее управу?

— А-а-а-а-а! — Всечувствующие, это единственное что мне лучше всего удавалось издавать из спазмированного болью горла.

— Су! — опять многоголосье, в котором сложно понять, кто же меня зовет.

— Шакриза, — пропищала я.

— Что?

— Шакриза-а-а-а! — во все горло завопила, пытаюсь четко выговорить буквы в имени старой лгуньи.

И тишина. Даже родители Ратхи перестали причитать над телом дочери.

— Кто такая Шакриза? — рыкнул полуобернувшийся Широарт на вождя.

— Легенда, — ошарашено выдохнул Даарханг, — она жила более пяти тысяч весен назад.

— И-и-и-и? — торопил сиятельного гоблина эльф, переходя на угрожающее шипение.

— Она умерла и унесла с собой большую часть знаний о нашей исконной магии, — уже увереннее продолжил вождь, вспомнив, что ему по положению не пристало тушеваться, — потому мы сейчас так малочисленны и почти без магии.

— Шакриза! — гортанное рычание было громким и устрашающим, — я страж этой банши, хранитель равновесия во всех мирах. И я клянусь тебе, если Су издаст хотя бы еще один стон боли, ты будешь уничтожена, как и весь твой народ!

Удивительно, но старая гоблиана решила показаться всем после угрозы э-э-э... Владыки всех светлых эльфов во всех мирах.

— Что ты так орешь, хранитель? Ничего не случится с твоей банши. Потерпит еще несколько вар и все.

— Я вырежу всех до единого! — пророкотал явно трансформировавшийся светлый.

О, Шакризе стоит прислушаться. По голосу слышу, он не шутит. Уничтожение малочисленного, на грани вымирания, племени ерунда, по сравнению с тем, на что пошел эльф ради меня ранее. Нет сомнений, что сейчас его рука не дрогнет.

— Да пожалуйста, если геноцид тебя и удовлетворит. В любом случае, разрыв связи и потеря знаний грозит моему народу не меньшими потерями. Так какая разница раньше или позже это произойдет? — вот же хитрая бабка.

— Отпусти! Сейчас же!

— Уже бегу и падаю, встаю и снова бегу! Шишь тебе, сынок Равновесия. Я с твоей мамкой на короткой ноге. Она моя покровительница. Так что твои шипения мне не страшны.

— А-а-а-а-а!

— Да что ж ты так верещишь-то, милонька. Всего-то десять вар прошло, а ты голосишь как раненная кура.

— Убью-у-у-у! — не своим голосом прохрипела я.

— Опоздала ты, девонька. Эдак на пять тысяч весен. Ну вот и все.

И меня, наконец, отпустили. Голова тут же камнем устремилась к жесткому полу пещеры, но меня поймали. Хоть это радовало.

— А как же Ратха? — спросил отец гоблианы, что мирно посапывала на его руках.

— А ей что сделается? Спит себе и видит все мои знания через сон. Разум банши уже все преобразовал. Не зря плакальщицы считаются существами пограничья. Они существуют в двух мирах одновременно, — Шакриза отвернулась от расслабившихся родителей и

посмотрела на меня, — теперь отправляй меня в междумирье. Я и так задержалась здесь.

— Да пошла ты...

— Как грубо, но уйти я все же должна, — и снова многозначительно на меня посмотрела.

— Магия плетуньи тебе в помощь! А! — что-то болезненно стрельнуло в голове, — чтоб тебя драконы облюбили не меня ипостаси!

— Я так понимаю, меня ты не проводишь? — сухо осведомилась Шакриза.

— Разве что к Всенижнему! — выплюнула я, поднялась на ноги и поплелась в сторону своей кровати. В городе я уже ориентировалась, так что не заплутаю.

На все попытки помочь шипела не хуже разъяренной кошки. Не нужна мне их жалость. Да, я дура. Так попасться, поверив старухе. И на кой я лезу всем помогать? Да она специально всю эту ссору затеяла, чтобы одна глупая банши сама вызвалась помочь ей. И сработало. Темень подери!

Феникс хотел приобнять меня за талию, но я выхватила из голенища нож и направила на него. Ну как эти дураки не поймут. Я сама виновата, а от их помощи только хуже. НЕ ХОЧУ никого видеть!

Сутки я безвылазно провалялась на своей кушетке в вырезанном прямо в скале домике. Стоит уточнить, что весь Уртшанг вырезанный в горе город. Ни одно здание там не было построено в привычном для нас смысле. Все поселение было разделено на три уровня: нижний, средний и верхний. На нижнем жили обычные гоблины, ремесленники и слуги. На среднем обитал вождь и воины. Верхний же исправно занимали жрецы и плетуньи. В племени именно они были выше по статусу даже вождя, хоть и подчинялись ему.

Ратханге еще молодая плетунья и жила с родителями на втором уровне, ведь ее отец воин. Но думаю, сегодня же племя пересмотрит ее статус. Теперь подруга выше всех, она занимает главенствующую позицию. Первомать — главная плетунья и хранительница всех знаний. Всезнающие, да ее теперь на руках носить будут! Ах да, у гоблинов матриархат, но последние пять тысяч весен, понятно по каким причинам, первая мать отсутствовала, и горным племенем правил вождь.

— Сушка, ты как? — из-за шкуры, занавешивающей вход в мою комнату, показалась макушка Ратхи.

— Паршиво, — скривилась я, но подругу не прогнала, чем она и воспользовалась, проскользнув внутрь.

— Это о теле или самолюбии? — ехидно осведомилась новоиспеченная Первомать.

— Все-то она знает?

— Ага, — и гоблиана пристроилась на моей кушетке, — прости? — слово было сказано не то утвердительно, не то вопросительно, что тут же меня насторожило.

Еще вар молчания, и по виноватому виду Ратхи я все поняла.

— Ты знала про эту старую ведьму! — злость вспыхнула мгновенно, как факел.

Подруга не отпиралась, она просто повесила голову, признавая за собой вину.

— Ратха! Всечувствующие! — я просто схватилась за голову, пытаюсь переварить то, что моя подруга подставила меня сознательно и с явной целью.

— Сушка, я...

— Заткнись, дочь волколака и тварей тьмы! — я намеренно выбрала именно это ругательство. Оно ясно говорило представителю гоблинов, что он отвратительный выродок, не достойный быть частью своего племени.

— Зачем ты так, Су?

Я видела по глазам, Ратхе было очень больно. Особенно, когда эти слова исходили от близкой подруги. А были ли мы вообще подругами, или вся эта мнимая дружба лишь бы занять в товарищах банши и спасти с ее помощью свое племя?

— Как давно?

— Не надо...

— Как давно? — с нажимом проговорила я, не оставляя ей возможности юлить.

— С самого начала...

Все! Мне этого было достаточно. Дальше слушать вранье не было никакого резона. И так понятно, что никакие призраки не рушили Уртшанг. Да, выбраться они не могли из этого мира самостоятельно, но и не влияли на живых. Какая же я наивная!

— Суардана, прошу, дослушай меня!

— Уходи!

— Суарда...

— ВОИ!

Ратха дернулась, вскинула руку, останавливая рванувших ко мне воинов, что явно хотели меня прирезать за такое отношение к Первоматери, и стала медленно подниматься с моей кровати. Гоблиана уже отодвинула тяжелую шкуру на входе, готовая выйти, но вдруг остановилась. Я же не отводила от нее глаз. Рывок, и Ратха снова сидит на только что покинутом ей месте.

— Нет, Сушка, ты меня выслушаешь. Хочешь того, или нет! — заорала на меня плетунья. Я даже опешила от такого напора.

— Эй, здесь я жертва!

— Тоже мне жертва! Да я с самого рождения была жертвой для своего народа! — продолжила на повышенных тонах Ратха.

— Да что ты говоришь? — ядовито бросила я, — вижу, как ты страдаешь, Первомать!

— Да что ты знаешь, банши! Меня отправили искать плакальщицу, чтобы спасти свой народ! И если бы я не справилась, меня бы не приняли назад. Фактически меня изгнали, мало веря в успешность моего задания! Меня просто бросили на произвол судьбы, молодую, слабую плетунью, что ничего не знала о внешнем мире. И тут ты, — она обеими руками указала на меня, — Да я даже не знала кто ты, мне просто нужна была поддержка и подруга. Заметь, — гоблиана прищурилась, — я не потащила тебя силком в родные горы, чтобы спасти свое племя. Я только сказала, что однажды я приведу тебя в Уртшанг, и это было неизбежно! Я собиралась все рассказать перед путешествием на свою родину, но кто ж знал, что судьба самолично тебя сюда приведет. Уж прости, милая моя, но тут даже святой не удержался бы от искушения, — саркастически заметила Первомать.

— И ты считаешь, что молчание и предательство было лучшим выходом?

— А мне запретили тебе что-либо говорить, — спокойно парировала подруга.

— Ха! С каких это пор Ратханге Виршт Дахт стала послушной овцой? — мне даже смешно стало.

— Я просто была согласна, что в данной ситуации тебе лучше ничего не знать. Тем более, что мы не были уверены, встретишь ли ты Шакризу, и сможет ли она передать знания через тебя. Смысл тебя пугать заранее, если вообще могло ничего не случиться?

И мы обе замолчали. Да, я понимала ее, но это никоим образом не умаляло ее предательства. Вряд ли я когда-либо смогу относиться к ней так же, как и прежде. Молчание

разорвал заглянувший внутрь воин.

— Араукх, ношр рихе.[2]

— Ур арай ширакх. Бириг ношр,[3] — строго ответила Первомать.

— Арайукх, — воин поклонился мне до самого пояса, после чего продолжил, — хурв игу тиргур.[4]

И гоблин вышел, оставив лишь слегка покачивающуюся шкуру за собой.

— Что? — ошарашено пропищала я.

— Что слышала. Я никогда не считала тебя только банши. Ты всегда была для меня подругой и даже чем-то большим. Сестрой не по рождению, а по жизни.

Вот тут мой шаблон предательства и скотства всех гоблинов, включая Ратху, рухнул. Это ж меня почитать теперь будут не меньше, чем Ратху. Первая сестра, это второй человек в племени, а вождь теперь только третий. Ну подруга, как всегда отчебучила такое, что все племя в нирване прибывать будет еще долго. А как еще, ведь теперь у них две покровительницы, когда еще вчера не было ни одной.

— Дура, — буркнула я, — соображаешь, кого в сестры взяла. Теперь ведь не отвертишься.

— И не собиралась, — и гоблиана крепко меня обняла.

А я... А что я? Мне дуться надоело, потому ответные объятия были не менее крепкими.

— Я рада, что ты выбрала меня, и я стала Первоматерью.

— Что, власти захотелось? — поддела я подругу. В ответ мне тепло улыбнулись.

— Просто, выбери ты кого другого, мне никогда не удалось бы тебе доказать, что ты дорога мне как подруга. Возможно, мы никогда больше не смогли бы увидеться и просто поговорить по душам, — и она снова улыбнулась, довольная, что все закончилось именно так.

— Знаешь, может я и не вовремя, но не могла бы ты отпустить Шакризу, — я тут же нахмурилась, а Ратха поспешила продолжить, — она уже достаточно наказана. Все эти пять тысяч весен плетунья видела, как сначала оборвался ее род, а потом и вовсе все племя стало угасать без магии предков. Проводи ее на перерождение.

— Ха-а-а-а — выдохнула я, — ну и где искать эту противную старушенцию? — плетунья тут же расслабилась, осознав, что я не намерена спорить.

— Противная старушенция, как вы изволили выразиться, Первая сестра, стоит прямо у вас за спиной.

Всевышние, ну что за брюзжащая карга? Должно быть, за пять тысяч весен характер ее окончательно и бесповоротно испортился.

Я протянула руку старой плетунье, но прежде чем начать петь, уточнила:

— Надеюсь, это последняя песня по вам?

— На этот раз осечек не будет, — уверенно ответила Шакриза, но она не была бы собой, если бы не сказала напоследок пакость, — ты же уже натренировалась достаточно, чтобы не накосячить.

Отвечать я не стала, а поспешила сплавить вредную душонку на ту сторону.

Когда Шакриза переступила порог миров, Ратха засобиравалась, но напоследок обрадовала меня новостью:

— Ты же будешь петь на сегодняшнем празднике, все с нетерпением этого ждут.

— Ты издеваешься?! Сама знаешь, что я не могу.

— Но ты же обещала? — удивилась гоблиана.

— А как Первой сестре, мне не простят мое невыполненное обещание? — с надеждой заглянула в глаза Ратхи.

— Именно потому что ты Первая сестра, слово и нужно сдержать. Какой же ты тогда пример подашь племени, если просто обманешь их доверие, — и новая Первомасть вышла из моей комнаты, не сомневаясь, что я сегодня выступлю на празднике.

А я все думала, когда же новый титул мне аукнется неприятностями? Не много ему времени понадобилось.

[1] Ратханге! Утхе гр ер! — Ратханге! Что с тобой!

[2] Араукх, ношр рихе — Первомасть, нам пора.

[3] Ур арай ширакх. Бириг ношр — Моей сестре нездоровиться (плохо). Оставьте нас.

[4] Арайукх, хурв игу тиргур — Первая сестра, жрец скоро прибудет.

Глава 13 Последняя, поющая в безвременье

История — искаженная видением потомков реальность.

Истину произошедшего могут рассказать лишь пережившие его.

На праздник я действительно пришла, и даже захватила чудом уцелевшую за эти четыре месяца приключений сирингу. Обдумав ситуацию в течение двух ват, за которые меня помыли, одели и причесали младшие плетуны племени, я пришла к очень неординарному решению. Для осуществления моего плана мне понадобился Палан. Странно, но именно зверобратец последнее время становится соучастником всех моих выходов.

— Ты точно все понял?

— Да, миледи.

— Обращайтесь к Великой Первой сестре только по титулу, — решила поставить на место Палана одна из самых сердобольных плетуний не первой свежести.

Кельпи бросил на нее всего один взгляд, но зато какой! Гоблиана еще долго заикалась, не имея возможности произнести ничего кроме «п-п-п-помогите» и «с-с-с-спасите». Ее четверо отпрысков еще двое суток не отходили от матери, ища угрозу ее жизни.

— Я прошу тебя, не переусердствуй. Одного укула иглой достаточно, — просительно проговорила я.

— Я все понял. Насаживать его тельце на когти не стану, — я даже побледнела от его слов, а эта зверюга хищно разулыбалась, — миледи, даже если бы я захотел серьезно его покалечить, мне удалось бы это только один раз, и он был бы последним. Поверь, дважды он меня не подпустит.

— Дважды и не нужно, — успокоилась я, — надеюсь.

Но моим надеждам не суждено было сбыться.

В середине пышного празднества, когда уже все племя дошло до нужной кондиции, народ стал требовать зрелищ. И первой они хотели лицезреть именно мою поющую персону. Ну, как говорят, раньше сядешь, раньше встанешь.

Хоть в церемониальном черном платье, что закрывало меня от шеи до пят, было дико неудобно, я все равно смогла грациозно выплыть в центр собравшейся толпы. Все выкрикивали «Первая сестра» и «песня», так что не сложно было догадаться, чего всем от меня надо. Собравшись с духом, я глубоко вдохнула, а на выдохе за спинами гоблинов вспыхнуло розовое пламя.

— Заплетают косы

Юные матросы.

Потому что девы

Нынче не сеют посевы.

Юные красавицы

Правят кораблями,

С бутылками сливовицы,

Как коты усами.

Спросите в деревне вы
Куда деды глядели
Когда сеяли расправы
Мужчины молодые

Только надоело девам
Нянчить деток малых
Сидеть вечно по домам
Видя мужчин старых

Захотелось девкам
Заглянуть за море.
Плыть к далеким островам
И не знать им горя.

И в один погожий вечер
Мужиков связав потуже
Потушили свечи,
Чтоб им было хуже.

Обольстив матросов местных,
Корабль захватили,
Утопили неуместных
И с порта отплыли.

Мораль сей песни такова:
Не дразни свободой того,
У кого варит голова
Получше твоего.

Когда я закончила петь эту матросскую песню, все вокруг дружно возликовали. Если честно, я очень переживала, поскольку даже не представляла, что за похабщину буду петь в этот раз. Но, похоже, матриархальным гоблинам такой сюжет пришелся по вкусу. И все бы ничего, мне осталось только быстренько уйти, но весь ужас состоял в том, что кто-то, кого я неистово захотела тут же убить, выкрикнул одно простое, но увы, очень значительное слово: «цынцырг», в переводе «песня».

Естественно, этого олуха поддержали, и крик подхватило еще десятка три голосов. Ни о каком уходе речи и быть не могло. Такое ликование — признак уважения, и его мне нельзя игнорировать. Я и так не из их племени. Но Всезнающие, что же мне делать? Палан ясно дал понять, что дважды его Ласкан к себе не подпустит. А только с его смертью я могу петь во всеуслышание, пусть и не высокопарный слог у этих песен.

И тут удача решила задеть меня своим хвостом. А именно, Ласкан умудрился пробежать не далеко от меня, унося ноги от вороного жеребца, скалящего зубы в предвкушающей укус улыбке. Недолго думая, стянула с себя туфлю на высоком каблуке, при этом быстренько

ныряя в тень каменной колонны, что были вырезаны по всему периметру Уртшанга, и одним прицельным броском впечатываю ее в физиономию ошарашенному фениксу.

— Есть попадание! — выкрикнула я, подпрыгивая на месте, и скоренько вышла из своего укрытия, чтобы начать снова петь.

— Светлого эльфа дочь
Лес любила неимоверно.
Но случилось занемочь
Эльфийке этой скверно.

Бедный отче руки ломит.
В бессильной злобе он
Лекарями вампиров кормит.
Лишь верными окружен.

Дочурку в лес отнес отец.
Только добрый дух поможет.
Он трижды был уже вдовец.
Вина его невыносимо гложет.

Но потерять еще и дочь
Лорд не мог себе позволить.
Дух леса вызвался помочь
Светлой муки обезболить.

Но неведома была отцу
Тайна двух влюбленных.
Что происходило в лесу
Меж двух супругов незаконных.

Когда отдал дух дочь ему.
У той довесок знатный был
И не расскажешь никому.
Лучше б сам позор забыл.

Но внука дед любил,
Поглаживал по голове детенка.
И лишний раз не злил
Черненького демоненка.

Не ведал эльф того,
Что ядовитым сильно
Был милый внук его,
Слюнявящий деда обильно.

Мораль сей песни не нова:

Чем жен как лошадей менять

Знай, чем забита голова

У дочери. А так, лишь на себя пенять.

И снова песня понравилась народу. Просто отлично! Пока пела, прошлась вдоль колонн и столов, что часто стояли. Меня интересовали предметы поувесистей, поскольку не известно, сколько еще раз народ будет требовать песню. Ласкан же очень быстро сообразил, что на его пернатую тушку ведется охота, и стал прятаться за спинами гоблинов. Бедный, неужели он думает, что так спасется? Не спорю, я его там не достану. А вот Палан сможет. И что же ты выберешь? Удар сковородой, блюдом и кружкой, или когти кельпи. Ответ пришел незамедлительно, когда феникс с криками «Это произвол! Я очень редкий, охраняемый вид!» выскочил из-за спин горных гоблинов и ломанулся через круг. Сковорода настигла его всего за шаг до вождя толпы. И снова песня, крики, восторги. И опять этим зеленокожим мало! За этот ват я почувствовала себя игроком в выбивала, только вместо мяча летала всякая кухонная утварь, а выбиваемый был всего один. Гоблины не понимали, почему Первая сестра так хочет прикончить розововолосого пришельца, но они всячески решили ей помочь, подставляя подножки или загораживая проход фениксу. На песне десятой у меня запершило горло, да и Ласкана уже жалко было. Но когда эти изверги затребовали еще, мне захотелось расплакаться.

— Давай вместе?

Шепот на ухо был настолько неожиданным, что я отскочила в сторону и упала бы на землю, не подхвати меня под руку Ласкан. И как только успел здесь оказаться?

— Ты о чем?

— Поцелуй меня в щеку.

— Зачем?

— За песней, — хохотнул феникс, — просто чуть сильнее прижмись к щеке, чем обычно, и я снова сгорю. А ты, так и быть, получишь свою заключительную песню.

— Ладно, — и я потянулась губами к бледной щеке Ласкана, чувствуя легкую прохладу нежной кожи. Она у него тоже, наверное, от мамы нимфы.

Сгорая в розовом пламени, феникс улыбнулся и запел:

— Песнь сия подобна ветру,

Что зовет гулять во степь.

К многоцветному шатру

Ты пойдешь со мной, ответь?

Я кивнула, взяла Ласкана за руку, и он тут же осыпался пеплом. Мгновение, и я начала петь, но это было совершенно иначе. Теперь мы пели вместе. Я четко слышала голос феникса где-то внутри себя.

— Тебя отправили в лихие степи

Послом короны в дальний край.

И ты, смиренно смежив веки,

Свой долг сыновний королю отдай.

Жара приводит в исступленье.

Кровь обжигает вены, как огонь.

И ты мечтаешь о забвенье,

Но смерти ты кричишь «Не тронь!».

И вдруг прохлада накрывает
Твой беспокойный страшный сон,
Где лихорадка ум одолевает.
Но он отныне побежден.

Помощь пришла оттуда,
Откуда меньше всего ждал.
О ком ты думал только худо,
Сегодня жизнь твою спасал.

В степи гуляет легкий ветер.
Он задевает ткань шатров.
И день сей необычно светел.
Он покрывает тысячи голов.

Дивит богатство разных шкур.
Их нити шерсти увивают.
И странные изыски тех гравюр,
Что на столбах стоянку окружают.

Так странен жизни их уклад,
В степях живут, кочуют много.
Но за любого в племени собрата
Жизнь отдадут, накажут строго.

Их женщины домашней красотой
Прекрасны. Притягательны, добры.
Встречают дни пред яркою зарей,
А засыпают с уханьем совы.

Приданья прошлого известны
Всем до единого в степи.
Свое приданое невесты
Хранят с глубокой старины.

И клык медведя на груди
Сокровище ценнее даже,
Чем изумрудное кольцо,
Сокрытое за сотенною стражей.

Им ценен дар природы.
Духи предков их оберегают.
И заговоры от непогоды
Жизни племени спасают.

Ты не войдешь в их мир,
Злость в сердце затая.
Не станет вождь терпеть задир.
Ты там не проживешь и дня.

Но если дух твой тих,
Наполнен благородством, силой,
Не встретишь ты помех,
И шаг твой будет смелый.

Шаман прочтет твою судьбу,
Заглянет в сердце, открывая,
И травами осыплет голову,
Защиту духов призывая.

И в стане злобных орков
Найдешь приют своей душе.
Среди степных кочевников
Ты станешь атташе.

Мой голос еще долго гулял по всему Уртшангу, отражаясь от стен пещеры. Причиной тому была гробовая тишина, накрывшая город гоблинов после последних произнесенных строк песни. Все племя смотрело на меня настороженно и взволнованно. Краем глаза заметила возродившегося Ласкана, что стоял чуть позади меня. Хоть бы он разорвал это молчаливое напряжение.

— Поющая в безвременье!

Вдруг раздалось со стороны жрецов, а учитывая предшествующую тишину, возглас был услышан всеми. Несколько томительных мгновений и толпа подхватывает данное мне шаманом прозвище.

— Что это значит? — чуть заморожено произношу я.

— Песнь, что мы пели, истинное, имевшее в истории место событие. Жрецы почувствовали отпечаток прошлого и подлинность воспеваемого тобой отрывка из жизни древних, кто давно покинул этот мир.

— Но как?

— Тут, конечно, не обошлось без моих способностей видеть историю, — феникс гордо выпятил грудь вперед, говоря тем самым «ну а как же без меня могло случиться такое чудо», и только потом продолжил разъяснения, — но ты сама смогла считать прошлое и сформировать из него песню.

— Я сегодня банальна то тошноты, но все же, КАК? — повторила я вопрос.

— Скажем, этому поспособствовала Шакриза. Если бы она не передала через тебя знания плетунье, ты так никогда могла и не узнать об этой весьма незаурядной способности. Учти, далеко не все плакальщицы так могут, — он поднял указательный палец, показывая важность сказанного, и тут же испортил все, продолжив, — впрочем, ни у кого из них не было очаровательного хранителя истории в друзьях, чтобы наверняка подтвердить отсутствие этих способностей.

— Какой ты у меня ценный кадр, просто рябит от твоего блеска, — буркнула я.

А толпа все бесновалась, восхваляя Первую сестру и по совместительству последнюю поющую в безвременье. Громко, душно, людно, но, как не парадоксально, приятно. Даже скачки жрецов вокруг меня не сильно раздражали. Хочется им так радоваться, пусть хоть в узел завяжутся и мячиками скачут по всему Уртшангу. Мне то что.

Стойко вытерпев разоблачение себя любимой, что длилось почти столько же, сколько и одевание, я с блаженным видом опустила свою ноющую тушку в природный подгорный бассейн с горячей водой. После пребывания на середине этого водоема в течение пяти ван можно было поспорить в крутости с вареными яйцами, но по краям вода достаточно остывала, для того чтобы с комфортом можно было принять горячую ванну.

Вполне ожидаемо мое одиночество было нарушено Первоматерью. Источник комфорта один, а главных женщин в племени две.

Полежав в не остывающей водичке с десять вар, Ратха решила разбавить приятное времяпровождение разговором.

— У меня две новости для тебя, поющая в безвременье, — мое новое прозвище она произнесла скорее насмешливо, чем уважительно.

— Да-а-а-а? И какие же?

— А с какой...

— С какой хочешь, — перебила я старый как мир вопрос о двух кардинально противоположных новостях, часто используемый в простонародных шутках.

— Твое племя, — она достаточно четко произнесла это, и, когда я уставилась на плетунью, кивком головы подтвердила, что таки да, племя теперь мое со всеми потрохами, жрецами и воинами.

— Твое племя изъявило желание сопровождать Первую сестру в ее военном походе, — закончила Ратха.

У меня глаза на лоб полезли. Мирные гоблины, не участвовавшие ни в одной войне нашего мира, вдруг решили изменить своим принципам? Да быть не может!

— А что сказала им Первомать? — спросила, глядя в серо-зеленое лицо и ожидая, конечно же, запрет на военные действия.

— А Первомать была в первых рядах, изъявивших это желание, — и гоблиана широко улыбнулась, во всей красе демонстрируя крупные, унаследованные от троллей нижние клыки.

— А это хорошая, или плохая новость? — пряча улыбку, уточнила.

В ответ меня обрызгали водой, и я была вынуждена признать, что эта новость хорошая, и никак иначе. Правда, меня еще немного поубеждали перед этим в утопительном порядке прежде, чем я согласилась.

— Ну так какая плохая? — отфыркиваясь, поспешила задать вопрос, пока меня снова не окунули головой в воду, где говорить, конечно, можно, но никто не разберется в твоих словах.

— Тебе недельку придется подождать свое бравое воинство.

У меня аж руки опустились в воду. Так обнадежили, а теперь забирают привилегию обратно. И дураку ясно, нам нельзя задерживаться так надолго.

— А теперь посмотри на меня и внимательно послушай, что я тебе скажу, — я послушалась, хоть и просто по инерции, чем от надежды, — наши шаманы и плетуньи и раньше были опасны, но теперь, когда магия вернулась к нам в полном объеме, горные

гоблины представляют собой могущественное войско. Не считаешь, что такой козырь в рукаве стоит захватить с собой?

Пришлось признать — стоит! Это сильно нас задержит, учитывая, что идти нам дальше всех союзных войск, а мы и так много где потеряли время. НО! Это даст нам так необходимое преимущество.

— По лицу вижу, что решение ты приняла.

Я кивнула в ответ. Действительно приняла. Только полный дурак не воспользуется таким подарком судьбы, даже рискуя опоздать к началу сражения. Но ведь главные герои всегда появляются в последний момент. Не подумайте, я на героя совершенно не претендую, а вот Атар с чистой совестью может.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Подождем, — вынесла я свое решение.

— А с остальными ты не посоветуешься, — Ратха была искренне удивлена, что решение я приняла в одиночку.

— Они все хорошо соображают, а это решение — лучший вариант.

— Ладно, — гоблиана явно осталась при своем мнении, но озвучивать его не стала. Вместо этого новая Первомать просто поднялась и, чуть подтянувшись, вышла. Вода в месте, где мы отдыхали, доходила аж до бедер в положении стоя, поэтому шагнуть сразу на каменный пол не было возможности. Для этого требовалось немного приподняться с помощью рук, а уже потом вылезать. С противоположной стороны водоема есть и пологий спуск, но там не такая горячая вода и пространство более открытое. Мы же с подругой предпочли уединение в глубине каменной ниши.

Не успела Ратханге уйти, как ко мне снова кто-то решил присоединиться. От блаженного тепла, что проникало в самые мышцы и расслабляло их изнутри, меня разморило, и глаза сами собой закрылись. Я четко слышала шаги босых ног, что становились все ближе, но посмотреть на скорого визитера было просто лень. Судя по интервалу шлепков стоп о каменный пол, сюда шла либо высокая девушка с размашистой поступью, либо подросток, с еще не таким широким, как у мужчин шагом.

Возня у края воды и плеск ознаменовали прибытие незнакомца.

— Не спи, утопят.

— Почему утопят? — выплывая из дремы ответила я, услышав знакомый голос.

— Соблазн избавиться от одной вредной банши слишком велик, чтобы не воспользоваться таким удачным случаем.

— Ну так топи, чего ждешь? — и я зевнула.

— Мда, тяжелый случай, — пробормотали с боку.

Может и тяжелый, а я сплю. Легкое движение воды в мою сторону, странное касание чего-то о мое бедро, а потом выше. И тут я узнала обладателя голоса и попутно захлебнулась от наглости его действий.

— Ласкан! Кха-кха, чтоб тебя мавки грызли! Кха-кха...

— Ну вот, другое дело. Я, между прочим, поговорить хотел, а ты спать удумала, — обиженно выговорили мне.

— Ты вообще какого недоеденного зомби влез ко мне в купальню!

— Здрате, прискакали. Купальня общая.

— Сейчас она в моем распоряжении. Никто не смеет нарушать покой первой матери! — продолжила возмущаться я.

— Так Первомать ушла.

Я так и застыла, не зная, что сказать. А ведь и вправду, Ратха ушла. И скорее всего, все оцепление вокруг источника тоже сняли, решив, что и Первая сестра уже вышла. Я ведь пришла с другой стороны, вот они и не стали проверять.

— Допустим, но зачем же ко мне лезть? — не сдавалась я.

— Я же сказал, поговорить, — на меня посмотрели как на умалишенную.

— А дождаться, когда выйду?

— Это когда будет, — и феникс с удобством облокотился на каменистый выступ.

В более менее прозрачной воде угадывались очертания белокожих ног, которые Ласкан чуть приподнял, создавая эффект полулежащего на камнях тела. В отличие от него, я действительно лежала в небольшом скальном углублении близ берега.

— Я так понимаю, одежды на тебе нет.

— Я что псих купаться в одежде?

— Нет, ты нудист.

— Это еще почему?

— Потому что демонстрируешь свою наготу, — легко отозвалась я, продолжая маленькое издевательство.

— Ничего я не демонстрирую! — взвизгнул феникс и резко утопил свои ноги поглубже от моего пристального взгляда.

— Спорное утверждение. Ты, никак, меня соблазнить пришел, — чувственно проговорила я и облизнула губы.

— Всевышние спасите, сохраните! Да я лучше утоплюсь, — еще более пронзительно крикнула птичка.

— Могу обеспечить, — и я кровожадно потянула к нему руки. Вот только испуг резко сменился уверенностью.

Всего ван, а Ласкан уже касается моей щеки своей и выдыхает прямо на ухо:

— Так тебя соблазнить? — мурашки волной пробежали по телу. Даже не знаю от чего больше, от неожиданности или близости мужского тела. А ведь я никогда не думала о фениксе как о потенциальном любовнике. И что-то подсказывает мне, он тоже.

— Попробуй, — и я обняла его руками за шею. Учитывая, что он проскользнул ко мне именно между ними, сложности в этом не было.

Его глаза встретились с моими, а губы почти ничто не разделяло. Теплое дыхание, крепкие руки на талии. Все это дико будоражило кровь, но совсем по другой причине, нежели возбуждение. Недолго думая, я укусила феникса за нос.

— Ай! — пропищал хранитель истории, что было лишь игрой. Будь ему действительно больно, уже пеплом бы дно устирал, — так не честно!

— Отнюдь, никто не говорил, что кусаться запрещено. Смирись, ты проиграл, — я выскользнула из его объятий, а феникс и не возражал.

— Ну нет, ты первая отвела глаза, когда кусала меня.

— Еще чего, ты просто зажмурился, вот и не видел, как пристально я смотрела в твои глаза.

— Ничего подобного! — и феникс хлопнул ладонью по воде, обрызгав нас обоих.

Вот здесь уже никто из нас не выдержал, хохотали мы долго и упоительно. Ну какая из нас парочка, разве что комедиантов. Как только этот прохиндей приблизился, я сразу поняла, что грядет очередной раунд в «кто отведет глаза первый». Со стороны это должно

было выглядеть очень романтично, а учитывая, что когда Ласкан щекотал меня под водой, это можно было принять за объятия, а мои дерганья за его волосы, в попытках заставить отвести взгляд, за любовные ласки, то не удивительно, что нечаянные наблюдатели все поняли неправильно. Но какое нам до этого дело. Мы наверстывали пятьсот весен разлуки.

— О чем ты хотел поговорить, — отсмеявшись, я решила, что феникс все же не баловаться сюда пришел.

— Ты и в правду решила уйти за грань, после того как освободишь неушедших? — абсолютно спокойным голосом поинтересовался хранитель истории.

— Еще не решила, — не было смысла отпираться. Раз спросил, значит, видел наш разговор с черноволосой странной девушкой.

— Знаешь, банши не положен дом. У нее никогда не должно быть любимых и родных. Все это делает плакальщицу уязвимой в эмоциональном плане.

Я не понимала, куда он клонит, но перебивать не стала.

— Стражи ограничивают скорбящих. Если у таких как ты появлялся любимый, его заставляли исчезнуть. Если кто-то оставался на месте слишком долго, целые деревни подвергались переселению или уничтожению. И ты была такой, скитающейся без дома и семьи банши, что не имела привязанностей.

Он замолчал, а я начала вникать в суть его слов.

— И, — ненавязчиво потребовала продолжить.

— И это предосторожность, вынужденная мера. Как только банши встречала любимого, и с ним вскоре случалось несчастье, от нахлынувшего отчаяния, плакальщица сходила с ума. Так было с каждой, кому посчастливилось стать хоть ненадолго счастливой.

— И со мной...

— Да. С тобой тоже. Изначально тебя ограничивали, как и всех, но ты решила добровольно уйти из этого мира. Вот тогда эльф дал тебе и дом, и возлюбленного, и друзей. Ты стала счастливой.

— Ненадолго, — я вспомнила, чем все закончилось.

— Ненадолго. Твой дом уничтожили, твой любимый умирал. Неудивительно, что ты сорвалась. Тут любой бы уже свихнулся. Вот только безумие скорбящих чревато разрушением мира. Вы облегчаете боль родным умерших и самой душе, но никто не в силах утешить вас и убрать боль вашего отчаяния. Это страшно.

— Широ многое мне позволил. Слишком многое, — произнесла вслух то, о чем подумала.

— И ты единственная выжила, — подбодрил меня феникс.

— Зато пол долины уничтожила.

— И осталась в своем уме, приняв себя такой, какая ты есть. Это твой крест. Но если ты решишь уйти, ты не толькопустишь под откос все жертвы эльфа, ты бросишь целый мир в пучину отчаяния. Некому будет смягчать горечь утраты любимых и переживания самого умершего. Ты не чума, Дана, ты лекарство для этого мира. Пойми, без тебя будет хуже, чем с тобой и половиной уничтоженного мира.

— Ты говоришь правильные вещи, но узнав, какова любовь, что такое дом, его тепло и уют, то чувство, когда вся долина встречает тебя, я не хочу жить без всего этого.

— А кто сказал, что тебе нужно жить без этого, — удивился феникс, — отстрой долину, засели ее. Построй новый дом.

— Да, вот только...

— Ты встретишь достойного мужчину и будешь счастлива, — чересчур уверенно это прозвучало.

— Ты не можешь видеть будущее, — фыркнула я.

— Мне это и не нужно, — и одна из моих эмоциональных слабостей, а проще говоря, друг, развернулся и пошел к берегу. Разговор был окончен. Мудрейший в этом мире сказал все, что хотел.

Если честно, умирать расхотелось. Перспектива, описанная Ласканом, действительно выглядела привлекательно. Я отстрою свой дом заново. В конце концов, я уже умею справляться со своим «безумием».

Плеснув в лицо горячей воды, и все еще прибывая в раздумьях, я вышла на берег и направилась в город. Но вот странность, оцепление стояло вокруг бассейна и никуда не собиралось уходить. Тогда как прошел Ласкан? Думаю, этот вопрос останется без ответа.

Глава 14 Первая кровь

Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю.

И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья.

М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

— Ну вот, а ты боялся, — ласково погладив мальчишку по голове, Ратха распутала последнее плетение линкетто в волосах Кайи.

— И теперь я не умру? — с надеждой спросил мелкий. Всезнающие, какой же он все-таки еще ребенок.

— Только если своей смертью, — поддразнила его гоблиана. Кельпи улыбнулся и в тот же ван нахмурился.

— А меня ждет скорая смерть? — тут же задал очередной вопрос Кайя.

— Да, если продолжишь задавать глупые вопросы, — прикрикнула на коняшку я.

— А-а-а-а, значит все в порядке. Тогда я за братом схожу, — и он выскользнул из дома Ратхи.

— То есть, его не успокаивать надо было, а напугать, чтобы он перестал бояться? — немного обескуражено спросила Первомать, — оригинальный подход в воспитании плотоядного водного духа.

— Они терпеть не могут, когда не видят врага, но чувствуют угрозу. Еще больше их бесит, когда эту угрозу невозможно убрать.

— Или сожрать, — продолжила за меня Ратха.

— И это тоже. Кстати, — и я указала большим пальцем себе за спину, где еще болтались потревоженные шторы из кожи у входа в дом. Их использовали во всем Уртшанге за место двери, — сейчас сюда зайвится кельпи, страстно жаждущий моей преждевременной кончины и, желательно, от его собственных лап.

— Какое у тебя интересное сопровождение, — фыркнула плетунья, — так может к плетениям линкетти добавить еще и мое с проклятием скорой смерти?

— Чтобы мелкий меня возненавидел! — ужаснулась я перспективе, — нет уж, пусть живет. Мы с ним вроде как стали понимать друг друга.

— Может тогда заплетайку вплести между делом? — хитро подмигнула Ратха.

— Ну и зачем мне путающийся в своих ногах кельпи на поле боя? — скептический взгляд подействовал. Плетунья поняла свою ошибку.

— Ладно, сама что-нибудь придумаю, — я только хотела пристыдить подругу, как та продолжила, — это не помешает его способности воевать. Так, подпортить жизнь чуть-чуть, — последнее она произнесла уже себе под нос, но я все равно ее услышала. Бедный Палан. Своих Первомать защищает, как окотившаяся самка таара детенышей, то есть зубами, клыками и без жалости.

— Приветствую Первую мать и Первую сестру, — Палан слегка поклонился и без приглашения вошел внутрь.

— Да уж. Теперь становится ясно, отчего Иргих по сей день заикается, — гоблиана

повернула голову ко мне и уточнила, — смею предположить, это все почтение, на которое способен сей индивид, и требовать большего абсурдно?

— Именно. Вообще удивлена, что меня в кои-то веки не миледи обозвали.

— Я никогда не обзывал вас... — начал было Палан, но по моему виду понял, ложь не удалась, — может изредка, когда миледи уж очень хотела упокоиться и меня за собой утянуть.

— Садись, буду расплетать произведение искусства линкетти. Эх, это ж такой оберег уничтожить придется.

Ратха так вздыхала над всеми плетениями. По ее мнению, мелкие ночные пакостники сделали огромный подарок коняшкам, вплетя в их волосы заговоры от хвори и мора, а глупые духи, включая Палю, не понимают своего счастья. Первомать хотела было заплести кобыле обереги настоящей плетуньи, но Палевая только от высказанного предложения начала брыкаться и вернулась к излюбленному приему: копытоприкладству. Теперь личная охрана Первоматери красуется синяками во всевозможных местах, так как сидение и лежание гоблинов не смилостивило буйную натуру духа земли, а только раззадорило ее.

— Ну вот и все. Волосы распутаны, заговор разрушен, — и к моему удивлению, Ратха нежно провела по волосам Палана, пропуская смоляные пряди между пальцев с затаенным удовольствием.

Когда кельпи ушел, гоблиана мне подмигнула, но объяснять свое странное поведение не стала. Неужто и вправду прокляла?

— А теперь садись, — она похлопала ладошкой по пуфику перед собой, — будем тебе выстраивать непробиваемую защиту.

— Обойдусь, — отмахнулась я.

— Сушка, быстро сядь. Обещаю, что плетения будут направлены только на защиту.

— И никаких там поисковиков истинной любви или заговоров для покладистого нрава? — уточнила я.

— Никаких, — пообещала подруга, — садись, давай, недоверчивая моя.

У Ратхи ушло два вата на то, чтобы обезопасить меня от всего, что можно. Плетения были от шальной стрелы, направленного кинжала, случайной смерти (это она так ненавязчиво сказала о моей неуклюжести), атакующего заклинания, удушения, утопления, повешения, сожжения, удара по голове, потери сознания, большого разума, хвори, мора, хищных животных и даже от насекомых. Короче говоря, о моем везении плетунья была особо низкого мнения. Она не вплела еще парочку заговоров только потому, что фантазия закончилась, да и решила, что сама я себе вены резать не стану.

— Я не помешаю, — в покои заглянул Широ. Никакого официального приветствия с его стороны не было.

— Конечно, Хранитель равновесия. Я рада принимать тебя в своем доме, — и подруга склонила голову.

Ах да, мы же не среднестатистический эльф, мы орки знают с каких верхов шишка эльф.

— Су, мы пойдем, поможем погрузить продовольствие в повозки. Если повезет, уже завтра сможем выступить.

Я кивнула. А что мне еще оставалось. С момента нашего последнего разговора, мы мало общались, скорее, просто перекидывались парой фраз и все. А помощь гоблинам и в самом деле понадобится, нам надо спешить. Уже больше недели прошло с начала сборов.

Первородный правильно расценил мой жест и шагнул к выходу, считая дело

улаженным. Первомать же следила за нашим общением и странно на меня смотрела. А потом ее просьба остановила эльфа уже в дверях.

— Хранитель, я хотела бы вплести вам парочку оберегов. Вы мне позволите? — ох, как соблазнительно она это произнесла.

— Прошу прощения, но мои волосы сами по себе оберег, и к нему никто не может прикоснуться кроме меня, — довольно сухой ответ. С чего бы?

— Не может или нельзя? — пронизательность плетуньи пугала.

— Как вам будет угодно, — увильнул Широ.

— Суардана, ты же сама просила меня научить тебя плести оберег от прямого удара, — и гоблиана многозначительно на меня посмотрела.

Что? Когда это я успела о таком попросить? Не спорю, плетения меня весьма занимали, но только в качестве материала для научного изучения. Не более того.

— Ратха, тебе же ясно дали понять, что чьи-то волосы неприкосновенны, — прошипела я.

— Так-то неприкосновенны? — продолжила свои намеки плетунья. Задушила бы, не будь подругой.

— Не думаю, что это уместно... — я уже сформировала ответ, как меня перебил Широ.

— С удовольствием стану подопытным материалом. Хотя с везением Су, заговор мне скорее оторвет голову, чем отчего-то спасет, — и этот нахалуго развалился в широком кресле с высокой спинкой. И как прикажете мне тянуться к его патлам! Вот специально это сделал, даже сомнений нет!

— Да пошли вы оба к ликанам на растерзание! — и я вскочила с твердым намерением покинуть это место.

Эльф, растерянный моей реакцией, все же сумел перехватить меня. Его пальцы крепко сомкнулись на моем запястье.

— Су, неужели ты откажешь в такой маленькой вещи, как плетение кос, когда мы идем напрямиком к сражению, из которого можем не выйти живыми. Это такая непосильная жертва для тебя? — голос был спокойным, но мне казалось, что я услышала в нем обиду и толику злости.

— Нет, это не жертва. Я заплету твои волосы, если ты сядешь вон на тот табурет, или вон тот пуфик, — я указала ладонью на место, где сама недавно сидела.

Широ кивнул. Всечувствующие, я до сих пор не могу называть его Динаристаном. А ведь это его настоящее имя.

Когда все было готово для плетения, я уставилась на Ратху, ожидая ее указаний. Вот только плетунья не собиралась направлять мою руку.

— Плети, как умеешь, — шепнула она.

— С ума сошла? — прошипела я в ответ, косясь одним глазом на сидящего не так далеко эльфа. Вдруг слышит.

— Мои заговоры ему по боку. У него своя защита неплохая. А вот оберег, вплетенный в косы руками любимой, самая мощная защита из всех мне известных.

— Какой, к лешему, оберег?! — чуть было не взвизгнула я, но вовремя перешла на шепот.

— Какой хочешь. Хоть свои собственные волосы ему вплети. Кстати, это отличная идея, — она указала мне на оставшиеся не заплетенными локоны, — но суть во всем одна. Любовь, она сильнее любых чар. Такие обереги вытаскивали даже тех, кто уже стоял одной

ногой в могиле.

— С чего ты вообще взяла, что я любимая? — еле слышно выдохнула я.

— Да брось. Ты всегда была влюблена в своего учителя. А теперь я вижу любовь между вами, — и Ратха растянула губы в обличающей улыбке, — неужели ты не хочешь дать ему такую мощную защиту.

Вопрос был риторический. Естественно, я хотела защитить Широарта.

— Тогда вперед! Он в твоих руках, — я, было, подумала, что плетунья оговорилась, а нет, специально заменила слово «все» на «он».

Когда Ратха успела покинуть собственную гостиную, я даже не заметила. Теперь все мое внимание занимал сидящий передо мной воин.

Тяжесть пшеничных прядей навевала воспоминания, что бередили мою душу. Я, как могла, старалась гнать их от себя, сосредоточившись на плетении. Что можно сплести воину эльфу? Боевую косу, конечно же. Только коса будет не светло-эльфийской. Боевая коса дроу уже давно получалась у меня идеально, но где взять иглы? Я осмотрелась. В глубине ящичка со всевозможными бусами, костями, камнями и кусочками кожи блестело что-то металлическое. Без задней мысли я попыталась выудить свою находку. Предмет, который так привлек мое внимание, на поверку оказался обоюдоострым полукруглым лезвием с двумя острыми концами, что в середине было обмотано кожаной тряпицей. Больше всего это оружие напоминало полумесяц. Порывшись еще немного, я была вознаграждена еще пятью такими полумесяцами.

Для закрепления оружия в плетении я использовала собственные прядки волос, аккуратно срезанные из-под низа. Каштаново-рыжеватые пряди очень оригинально смотрелись на фоне золотистых волос эльфа.

Сколько прошло времени с тех пор, как я начала создавать оберег, мне неизвестно, но то, что это было самое продолжительное плетение в моей жизни, очевидно. Я слишком сильно не хотела отпускать своего эльфа от себя. Каждый раз, когда мои пальцы невзначай касались его кожи, шея Широ покрывалась гусиной кожей. А иногда я чувствовала легкую дрожь по всему его телу. Такая сладкая пытка, которую не было желания заканчивать.

— Су.

— Да, — я резко вынырнула из своих ощущений.

— Пообещай, что выслушаешь меня, когда все закончится. Не бросишься в бега, не проигнорируешь и не сиганешь со скалы, а выслушаешь. Обещай.

— Зачем тебе это?

— Ты высказалась, довела меня до животной злобы и оставила со своими мыслями наедине. А как же я? Я тоже хочу высказаться, но сейчас не то время. Поэтому я прошу дать мне шанс, когда все закончится. Думаю, на это у меня есть право?

— Широ, здесь нечего обсуждать и не будет.

— Я хочу иметь возможность переубедить тебя, а не видеть, как вновь сверкают твои пятки.

— Хорошо, — я тяжело вздохнула, — но это ничего не изменит.

— А это мы узнаем позже, — слишком уверенно выдал эльф и обернулся, — раз тебе так приятно копошиться в моих волосах, сделай-ка мне еще и массаж головы.

Я с размаху заехала ему ладонью по затылку. Ну да, я уже пол вата как просто ковыряюсь у него в волосах. Оберег давно закончен, но отпускать любимого было невыносимо больно. Возможно, мы больше никогда не окажемся так тесно прижатыми друг

к другу. Мы оба не хотели разрывать этот контакт, так какого драного ликана он все прекратил?

— Мне нужно помочь гоблинам. Мы и так сильно опаздываем, — а вот и причина.

Он прав, стоит поспешить. Я так и не смогла поднять на него глаз, даже когда за Широ вновь сомкнулись две шкуры, завешивающие проход.

— Он любит тебя, — сзади появилась Ратха.

— Любит, некромант упокой! И я люблю! Но...

— Не судьба?

— Еще какая не судьба, — дрожащим голосом подтвердила я, сдерживая подступающие рыдания. Ну, нет. Хватит с меня слез. И я так и не заплакала.

Сумерки. Самое неоднозначное и опасное время, таящее в себе как свет, так и тьму. Им предшествует любимец всех влюбленных, гроза женских сердец и подспудный сообщник всех соблазнительей — закат. А шествует за ними королева всех тайных свершений, любительница скрывать в своих объятьях любовников, любимцев удачи, ловких на руку и страшных созданий — владычица тьмы. Ночь.

Сумерки страшны, опасны. Они предвещают смену властвования, давая волю и силу всем темным тварям этого мира, что не упустят своего шанса.

Так было и сейчас. Сумерки сгущались, предвещая скорую смену света тьмой, но не это так страшило объединенное войско эльфов и людей. Сегодня исход осени, когда небесный спутник Руи уйдет во тьму, оставив мрак властвовать на небосводе в гордом одиночестве. Только спустя двадцать шесть ват одинокое небесное светило выйдет из тени темного облака мелких небесных тел, ведя за собой почти потухшую звезду — Затху. Их восход ознаменует начало зимы и очищение всего от скверны. Сегодня самая опасная ночь. Ночь пустого небосвода и тусклого света далеких звезд. Проклятая ночь затмения.

Провожая узкую полоску солнца, исчезающего за горизонтом, защитники Долины трех лучей мечтали лишь об одном, пережить эту ночь. Ни для кого не было секретом, что некромант нападет с сумерками, несущими ему могущество и почти бесконечную подпитку. Да, сегодня он будет темным богом, получив великую силу безлунной ночи. Но так же, как его сила возрастет с приходом Проклятой ночи, она бесследно растворится в лучах взошедших Руи и Затхи. Сегодня не будет дня. Солнце покинуло небосвод, скрывшись в облаке темной пыли. Сегодня сутки будет властвовать непроглядная ночь, после чего сменится умиротворенной тишиной обновленной ночи, что последует за затмением.

Защитники знали это. Их вела надежда. Сейчас, с последним отблеском ушедшего светила наступит их кошмар, и смертельный бой будет ждать каждого, кто стоит перед входом в долину.

Они опоздали. Проклятые добрались до главного южного портала раньше союзных войск. И только тысяча человеческих воинов стояла у самого входа, своим присутствием сдерживая подступившего почти вплотную врага. Они были обречены и знали это. Союзники не успеют пробиться к ним. Тысяча — это слишком мало для противостояния пятидесяти проклятым с их нежитью. Альхерт Маронский уже сотню раз пожалел, что днем ранее приказал основной части войска идти навстречу эльфам. Не уведи он их от входа в долину, сейчас его тысяча не была бы обречена на мучительную смерть.

— Владыка, что делать будем? — с непробиваемым спокойствием спросил король Марона.

— Атаковать, — безапелляционный ответ.

— Банши еще не достигла долины. Иначе у входа стояли бы наши войска.

И правда, Суардана сразу же направила бы к входу союзников, только увидав отсутствие подмоги. А это значит: банши нет в долине.

— Он все равно нападет с наступлением ночи. Боя не избежать. Или ты предлагаешь позорно сбежать? — прищур шоколадных глаз говорил о гневе его обладателя. Алибаскаэля снедала вина за опоздание и злоба на противника, что предугадал их маневр и своим присутствием отрезал войско людей и эльфов от остальных.

— Нет, Владыка. Я предлагаю стереть их в порошок до прихода плакальщицы, а по ее прибытии оказать поддержку, — ведьмак не показывал бушующей в его душе ярости. Она просто сливалась в единое облако решимости уничтожить врага, что окутало все войско.

— Хороший план. Ривалиан! — первородный слегка повернул голову назад.

Ван и перед правителем появился светловолосый эльф в темно-синей драконьей броне генерала.

— Рив, мы наступаем.

Генерал тяжело вздохнул. Он знал это и без произнесенных слов. Человеческие воины уже стучали мечами о щиты, поднимая боевой дух своих собратьев, что оказались в ловушке. Они жаждали разорвать противника, что с устрашающей скоростью расправлялся с их сослуживцами по ту сторону вражеских войск.

— Конница! Копья в авангард! Пехотинцы! Третий и четвертый ряд выступить вперед! Лучники! Первая тысяча на месте. Обстрел врага сверху. Вторая тысяча за пехотинцами! Маги! Первый отряд в наступление за третьим рядом пехотинцев, второй и третий на подхвате! — твердый, уверенный голос раздавал команды тысячникам без сомнений и запинок. Вся армия работала как один единый механизм, отлаженный и четко следующий приказам. И не важно, что сейчас люди стояли плечом к плечу с эльфами, а эльфийские фесы с удивительной покорностью стояли под человеческими седлами.

— Тысячники, координируем атаку соответственно ситуации! — отдал последний приказ генерал и вернулся за спину Владыки.

Командующие вернулись каждый к своему отряду. Целители разбили лагерь и лазарет для будущих раненых. Маги-защитники плели с четырех краев войска кружево щита. Как только он сомкнется над головами воинов, начнется наступление.

Не дожидаясь полного слияния щита, Альхерт повернулся к солдатам и его наполненный силой голос разнесся над всей низиной, вселяя силу в каждую горящую смелостью душу.

— Мы должны уничтожить проклятых, — король обвел свое войско глазами, — иначе смерть наших братьев будет напрасной! Мы потеряем долину и откроем путь в другие миры монстру!

Только один голос сейчас раздавался на много тат вокруг. И слова, что звучали кличем, призывом к защите своей страны и своего мира, находили яростный отклик. Огонь, что пылал в глазах полуифрита, со скоростью лесного пожара перекинулся на войско, разжигая ответное пламя в сердцах воинов.

— Мы позволим безнаказанно уйти убийцам?

— Нет! — одновременный выкрик отозвался громовым эхом от скал, опоясавших

низину с севера и востока.

— Мы предадим своих товарищей?

— Нет.

— Мы повернем назад?

— НИ-КО-ГДА! ДА-А-А-А-А!

— Это НАШ мир! — выкрикнул Владыка Хрустальных лесов, присоединяясь к своим воинам. Все войско поддержало боевой клич.

Как только все смолкло, пустое пространство впереди огласил эльфийский рог. Объединенная армия двинулась. Сначала одиночный голос неизвестного воина глухо звучал в организованном строю, но не прошло и вара, как его подхватила ближняя десятка, потом сотня и, наконец, тысяча, которую поддержало все войско. Боевая песня набатом разносилась по низине, призывая воинов за вражеским строем к смелости. Она говорила им, что их смерть будет отмщена.

— Руби, бей, жги нас,

Режь, жестокий враг.

Не угаснет воина глас,

Победить даем зарок!

Руби, бей, топи нас,

Хоть головы с плеч снеси.

Не угаснет воина глас

Скорее пощады проси!

Руби, бей, рви нас,

Всю кровь тела спусти.

Не угаснет воина глас.

Свою жизнь тебе не спасти!

Руби, бей, трави нас,

Хладные трупы не хорони.

Не угаснет воина глас.

Всевышних на спасенье зови!

Зарубим, уьем, похороним!

С земли родной скверну изгоним!

Сегодня жизнь мы славим!

Сегодня смерть мы победим!

— ДА! Сегодня жизнь мы славим! — раздавалось со всех краев набирающей ход армии.

— Сегодня смерть мы ПОБЕДИМ!!! — поднимая меч над головой несущегося на врага жеребца, прокричал Алибаскаэль рен Сиу, Владыка Хрустальных лесов и главнокомандующий объединенной армией.

— ПОБЕДИ-И-И-ИМ!!! — крик почти сотни тысяч храбрых душ устремился вперед уничтожая черный щит смерти, закрывающий врага от стрел.

Свет сердец оказался могущественнее древней черной магии. Ткань купола лоскутами опала на головы проклятых и их цепной нежити, тогда как мерцающая дымка светлого

щита сомкнулась над головами несущихся в бой!

Где-то позади наступления зычно гаркнул тысячник «Пли!», и сотни горящих огнем стрел устремились ввысь, описали дугу и с увеличивающейся скоростью рванули на головы врага. Вместе с первой пробившей грудь нежити стрелой в бой вступили маги. Лишь посылами рук они разжигали маленький огонек на острие до полноценного кострища, подпитываемого горящей плотью зомби, личей, упырей и ликанов, поднятых из могил. В строю врага даже была десятка драконов, в чьих глазах уже не теплилась жизнь.

Два первых ряда копейщиков врезались в толпу нежити клином, протыкая тела копьями и рубя головы мечами, что шли в ход за сломанными или потерянными пиками. Третий и четвертый ряд пехотинцев остановился в паре шагов от вражеского войска, прикрывая магов и лучников. Как только враг подбирался вплотную и разбивал строй, тысячник орал на все поле боя «Колено!», и два ряда пехотинцев, вне зависимости от ситуации, падали на одно колено, открывая врага для лучников. Десятки сотен стрел свистели над головами воинов, изрешечивая врага на пятнадцать тар вперед, тем самым давая возможность пехотинцам быстро продвигаться в тыл врага.

Спустя пол вата лучники стреляли по готовности, и уже сотники и десятники отдавали приказы, так как линия воинов сильно растянулась и продвинулась вперед. Все понимали, что победа только мнимая. Когда проклятые вступят в бой, тогда и наступит решающий момент. Маги, оставшиеся в тылу, были магами земли и огня, специально подготовленными для борьбы с разумными проклятыми и рядовыми карателями. Именно их сила решит исход этого боя.

Когда волна нежити была уничтожена, обе стороны замерли. Никто не начинал наступление. Проклятые скалили мертвенно бледные лица в жестоких улыбках, а люди и светлые в напряжении оцетинились мечами на врага.

И в тот момент, когда главнокомандующий уже хотел отдать приказ наступать, позади драконов, что так и не двинулись с места, за клубился черный туман. Его расплывчатые края начали обретать очертания человекообразных фигур. Странные туманные враги начали свое движение к передовой. Постепенно, по мере приближения к границе схватки, туман рассеивался, открывая мертвые лица и затаенные белой пленкой смерти глаза. Солдаты, что совсем недавно до последней капли крови сражались с проклятыми, сейчас мертвыми куклами двигались на своих бывших сослуживцев. Рой испуганных, злых и наполненных болью голосов пронесся среди воинов. Злость, страх, отчаяние, вина — эти чувства утопили армию в себе. Большинство человеческих солдат были подавлены морально, на что и был рассчитан этот варварский прием. Заставить братьев по оружию сражаться друг с другом было верхом низости и бессердечия. Но перед союзной армией стояли проклятые, у них нет сердца, нет сострадания и уважения к мертвым. Они бесчувственны и аморальны. Теперь в этом сомневался разве что слепой.

— Собраться! — выкрикнул генерал эльфийской армии, — эти куклы не наши братья, отцы и сыновья! Души наших земляков уже в ином мире. Они за гранью! Все, что вы видите перед собой, лишь кусок поднятого из могилы мяса. Без души, без сердца, без памяти и чувств. Неужели вы хотите, чтобы они и дальше расхаживали в таком виде по нашему миру! — гаркнул Ривалиан сен Алет.

— Нет! — отозвалось войско.

— Тогда подтерли свои сопливые носы, девчата, и взялись крепко за мечи! Или у вас уже ручки затряслись от вида гнили? Может и портки обмочили? — грозно рыкнул один из

тысячников, оказавшись на поверку полуорком.

— Никак нет, капитан! — ответствовала тысяча. Им вторили и остальные, подначиваемые своими командирами.

— Загор. В той тысяче был твой Макей? — коренастый сотник, с рыжей бородой, был явно непростым подчиненным капитана, а другом, чтобы так вольно обращаться к тысячнику.

— Был, — прорычал сквозь чуть более длинные клыки, чем у людей, полуорк, — и что?

— Ты хорошо поднял боевой дух. Но твой не спокоен, — шепотом закончил сотник.

— Мой сын уже за гранью, — капитан зло уставился в лицо стушевавшемуся другу, — или ты не слышал, что я только что сказал!

Бородач покачал головой и поспешил встать во главе своей сотни.

— То-то же. Я никогда не говорю пустых слов, — уже вновь смотря на врага, что был недавно союзником, полуорк закончил свою мысль. Пусть боль ест его душу живьем, он не одинок в своей скорби. А значит, нельзя дать слабину, иначе смерть его наследника будет напрасной. Его самоотверженный подвиг не воспоят в песнях, не запишут в хронике о стойкой тысяче человеческих воинов, что стояли до конца. Он не даст памяти об этой жертве исчезнуть вместе с родным миром. Героев должны помнить! Мир должен процветать!

— Проклятые еще не вступили в бой, а смертей уже так много, — тихо, как шелест листьев прошептала Редия, — боюсь, без подмоги они не выстоят, — подвела итог глава Раскидистых дубов и открыла глаза.

Холод остывающей к зиме земли не беспокоил дочь лесов. Она все так же осталась стоять на коленях с плотно прижатыми к чернозему ладонями. Через недра мира дриада смогла связаться с деревьями и разузнать ситуацию на южном фронте. Она видела весь ужас, что испытывали воины, убивая своих товарищей, чьи тела жизнь уже покинула. Но они не могли помочь им. Долг Раскидистых дубов и Сапфировых ив стоять на страже восточных ворот и не дать прорваться врагу, когда портал откроется. Если они потеряют хотя бы еще один вход, война проиграна. Враг войдет в долину и ему никто не сможет помешать. Уже захват южных врат осложнял их положение. Если банши не приведет в долину помощь, мир обречен.

— Редия, мы должны помочь, — неуверенно обратилась к дриаде Иба.

— Нет. Ты помнишь, что сказал Динаристан? Что бы ни произошло, стоять на месте. Когда кашир откроет проходы, тогда и пошлем на подмогу отряд воительниц через долину. А пока все остаются на местах.

— Кельпи прибыли?

— Нет, — и больше глава Раскидистых дубов ничего не сказала. Слов и не нужно было. Духи воды снова предали их, не явившись к западным вратам.

— Боевое построение! — раздался громкий оклик разведчицы, и ему вторил боевой рог.

Враг подошел к восточному входу. Шестьдесят проклятых со своей степной нежитью. Это больше, чем на южном фронте. Дриады слишком малочисленны по сравнению с эльфами и людьми, но силы против них выставили несоизмеримо большие. Теперь все стало ясно. Главный удар будет не по центральным южным воротам, а по восточным. Враг готов

был к усиленной охране центрального входа. Потому не атаковал в лоб, а ждал удобного момента и дождался. Преимущество союзников обратилось в слабость. Проклятые прибыли раньше эльфов, но люди стояли у ворот уже с лунный цикл. Им стоило напасть и разгромить людей до прихода эльфов, но нет. Такой захват врат понес бы за собой потери. Потому проклятые затаились под носом у людской армии, выжидая. Как и предполагалось, будучи уверенными в отсутствии врага возле входа, основная часть двинулась на встречу эльфов, справедливо полагая, что на них нападут. Так проклятые и поступили бы, если бы явились позже на рассвет. Но они явились раньше и успели подобраться достаточно близко, чтобы быстро достичь центральных ворот и вырезать оставленную для их защиты тысячу. Ход был рискованный, поскольку времени до подхода основных войск было мало. Но враг рискнул и выиграл это сражение. Врата захвачены и подмога в лице карателей им больше не нужна. А раз так, вторая половина войска Коршуна направилась к ближайшим воротам, чтобы в кратчайшие сроки отбить восточный вход и выиграть войну. Теперь Редия увидела всю картину целиком. Лишь дело времени, когда и вторая точка будет во власти некроманта. Они обречены, и никто не придет на подмогу. Некому идти. Больше некому.

Яркая вспышка зеленого света во тьме и мощный удар магии смерти пробивает оборону защитниц. Мертвые духи земли разлетаются во все стороны. Их тела уже валяются где-то очень далеко или просто осыпались прахом, когда следует новый удар, а за ним еще один. Проклятые не жалеют сил, им это уже не нужно. Через ват все будет кончено.

— Держать оборону до последнего вздоха! — во всю окровавленную глотку орала Редия, глава Раскидистых дубов. Судорожный вдох и тело начинает коченеть. Великая предводительница своего народа крепко держала свой лук в руке, как и оперение верной стрелы. Чуть коричневатые, отданные добровольно перья совы слегка щекотали уголок рта, в то время как уже стекленеющие глаза выхватили цель. Свист тетивы и твердая рука направляет в полет свою последнюю стрелу. Стремительный рывок, и наконечник пронзает грудь проклятого там, где у живых бьется сердце, а у мертвых лишь пустота. Посмертная сила духа земли испепеляет труп изнутри, возвращая плоть земле.

Лах не ожидал, что его жизнь разумного проклятого закончится так скоро. Но, видимо, это наказание за то, что предпочел ничтожное, полное унижений и раболепия существование благородному вечному забвению, которое выбрали для себя остальные генералы Сумеречной долины, доказав свою силу и верность.

— Я иду к вам, братья мои.

Губы двигались, не производя ни звука, и застыли в умиротворенной улыбке, когда магия земли расплывала остатки проклятого, что когда-то был одним из великих генералов, защитников Сумеречной долины — Эвлахи Закори.

Легкая, еле заметная улыбка, сестра той, что еще миг назад появилась на мертвом лице проклятого, навечно отпечаталась на лице дочери леса. Дриады, что неживой статуей замерла в момент своего последнего выстрела. Душа ее уже была за гранью, в покое и безмятежности безвременья, тогда как ее стрела принесла так нужную передышку.

Потеряв ведущего, проклятые отступили, дав дриадам время перегруппироваться и залечить раны. Не будь выстрела, что забрал жизнь дриады и разумного, вскоре не осталось бы ни одного духа земли на Синуле. Но, не обращая внимания на свои раны, на льющуюся из горла кровь, великая глава успела сделать свой последний выстрел. Жаль, она никогда не узнает, что спасла свой народ.

Глава 15 Три луча

Королева никогда не опаздывает.

Это все остальные приходят слишком рано.

К/ф «Дневники принцессы 2»

— Свет очей моих, дай мне свою изящную ручку, я помогу подняться по ступеням. Вдруг оступишься и упадешь, — и меня нежно взяли под руку и повели вверх по лестнице, предупреждая о каждой выбоине или неровности.

И кто бы мог подумать, что этим вежливым и заботливым существом будет Палан.

— Пфа-ха-ха, Всечувствующие! Я никогда не привыкну к этому, — умирал со смеху на все тех же ступенях Ласкан.

Поскольку по дороге шли телеги, и она была длиннее лестницы, все предпочли крутые ступени пологому подъему. Как раз есть пол вата отдохнуть наверху, пока обозы докатят до верхнего яруса.

— Су, я прошу тебя аха-ха... нет, я УМОЛЯЮ тебя! Не снимай с него плетение! — продолжая подметать собой камень, ухахатывалась птичка.

Еще бы ему не было весело. Моя обожаемая подруга все-таки наградила зверолошадь коварным плетением. Называется «обратка». Все мысли, желания и слова переворачиваются в обратную сторону. Например, хочешь сказать гадость, а говоришь комплемент, хочешь ударить, обнимаешь, желаешь смерти, думаешь о здоровье. Но Первомать сжалилась над кельпи и завязала проклятие только на меня. Теперь Палан во мне души не чаёт, что наводит на размышление, сколько же раз он меня уже должен был спустить с этой лестницы, пожелать споткнуться, свернуть шею и обласкать нецензурными словами.

— Да пока и не собираюсь, — нервно отмахнулась от феникса.

— Она боится, что кельпи ее придушит в тот же ван, как избавится от проклятия, — скалясь во все зубы, проницательно заметил огонек.

— Ну тогда Палан обречен на вечное обожание Данки, — пропищал Ласкан, медленно ползущий по лестнице, так как сил после приступа смеха у него не было.

— Зато ненависть к фениксам стала всепоглощающей и тоже вечной, — прошипел сквозь зубы водяной конь.

Птичка икнула, и решила еще немного отстать от нас. Видимо, впечатлилась угрозой.

— У тебя руки холодные. Ты должна согреться, — снова вернул все свое внимание мне Палан.

— Перевожу: чтоб ты околела, — это Кайа мстит мне за то, что я его в пещере заперла и собиралась оставить у гоблинов. Увы, план провалился. Вот, теперь выслушиваю.

— Моя прекрасная леди... — начал было Палан, но его перебил брат.

— Страшилище безродное.

— Вам следует укутаться в одеяло.

— Лахмотья тебе в помощь, — снова переиначил мелкий.

— Какой-то у тебя вольный перевод, — упрекнула я мальчишку.

— Как умею, — и он развел руками.

Когда, наконец, повозки затащили наверх, мы снова начали продвигаться к выходу из пещер. Не скажу, что путешествие доставило мне удовольствие. Все-таки мы сквозь гору пошли и, осознание, что такая махина над твоей головой может обрушиться в любой миг, оптимизма не добавляет.

Да-да, все племя горных гоблинов настаивало, что безопаснее пройти сквозь гору, чем подниматься на нее и идти через Драконьи лежбища. Если быть откровенной, то лежбища просто место скопления опасностей, и я в этом уверена. Что же до подземных переходов, тут пришлось поверить гоблинам. По их словам, самое страшное — это парочка неуспокоенных душонок и обвалы. Но обвалы крайне редки, потому как аргумент не рассматривались. А жаль. По мне, так лучше бегать с боевыми ножами от зомби и упырей, спать по часу за рассвет и бросаться магией во все подряд, чем мирно плестись под горой в ожидании глыбы на твою голову. Ну не люблю я подземелья всякие. Они мне склеп напоминают. Запах отвратный, воздух спертый и слишком разряженный, дышать тяжело, до одури жарко и до рези в глазах темно. Но кто слушает «капризную банши», как окрестила меня Ратха. Естественно, мы, как прирожденные кроты, пошли к сердцу горы.

— У тебя просто отвратительные руки, — выдал Палан, и сам же споткнулся от своих слов.

Я не далеко от него ушла, в прямом смысле. Всего на шаг дальше приземлилась. Это что, плетение распалось?

— Э-э-э-э, у тебя нежные и мягкие пальчики? — неуверенно перевел Кайа.

И тут до меня дошло, Палану действительно понравились мои руки. Вот только из-за обратки он высказался диаметрально противоположно своим мыслям.

Всего ван на осмысление и на морде (по-другому язык не поворачивается сказать о его лице) Палана расцветает до жути пугающая улыбка. Как только щеки не треснули от натяжки. А я поняла, забота закончилась.

— Тебе есть стоит поменьше, а то шев на попе треснул, — скалясь как волколак на добычу, высказался зверобратец и в довершение дал все еще сидящей мне пинка. Слабенького, но весьма ощутимого для моей гордости.

Я так и осталась сидеть с широко раскрытыми глазами. Вот даже ответить нечего. Ведь мне как бы комплимент сделали, а в том, что на деле вышло наоборот, вина плетуньи. Так на кого мне стоит вывернуться, на кельпи или гоблиану?

— Ну, теперь это неинтересно, — и Кайа обиженно засопел, лишенный такого хорошего способа безнаказанно пообзывать свою Iani.

— До рукоприкладства дойдет? — хмуро поинтересовалась у шибко довольного кельпи.

— Нет, заноза в мягком месте мироздания, — ответили мне, — мне и слов вполне хватает.

— И на том спасибо, — подняла свою оброненную тушку и направилась дальше.

А что? Бить меня больше не будут, а на слова можно внимание и не обращать.

Осталось пройти всего каких-то три шага до развилки, когда меня окутало отчаяние, а из горла вырвался душераздирающий крик. Все замерли на месте и неверяще уставились на меня.

— Мы опоздали... — дальше говорить сил не было.

Песни лились одна за другой, но никто, кроме Атара, их не слышал. После крика смерти стало ясно, война началась, и наши несут потери. Мешкать больше времени не было.

Бросив телеги с продовольствием на жрецов, воины и плетуньи вместе с нами рванули на выход их подземелья. Всего пол вата и свежий воздух порывами начал обдывать наши лица. Подножие горного хребта. Перед взором лежит равнина, освещенная лишь вспышками магии с юга и востока, тогда как запад и север стоят во мраке проклятой ночи. Всевышние, почему именно в проклятую ночь?

— Ласкан, скажи, что ты видишь? — с плохо скрываемой надеждой спросила я.

— Прости, Суардана, но сила еще заблокирована, — виновато признался феникс. Отсутствие способностей расстраивает его не меньше, чем всех присутствующих. Вся военная стратегия была построена на Ласкане. Именно он должен был быть нашим информационным центром и докладывать об обстановке на фронте. Теперь мы слепы.

— Нужно открыть долину. Может, там твоя сила активируется, — приняла решение я.

— Я согласен с тобой, — ко мне сзади подошел Атар и положил свои большие ладони на мои дрожащие плечи.

— Это все проклятая ночь, — заговорил Широ, что стоял сейчас сбоку от меня, — именно ее приближение так влияло на наши способности. Возможно, подпространство станет тем самым щитом от сбоя, что вернет нам силы, — и эльф пристально посмотрел мне в глаза. В них была та самая твердость, что вытянула меня из безумия, та решимость, что воспитала во мне воина и та смелость, что не дала Широарту отступить от своего решения.

— Вперед, — твердо произнесла я.

До сих пор не знаю, почему меня все послушались. Но их вера в одну ненормальную банши была непоколебимой на протяжении всей этой страшной войны.

— Гату![1] — раздалось позади. Это Первая мать отдала приказ своему войску.

И мы сорвались с места, силясь перегнать ветер и опередить время. Глаза слезились от морозных потоков воздуха, горло саднило, а ноги перестали отвечать на команды мозга. Как зачарованные они несли меня к огромным деревьям у подножия горного хребта. Там, среди вековых гигантов затаилось наше спасение.

Не видя ничего вокруг, я поскользнулась на подмерзшей земле и непременно бы покатилась кубарем вниз, если бы не ловкость мага земли. Кашир с удивительной легкостью подхватил меня под мышки и дернул вверх, возвращая на ноги. А я ведь даже не видела, что он бежит рядом и страхует. Обернулась налево, направо, так и есть, все организовано бегут вокруг меня. Впервые такая забота не раздражала. Молчаливая поддержка была сейчас тем самым, что могло спасти всех нас.

А армия все бежала и бежала, не обращая внимания на наледь и резкое снижение температуры. Это не пещеры в глубине, где всегда тепло. Здесь уже вступает в свои права стихия льда и снега. И мы увидим все красоты искусницы зимы, нам бы только дожить до завтрашней ночи. Так мало, и так ужасающе много.

Еще всего пара тат и перед нами вырастает каменная, полуразрушенная временем и природой арка перехода. К счастью, это всего лишь украшение, и состояние врат никак не влияет на открытие портала.

— Открывай, — торопила я мага, распевая очередную песню.

— Спешу, как могу, — на высоком смуглом лбу выступил пот, — ты же помнишь, что мы откроем все четыре портала разом. По-другому расконсервировать долину не получится.

— Помню, — шепнула, прикрывая глаза, и тут же обратилась к фениксу, — как?

— Никак, — не менее напряженно отозвался Ласкан.

— Темень! — ругательство было громким и обоюдным.

— Я почти закончил. Как только открывается проход, первым идет феникс, — кивок от розового, — потом эльф, за ним кельпи, — снова кивки, и даже никто не спорит. Все осознают, времени нет.

— Следующий порядок перехода меня не волнует, — и Атар внимательно посмотрел на меня. То есть я иду за кельпи, и меня не собираются останавливать?

— Я за Паланом, — все же высказалась я.

— Не волнует, — повторился маг, а потом выкрикнул, — приготовились!

Все подобралось, а феникс и вовсе пригнулся.

— Не сори, — напутствовала я. Ведь эти вары могут спасти жизни, не стоит их тратить на возрождение.

Дальше говорить времени не было. Арка заискрилась, пространство между оставшихся стоять обломков пошло легкой рябью и вспышка! Когда я смогла видеть, в портал уже заходил Палан. Отставать я была не намерена, потому и вскочила в голубое марево вместе с Атаром, что тоже решил здесь не прохладиться.

— Портал! — громкий возглас разнесся по всему полю боя.

— Они добрались, — облегченно выдохнул полуифрит, стряхивая с ладони пепел очередного сожженного карателя. Увы, это всего лишь самые слабые неразумные. Разумные же так и не вступали в бой.

— Рано расслабляться, им нужно еще пересечь всю долину, прежде чем они доберутся до южного портала, — Алибаскаэль одним движением руки стер пот с кровью со своего лба, что уже начал щипать глаза, — нужно дать им время. Если проклятые в большом количестве пересекут грань, Динаристану и остальным будет гораздо сложнее удержать долину.

— Ну, тут и обсуждать нечего, — ухмыльнулся король Марона. — Маги! К бою!

Приказ был отдан. План заранее обговорен, теперь только вперед.

Две тысячи магов встали перед отступившим войском. Тишина. Выпад вперед, магические слова, и все в едином порыве впечатывают заклинание себе под ноги. Гигантская огненная волна выросла за миг и с невообразимой скоростью понеслась на врага, оставляя лишь обугленные фигуры нежити и нечисти.

Но этого было мало, разумных так не уничтожить. Потому следом три десятка эльфов вышли вперед, подняли руки вверх и зашептали, взывая к матушке земле. С последним произнесенным словом зеленоватое свечение, окутавшее тела магов, рвануло вниз, уходя глубоко под землю. Более вара ничего не происходило. Проклятые уже хотели контратаковать, даже позабыв про портал, когда твердь пошла трещинами, и из них вырвался зеленый свет. Магия земли в мгновение ока превращала в прах все, что должно было уже давным-давно покоиться в могиле.

Это было мощное заклинание, но, все же, не способное уничтожить разумных. К счастью, времени они выиграли достаточно. Всего десяток разумных прошел в портал, и не один больше не смог последовать за ними. Портал закрыт, воин кашир успел. Теперь объединенной армии оставалось лишь добить оставшиеся два десятка проклятых с их дюжиной драконьих умертвий. Даже если их всех здесь ждет смерть, они заберут проклятое войско с собой!

— Они успели, — прошептала потрескавшимися губами дочь леса.

Ее руки мелко подрагивали, сиюсь разорвать контакт с землей. Теперь можно было сосредоточиться на своем бою. Южные ворота закрыты, а к ним скоро подоспеет подмога.

Не описать того облегчения, когда за спинами защитниц замерцало покрывало перехода. Сотни воинов и плетуний из племени горных гоблинов вышли из портала и встали плотным строем перед израненными дриадами. Духов земли просто закрыли своими спинами, вынуждая отступить в тыл и залечить раны. Теперь настала очередь гордого народа встать на защиту долины и всего мира от амбициозного монстра.

— Ахирв![2] — разнесся рокочущий голос вождя, призывая к действию.

Все воины выступили вперед. Построение было непривычным. Один воин закрывал собой плетунью, что уже приступала к плетению проклятий и порчи, а двое остальных выступили вперед. И эти четверки плотно стояли друг к другу, создавая первый плотный ряд воинов, второй более разряженный и третий ряд плетуний.

На самом деле стратегия была идеальной. Увы, но чтобы наслать проклятие или порчу, нужна была частичка того, кого проклинаят. Воины это знали, потому атаковать выпала честь только первому ряду, второй оставался в защите.

— Зи крух![3] — и первая линия воинов рванула на врага.

Горные гоблины были высокими и гибкими существами, а потому большинство нежити и нечисти было им по подбородок и сильно уступало в маневренности. Оттого бой был похож на резню. Воины легко орудовали своими серпами, выбрасывая их вперед и снося головы неудачливым противникам. Ни один зомби даже приблизиться не смог к гоблинам не лишившись при этом головы.

Пять вар длилось обезглавливание, а потом вождь скомандовал отступление. Каждый воин взял по одной голове и невозмутимо понес ее к своей плетунье. Теперь через связь подчинения между проклятыми и зомби можно было легко проклясть первых, завладев частичкой подчиненного.

Плетуньи заговорили свою магию, а их длинные пальцы проворно вплетали мертвые волосы в узелки проклятья. Теперь проклятым, что управляли зомби, не поможет и сам Всенижний. Столько заговоров на смерть не выдержит даже уже мертвый.

Так и произошло. Тридцать два проклятых осыпались прахом с последним словом последней плетуньи. Значит, оставшиеся двадцать восемь не управляли нежитью, и справиться с ними будет гораздо тяжелее.

Тяжелее не то слово. Проклятые не просто перестали поднимать зомби и умертвия, они пустили в атаку волколаков и упырей, что сейчас не подчинялись магии. Эта нечисть уважала силу и присягнула на верность Коршуну. Их частички ничего не дадут плетуньям. Они могут проклинать врага поодиночке, максимум небольшие группы, тратя на это много времени и сил, а результат будет мизерным. Тот же рядовой гоблин убьет в два раза больше врагов за меньшее количество времени. Но помощь плетуний все равно была неоценимой. В такой заведомо проигрышной ситуации, даже крохи поддержки были на вес золота.

— Достать проклятых, — взвыл вождь. И это было самым мудрым решением, поскольку карателей контролировал сам некромант. Частичка любого из разумных даст им шанс наслать проклятье на первопричину их войны.

Воины беспрекословно выполняли приказ, но добраться до разумных не было возможности. Теперешний враг был намного сильнее, быстрее и ловчее зомби. А еще противник мог думать и анализировать. Такое явное преимущество в начале боя, теперь было окончательно потеряно.

— Отправить в тыл жреца! — рыкнула возглавляющая плетуний гоблиана.

Тут же один из гоблинов оставил не до конца залеченную дриаду, но уже вполне ожившую, и рванул в портал. Около двух десятков жрецов-лекарей были оставлены у портала для оказания первой помощи. Сам же лазарет был на территории долины, и организовали его сразу по прибытии. Теперь же ситуация ухудшилась, и нужно было доложить главнокомандующим. Гоблинам не выстоять долго, как не трудно это осознавать.

Только переступив границу портала, я резко начала видеть. Здесь ночью все вокруг освещали три луны. Атар лично создал их вместе с долиной и наделил мягким, но вполне ярким светом. Именно этот свет позволил с легкостью увидеть весь мой дом как на ладони. Северный портал был на возвышенности, и весь ужас покинутой и мертвой долины предстал у меня под ногами. Пустые, покрытые черным пеплом равнины, лысые леса и высохшие до потрескавшегося песка реки. Но страшнее всего для меня были скелеты домов, что в разнобой стояли по всей долине и в ряд в городе, и не съеденные моим туманом тела погибших женщин и детей. Не все поглотила моя сила. Атар пятьсот весен назад остановил меня, но теперь я не уверена, что так было лучше.

— Они давно мертвы, и ты уже наказала сама себя, — кашир стоял сзади, и его дыхание шевелило каштановые волосы на моей макушке, — хватит! Теперь мы должны спасти тех, кто еще жив.

— Я не собираюсь впадать в истерику, — твердо ответила я. И это, как ни странно, подействовало больше на меня саму.

— Я вижу! — выкрикнул феникс, и мы все кинулись к нему.

— Южный — прорыв. Пол войска.

Всечувствующие, неужели осталась только половина от целой армии.

— Но им еще есть чем удивить, — хитро улыбнулся Ласкан, в то время как его глаза оставались безэмоциональным отражением вселенной.

— Восток? — перебил его Широ.

— Восточный на последнем издыхании. Им срочно нужна подмога.

Дальше ничего говорить не надо было. Атар с Широ рванули к южным воротам, а Ратха отдала приказ оказать военную поддержку на восточном проходе.

— Теперь, что с западным порталом? — продолжила пытаться феникса, когда основные силы уже ушли на помощь остальным.

— Пусто, — голос был ровным и спокойным. Ну, это у него, а я взорвалась.

— КАК!?

Меня трясло. Гнев выворачивал всю душу. Как посмели эти твари второй раз не явиться на наш призыв. Как смогли проигнорировать приказ.

Я отыскала глазами Палана и всего в два прыжка настигла коня. Я не собиралась говорить, мои руки просто душили эту мразь. Такую же лживую и изворотливую, как и все его сородичи. Эти существа не должны жить, и в первую очередь сам Палан.

Кельпи не сопротивлялся, смиренно принимая свой приговор. В этот раз даже Кайя не посмел умолять меня о снисхождении. Все осознали, что не явка кельпи прямая дорога к поражению и смерти. Что будет со всем Синулом и остальными мирами, даже думать не хотелось.

— Пришли!?! — и этот окрик привел меня в чувство.

Даже убив Палана, я ничего не изменю. Переборов жгучую ненависть к водным духам, я отступила от кельпи.

— Кто? — закономерный вопрос.

— Кельпи.

— ЧТО? — не стоит уточнять, что сейчас удивление начало стремительно заменяться виной.

— Они только что прошли через врата, — феникс все так же взирал в никуда, — почувствовали нас.

— Палан, — кельпи мгновенно оказался рядом, — можешь связаться с ними?

— Нет, безродная чувырла, — и ни капли злорадства в его словах, — здесь нет воды. Мы общаемся только через нее.

— Значит, идем к городу и там разбиваем лазарет и штаб. Он как раз находится между всеми порталами.

Согласились со мной все. Ратханге быстро отдала нужные приказы жрецам и те бодрой рысью умчались в город. Я старалась не отставать, вот только вести феникса в транс быстро не получалось.

— Сади его на меня, идиотка, — предложил Палан, даже не поворачивая ко мне своей лошадиной головы.

— Ласкан, садись верхом, — и я подтолкнула хранителя истории к боку вороного жеребца. Через вар феникс благополучно ехал верхом.

— Усадила бы свои древние кости на Кайю. Развалишься еще от старости, — поступило новое «деликатное» предложение.

— От такой заботы, хочется только отвернуться, — буркнула и быстрым шагом направилась подальше от кельпи.

И только сейчас поняла, что он думает искренне. То есть, кельпи на самом деле хотел подбодрить меня и сказать что-то приятное, вот только заговор ему мешает. Палану действительно нравились мои руки и еще одно место пониже. В мыслях не совершь, а обратка рассчитана именно на них.

— Прости, — устало выдохнула я.

Кельпи дернул ухом, но промолчал.

— Давай, сниму плетень, — и я подошла к коню.

Одно движение и мой волосок легко выпадает из гривы Палана.

— А мне даже понравилось, — и я увидела хитринку в его мутно-голубых глазах.

— Давай быстрее. У нас, вообще-то, война, — напомнила я, осторожно продвигаясь по выжженной земле.

Смотреть куда угодно, только не вокруг было моим стремлением с самого входа в долину. Нельзя сейчас раскисать, а это непременно случилось бы со мной, начни я осматривать последствия прошлой трагедии.

— Haran![4]

Гул множества глоток застал меня врасплох. Дернувшись в сторону от источника звука,

напоролась на Палана. В отличие от меня, зверобратец был невозмутим. Я же растерялась. Когда перед тобой сотня шикарных, почти обнаженных мужчин стоит на одном колене и приклоняет головы, кто хочешь дар речи потеряет. И все это полуголое воинство подчинялось брату моего Кайи. Глядя на мощь кельпи, я была крайне рада, что водные духи выбрали именно его новым вождем.

— Встать, — сухим тоном приказал Палан и посмотрел на меня.

Это он от меня распоряжения ждет. Тьма! И куда этих зубастых монстров отправить?

Тем временем водное племя поднялось с колен. Эта масса животной силы источала волны нескрываемой опасности. У меня мурашки пошпи по всему телу и захотелось съежиться в комок и укатиться от этих хищных взглядов. Да как вообще можно поставить себя выше этих чудовищ и управлять ими. Если только они подчиняются бледным и мямлящим полководцам, запуганным до полусмерти, то я им подхожу как нельзя кстати. Вот только что-то мне подсказывало, это не так. Всезнающие, что делать?

Палан толкнул меня плечом, приводя тем самым в чувства. Ну это он так думал. На самом деле меня слегка качнуло, и я с диким ужасом поняла, что шаг вперед приблизит меня вплотную к первому ряду кельпи. Так стремительно извернуться, как это сделала я, и отступить еще на два шага можно только в крайнем случае, где неудача грозит смертью.

— Кто эта человечка? — прожурчал сребровласый кельпи с угольно-черными глазами и какой-то странной руной на запястье.

Вопрос был задан на всеобщем, но с таким презрением, что даже меня от отвращения передернуло. Спустя ван до меня дошел и смысл сказанного. Ну что сказать, он прав, не гожусь я им в командиры.

— Сушка!

Ох как я вздрогнула! Окрик ударил как молот по оголенным нервам. Здорово кельпи меня прижали, даже стыдно.

Взяв себя в руки, я обернулась на крик. Ко мне со всех ног неслась Первомать. И плевать, что могла посылного отправить. Сейчас не до официальности.

— Что? — быстро взяв себя в руки, стала дожидаться, когда Ратха добежит до меня.

— Восточный! Потери! Только что пришел магический вестник от жрецов! Противник: волколаки и упыри. Воинам туго. Плетуньи почти бесполезны! — гоблиана не стала церемониться и выдавала всю информацию на ходу.

— Ятаган орку в зад! — прошипела в лучших традициях кельпи.

— Миледи, — Палан все еще ждал моего решения.

— Что? — ошетибилась я и тут же посмотрела на духов воды, — вы все еще здесь? Кы-ыш-ш-ш-ш! И чтоб через пять вар были у восточного! Хоть одна плетунья пострадает, лично глотку перегрызу!

— Да, Tara Iani[5], - ответил с поклоном тот самый мощный кельпи с серебряными волосами и переливающимся ониксом глаз.

Вот кони стояли здесь, и вот их уже нет. Всевышние, и кому я глотку пообещала перегрызть? Да я до нее даже не допрыгну!

— Великолепно, — и это не было издевательством.

— Ты о чем?

— Я не имею понятия, какой была моя миледи в прошлом, но сейчас даже Всенижний не сможет меня убедить, что вы способны на срыв.

— Давай уже перейдем на ТЫ. Ты и так скачешь от официоза к панибратству.

Остановимся на взаимопонимании.

— Давай, — легко согласился кельпи, — ты правильно показала себя перед моим народом. Мы уважаем только силу. А она из тебя разве что не лилась наружу.

— Что-то не верится, — я скосила глаза на коня.

— Иначе они тебя не послушались бы.

Даже не знаю, что нашло на меня в момент появления Ратхи, но я поступила с кельпи так, как обращалась бы с Паланом. Неужели эти месяцы совместного путешествия выработали у меня иммунитет к кельпи и способности по управлению ими. Тогда я больше не стану жалеть, что этот довесок достался мне вместе с Кайей.

Больше мы не откровенничали. Я старалась продумать новые способы атаки, отдавала распоряжения, когда в этом была необходимость. Как никак, именно я была второй правительницей Долины трех лучей, мне и карты в руки.

Уже через пол вата в центре когда-то густонаселенного, процветающего города был установлен шатер-лазарет и еще один шатер для военных советов, он же штаб.

К счастью, кельпи прибыли вовремя и ситуация у восточных врат выровнялась. Было правильным решением без особых расшаркиваний, опираясь на полученную от Ласкана информацию, отправить коняшек к гоблинам и дриадам. Там явно не хватало физического фактора.

Эльфы с людьми держались, постепенно уменьшая количество разумных проклятых с помощью магов. К тому же, им было куда отступать.

— Они долго не продержатся, Дана, — вдруг отмер Ласкан, — Коршун отправил свои человеческие войска к южным вратам.

— Сколько их? — застыла на месте, ожидая ответа.

— Больше ста тысяч.

— Твари тьмы пожри их! — выругалась я, села на корточки и прижала ребра ладоней к губам, — им надо уходить, Ласкан.

— Тогда войска Гарны и Ритара пойдут на восточные врата, — объяснял, по сути, прописные истины феникс.

— Темень! — новое ругательство и не столь культурное вырвалось следом за первым, — Атар закрыл южный портал?

— Да, а так же северный.

— Они перебили прорвавшихся проклятых? — стараясь скрыть волнение, задала уже ват вертевшийся на языке вопрос.

— Да. Широварт использовал свою магию. Атару даже не пришлось вступать в бой.

Выдох был слегка судорожный, но полный затаенного облегчения.

— Сушка, — вырвала меня из размышлений первомать, — почему бы не закрыть все порталы?

— И оставить твоих сородичей проклятым? — я даже встала с корточек.

— Нет, пусть отступают в долину.

— Ратха, ты дура? — с полной серьезностью осведомила у гоблианы.

— Что не так? — не обиделась подруга.

— Никто не даст им отступить, это раз, и мы не выживем в абсолютно мертвой долине в осаде, это два.

— Уйдем через северный портал и потом подземельями.

— Ратха, ты прости, но тогда зачем вообще нужно было затевать эту войну? — гоблиана

не ответила, и я продолжила, — Коршун не какой-то там зарвавшийся мальчишка, захотевший власти. Он монстр и очень могущественный. Уйдем сейчас, он просто выследит нас, захватит Атара, и прости-прощай долина и весь наш мир!

— Твою ж первомать! — плетунья смачно сплюнула себе под ноги.

— Именно, поэтому кончай искать пути бегства и начинай думать о стратегии.

Я устало опустилась прямо на черную землю, свернулась калачиком и стала думать, как нам спасти самих себя и долину.

— Баск, — прошептала в пустоту, не ожидая ответа.

Связи из долины с войсками не было. Магические вестники могли перемещаться только в подпространстве или за его пределами, но не между долиной и внешним миром. Потому и носились жрецы через портал как оголтелые. Слава Всечувствующим, уже вне долины Баск смог получить нашего вестника. На них идет сотня тысяч солдат. Как же ты повел себя, братишка, когда понял, что вам не выбраться оттуда?

Нет, я должна что-то придумать. Хоть что-нибудь! Я не могу позволить им всем умереть, не в этот раз. Не в этой жизни!

[1] Вперед!

[2] Воины!

[3] В бой!

[4] Вождь!

[5] Верховная хранительница

Глава 16 Объединенная армия

Если на кону судьба народа — ошибаться не имеешь права.
Если судьба мира — никто не будет помнить твоей ошибки.

На восточном поле боя стояла непривычная тишина. Бой остановился сам собой, когда из портала выскочил табун из сотни разномастных жеребцов. Волколаки застыли на месте и, скалясь, отчего верхняя губа сильно задиралась наверх, попятились назад. Реакция упырей была не менее впечатляющей. И так острые когти удлиннились до предела, а мертвые глотки зашипели с удвоенной силой. Отступление вражеской армии было внезапным и одновременным. Но кельпи это не заботило. Когда поддержка в лице водных духов достигла края фронта, вперед выступила сотня стройных мощных мужчин. Момент смены ипостаси даже стоявшие вплотную к кельпи гоблины не смогли уловить. Ошарашенные как союзники, так и враги не сразу поняли, что вот уже несколько вар накрапывает мелкий дождь. Появление водных духов было столь фееричным, что моросячка просто осталась в стороне. Зря. Очень зря никто не воспринял слезы небес за угрозу.

— Отступайте, — сребровласый кельпи лишь взглянул на вождя гоблинов и тот беспрекословно подчинился.

Было что-то в этих чарующих существах, что заставляло кровь в жилах застывать и испытывать священный ужас.

Ведущий кельпи что-то рыкнул, и вся колонна мгновенно сорвалась с места. Да уж, такая скорость гоблинам и не снилась. Кельпи не уступали упырям, от чего последним было явно туго уклоняться. Водные духи рвали врага на клочки, но их численность все еще была много меньше вражеской. Вот тут-то и оценили проклятые всю опасность дождя.

Когда кельпи достигли середины вражеского войска, и были полностью окружены, разумные уже праздновали победу. Их мертвые лица растянулись в жутких улыбках, за которыми клубилась тьма, а фигуры оставались неподвижными. Смерть водного народа была неизбежна, это осознали все. Миг, когда на каждого коня было по десять врагов, ознаменовал конец боя. Упыри замахнулись крючковатыми руками, волколаки бросились с раззявленными пастьями и... И вспороли пустоту!

Осознание не успело наступить, когда позади проклятых появилось пятьдесят мокрых, абсолютно невредимых кельпи. Уже срачивая оторванные в момент головы, проклятые поняли — Galad Isilme. Отражение лунного света. Они дрались с копьями. Но с какого момента нападавшие разделились и смогли подменить себя, было загадкой.

Когда водные духи добились своего, сорвали волосы с каждого разумного, воины мгновенно отступили. Те две дюжины, что остались от второй полусотни, и дрались на поле боя, прикрывая своих скрывшихся товарищей, так же продвигались назад в тыл, попутно добивая врага.

Раненым соплеменникам передали трофеи сорванные с голов проклятых и отправили

к плетуньям, в то время как не воевавшая половина осталась отбиваться от наступающего противника. Каратели осознали всю степень угрозы и уже не скалились в улыбках. Теперь они полноценно атаковали наравне с упырями и волколаками.

— Вот, — огненноволосяй кельпи, весь в собственной синеватой крови, протянул клочок волос одной из плетуний.

— Грахе[1], - выдохнула гоблиана и приняла так необходимый для заговора на смерть предмет. Кельпи явно не знал аргшианг, но смысл понял и улыбнулся в ответ. Такая не уместная на войне вещь, как улыбка, сейчас была как нельзя кстати и ободрила юную девушку, только недавно ставшую полноценной плетуньей своего племени.

Увы, но обстановка требовала действий, и гоблиана вся с головой ушла в работу.

Только получив частицу проклятых, плетуньи тут же начали плести свое проклятие. Ведь от их скорости и профессионализма зависело, сколько еще погибнет союзников.

Украдкой поглядывая на все еще стоящего рядом молодого кельпи, гоблиана, тем не менее, шустро заканчивала свое плетение. Почему мужчина не ушел подлечиться к жрецам, как все остальные пострадавшие, девушка не знала.

— Рух варг[2] — не отрываясь от своего занятия, заметила плетунья. Однако сейчас ее не поняли, и гоблиана попыталась объяснить, — рухка, — и провела поперек своего плеча, — пьергелом.

Кельпи растерялся, но почти сразу переспросил:

— Перелом руки?

Плетунья кивнула и завязала последний узел в плетении. Удивительно, закончила она одна из первых. Когда же все плетения были завершены, поле боя огласил громкий напев заговора. Плетуньи на одном дыхании закончили проговаривать проклятие, и волна их силы незамедлительно рванула к разумным. В прах каратели превратились одновременно. Какое влияние проклятие оказало на некроманта, неизвестно, но то, что навредить плетуньи смогли, никто не сомневался.

— Молодец, — раненный кельпи так и не покинул плетунью, — Райга, — и он указал пальцем здоровой руки на себя.

— Згула, — смутилась гоблиана, но имя, все же, сказала.

Рыжеволосяй конь широко улыбнулся, чем привел свою собеседницу в ужас. Ярко салатные глаза удивленно расширились, смотря в испуганные рыже-карие. Мужчина явно не понимал, чем вызвал такой страх у зеленовласой девушки.

— А-а-а, — спохватился кельпи и перестал скалиться, — такие вот мы клыкастые, — и виноватая улыбка лишь губами. А потом водный дух решил за лучшее и вовсе отвернуться, стараясь не пугать девушку.

— Изгвени, — голос гоблианы прервал предсмертное скуление волколаков и вой упырей, которых теперь с легкостью добивали кельпи вместе с гоблинами. Она явно смутилась собственной реакции на молодого кельпи.

Когда Райга снова повернулся к плетунье, девушки уже там не было. Растерянно мотая головой, кельпи не сразу понял, что его рыжие волнистые волосы что-то оттягивает.

— Охр[3] — раздалось из-за спины.

Кое-как извернувшись, водный дух смог увидеть плетунью. Но что она делала с его волосами, оставалось для него загадкой.

— Цыург[4] — тихо выдохнула плетунья и осела на землю. Она отдала слишком много сил, а последние истратила на незнакомца. Почему плетунья из племени горных гоблинов

сотворила оберег для совершенно чужого существа, она не знала, но это казалось единственно верным решением.

— Что ты сделала?

— Обьберг, — еле слышно просипела гоблиана.

— От чего?

Кельпи сразу понял, что хотела сказать плетунья, и задал совсем не тот вопрос, который хотел: «почему?». Это было гораздо важнее.

— Смьерт насильственга.

Райга опешил. Оберег от насильственной смерти был крайне энергозатратным и очень сложным. Как молодая плетунья смогла его создать и почему?

Гоблиана ответила сама, не дожидаясь расспросов:

— Чьясть мьенга[5], - и перекинула темно-зеленую косу на грудь. В середине плетения ежиком торчала срезанная на половину былой длинны прядь.

Райга мотнул головой, заставляя огненный водопад стечь на широкую грудь. Так и есть, его волосы сплетены в замысловатые косы и сети, где каждую рыжую прядь разбавляют темно-зеленые волоски.

Теперь кельпи явно был еще больше ошарашен. Никто и никогда не делал что-либо для него, для его защиты. Их народ воспитывался жестокими воинами и слабых просто съедали. Пусть сейчас они смогли все изменить, но прошлое еще не скоро отпустит водных духов из своих мерзких лап.

— Сьильнга защит[6], - прошептала девушка, не видя потрясения воина. Ей слишком сложно было поднять голову и посмотреть на кельпи.

Но вот рывок, и, пошатываясь на неверных ногах, Згула поднялась. Ее дрожащая ладонь легла на грудь мужчины там, где разгоняло свой бег мощное сердце хищника.

— Помьочт[7] — и карие глаза с рыжими прожилками пристально всмотрелись в лицо Райги.

Гоблиана была всего на ладонь ниже кельпи и стройностью ему не уступала. Стоя рядом, совсем близко, они почти не отличались друг от друга. Что такое цвет кожи, глаз и волос, когда существа понимают друг друга и способны на самопожертвование. Когда сердца бьются в унисон, разгоняя кровь.

— Мне дарит защиту маленькая плетунья, ослабленная, на грани обморока, когда собственные родители, первые охотники Журчащих во тьме, не защитили и словом, — Райга криво ухмыльнулся, — воистину мир удивителен.

Кельпи обнял двумя ладонями тонкие пальчики плетуньи, застывшие на его груди и мягко поцеловал каждый.

— Я благодарю тебя, дочь горных гоблинов, за дар, что для меня дороже жизни, — глаза водного духа блестели, душу переполняла радость, благодарность и боль застаревших ран, что были вскрыты добротой девушки.

— Ш-ш-ш-ш, — прошипел Райга. Рука все-таки была сломана и к бурным изъяснениям радости не была готова. Резкая, отрезвляющая боль была тому свидетельством.

Но, ни рука, ни эмоции не помешали кельпи поднять молодую плетунью на руки и отнести к шатру жрецов в долине. Гоблиана сильно истощила свою энергию, а Райга ранен. Никто не обратил на странную парочку внимание, пока они продвигались к лазарету по выжженной пустыне. А по прибытии помощь была оказана быстро и качественно. Кельпи невольно вспомнил банши, что руководила обороной восточного и южного прохода.

Решительная, сильная духом. Она смогла отлично организовать полевой госпиталь и систему связи, а ее решения были мгновенными и самыми верными. Интересно, что же пережила эта женщина, чтобы так отчаянно сражаться за эту Всевышними забытую Мертвую долину?

— Дана, я прошу тебя, вставай! — умоляющий голос гоблианы был пропитан тревогой.

К сожалению, я не могла ей помочь, ноги не слушались, отказываясь встать с мертвой земли. Решение не спешило приходить в мою бездарную голову, а значит, положение тела не так уж и важно.

Всечувствующие, у нас всего один шанс удержать долину, но цена за него непомерно высока. Южная армия будет разбита и уничтожена вместе с врагом, и тогда мы отстоим Три луча. В противном случае все было напрасно. Любое другое решение приведет к захвату подпространственного кармана и смерти нашего мира.

— Алкай, — собственный голос превратился в карканье.

— Да, красавица, — оборотень был как никогда серьезен, и огоньки веселья больше не плясали в его желтых глазах.

— Поднимай стаю.

И он меня понял. Это рискованный шаг. Да просто безумие, но оно даст нам хоть призрак надежды.

— Ты уверена? — все же не сдержался оборотень.

— Как никогда, — и неизвестно откуда взявшиеся силы подняли меня с сырой земли.

— Снег пошел, — отстраненно заметила Ратха.

— Да, за пределами долины тоже, — как в трансе сообщил феникс.

— Ласкан, как восточный?

Я смотрела на падающий крупными хлопьями снег и думала о том, что не хочу видеть его красным. А он непременно будет обгажен кровью. Это то, что нельзя изменить.

— Они разгромили врага. И... ГРЫМЦ!

Все резко оторвались от созерцания снегопада. Феникс лежал на полу и его тело сотрясали судороги.

— Рубин!

Ласкан молчал, а из уголка рта показалась струйка крови. Темень! У него явное перенапряжение.

— Данка, — прохрипел с пола бледный феникс, — прости, но я больше не смогу видеть.

— Как долго? — меня прошиб холодный пот.

— Неделю, банши, неделю, — измученная улыбка посиневших губ, и он отключился.

— Ш-ш-ш-ш, — Всечувствующие, и это банши? А шиплю как кошка.

— Сушка, мы в полной ж...! — мягко выразилась Первомать.

— Мы оттуда и не вылезали, если ты не заметила, — резко бросила я и рванула к выходу из палатки. Откинула тяжелую ткань в сторону и что есть силы крикнула, а голос у банши ого-го!

— Кто из раненых прибыл с восточного за последние десять вар! Ко мне!

На миг мир вокруг меня замер. Жрецы остановились как вкопанные. Кто с занесенной для шага ногой, кто с бинтом во время обмотки чьей-то раненой конечности, а некоторые и вовсе попадали на землю, будто их придавило прессом. Это же и раненых касалось.

— Я с восточного, Tara lani.

Из одной из палаток первой помощи выступил высокий огненноволосый кельпи. Ярко салатовые глаза сильно не вязались с внешностью стандартного коня. Обычно духам воды присущ оттенок радужки более мутный, мягкий и водянистый.

— Сколько воинов на ногах? — не теряя времени, задала вопрос жизни и смерти.

— Около пятидесяти кельпи, все плетуны и триста гоблинов.

— Проклятье!

Так сильно свела челюсти, что даже кельпи, стоящий в пяти тарах от меня услышал раздражающий скрежет моих зубов. Это было видно по тому, как он передернул плечами.

— Ты, — я вновь обратила все свое внимание на рыжеволосого, — как твое имя?

— Райга, Tara lani, — и он слегка склонил голову.

— Хватит тараланькать мне! — вышла я из себя от того спокойствия, что владело кельпи, — сейчас сломя голову несешься к восточному, собираешь выживших... как там дриады, кстати? — прервала я собственную речь.

— Выжили не многие, состояние не боеспособное.

— Лич-паралич! Просто ш-ш-шикарно! — снова зашипела я.

— Дана, что ты задумала? — из шатра высунулась серо-зеленая мордашка Ратхи.

— Отлично, ты мне нужна. Пстой-ка пока здесь, — и я, схватив ее за руку, дернула к себе.

— Кхм, — удивилась гоблиана моему порыву, но смолчала.

— Теперь с тобой. Собираешь всех и тащишь в долину. Абсолютно всех! — подняла указательный палец к лицу Райги, показывая, что мои слова очень важны, — дальше, тех, кто может сражаться, строишь и ведешь к южным воротам. Там тебя будет ждать Широ...м-м-м... Динаристан, хранитель какого-то там равновесия. А-а-а, орки заруби, не суть важно! Встретишь белобрысого эльфа, ему будешь подчиняться. Информация дошла?

— Дошла, Tara...

— Загрызу, — честно пригрозила кельпи.

Замолчал, кивнул и исправился.

— Я могу идти?

— Ты можешь бежать! Марш! — крикнула я на коняшку.

Ух, как он припустил. Вот что значит нечеловеческая сила. Эх!

— Ратха, — я так резко набросилась на подругу, что та непроизвольно дернулась от меня, — ты можешь связаться с Широ.

— Конечно, сейчас вестника отправлю и...

— Нет! — нагло перебила первомать, — мне нужен прямой разговор в настоящем времени.

— Хм.

Гоблиана задумалась, приложив большой и указательный пальцы к подбородку. Через две вары Ратха отмерла, и глаза ее заблестели. Точно придумала что-то.

— Ты же вплела свои волосы эльфю?

Кивнула.

— Тогда я соединю ваши сознания, — я уже хотела ее расцеловать, но меня остановили, — учти, сколько связь продержится, не знаю. Может вар, а может и ван. Тут все от вашей совместимости зависит.

Я скривилась. С совместимостью у нас ситуация патовая. Ведь сам мир эту

совместимость превратил в отторжение нами друг друга.

— Не хмурься, я сильная плетунья. Даже если весь Синул ополчится на нас, пару вар я вам дам.

Ох, не представляет подруга, как близка к истине.

Все, что нужно было для привязки моего сознания к сознанию эльфа — плетение связи. Прядь моих волос в обереге Широ должна послужить катализатором для образования канала ментального общения.

Ратха провозилась с плетением всего каких-то пять вар, а потом зашептала на аргшианге приговор.

— Готово. Теперь мысленно позови его.

Я и позвала. Села в позу для медитаций и начала громко думать.

«Широ! Эльфооборотень! Вислоухий!» — никакого отклика. Да чем же он там так занят?

«Любимый!» — изо всей ментальной мочи заорала я.

«Су!!!!»

О, не знаю, как громко звала я, но эльф явно меня переплюнул.

«Наконец-то!»

«Как ты смогла пробить мой ментальный щит?!» — он был явно ошарашен той беспардонностью, с которой я ввалилась в его сознание.

«Все потом! У нас не так много времени. Войска людей идут на Баска. Их просто раздавят!»

«Что?! И как далеко они от южного»

«Всего в вате пути»

«И ты мне об этом только сейчас говоришь!!!» — как же на меня рычали.

«Потом обсудим мои решения и их последствия»

«Тьма! Банши, чем ты вообще занимаешься там?!»

Это восклицание я проигнорировала и продолжила вещать.

«Сейчас мне нужно, чтобы Атар открыл южный портал, но только тогда, когда к вам придет подкрепление. Я уже послала за ним».

«А что с восточным?»

«Нужно заблокировать».

«Я так понимаю, ты хочешь, чтобы мы напали на проклятых со стороны долины, разгромили их и соединились с войсками Али и Альхерта?»

«Именно так. Тогда вход в долину будет под нашим контролем, а армия не будет раздроблена. Вы сможете отбиваться, зная, что позади есть долина.»

«Су, любимая, мы не отступим ни при каких обстоятельствах»

И связь оборвалась.

Темень! Это он хочет сказать, что в случае тотального разгрома они не отступят в долину, а предпочтут сражаться до конца? Орки задери, я ведь именно так и представляла себе наше положение, но послать их на верную гибель... Всечувствующие, я не могу!

— Дана, ты все правильно сделала. Единый фронт, единая армия и последняя схватка. По-другому мы проиграем.

Ратханге нежно гладила длинной прохладной ладонью по моей голове, успокаивая и пытаясь донести до меня то, что я и так понимала. Но понимать и принять — две диаметрально противоположные вещи!

— Суардана, я пойду воевать вместе со своими, — прерывая поток слов Ратхи, объявил Палан.

— Скачи, если подохнуть приспичило, — желчь так и лилась из меня.

— Связи с внешним миром больше нет, — сказал очевидное кельпи, — феникс в отключке, порталы скоро все закроют. Долина будет изолирована, а не в моих правилах отсиживаться, когда гибнут сородичи.

И он стремительно вышел вон.

— И не в моих, — ответила уже покачивающейся ткани у выхода из шатра, пусть слов от меня и не ждали.

Упыри приبلудные, а ведь после снегопада образовалось много влаги. Для кельпи это отличная подпитка. Еще одно преимущество для нас.

— Ратха, я иду на поле боя!

Резко подскочила, дала головой гоблиане по подбородку, но она этого будто и не заметила, зато расслышала меня прекрасно.

— Свихнулась?! Да нас кашир с Динаристаном укатают в пыль, если с тобой хоть что-то случится!

— Успокойся! Алкай уже должен быть у восточного. Атар открывает южный. Чтобы магу закрыть за воинами южный портал, нужно вар пять. Еще пятнадцать до восточного. У нас максимум двадцать вар на то, чтобы добежать к восточному portalу и выйти из долины.

Плетунья так и осталась сидеть в шатре, а я выбежала в ночь освещенную тремя лунами. Несмотря на неплохую видимость, я все-таки наткнулась на кого-то и полетела на землю. Ободранные ладони были лишь небольшим неудобством, которому я не позволила влиять на мой настрой.

— Данка? — удивленно спросила кучка плоти и костей подо мной.

— Ласкан? Но как? — я смотрела на вполне здорового феникса и ничего не понимала. Он вообще-то сгореть должен!

— Это плетуньи постарались. У них еще остались силы, и гоблианы дружно решили помочь одному несчастному, вечно убиенному фениксу, — и шкодливая улыбка заняла свое законное место на лице хранителя истории, — жаль, что действие оберега не продлится долго.

Из-за спины выглядывало множество косичек, хитро собранных в плетение и перетянутых на конце кожаным шнурком. Необычно было видеть феникса таким, но ему однозначно шло.

— Так плетуньи уже в тылу? — уточнила я.

— Давно, пол вата как, — удивился моей неосведомленности феникс. Ну не говорить же ему, что я эти пол вата в раздраз от безвыходной ситуации пребывала.

— А собственно, куда это ты направлялся? — подозрительно глянула на Ласкана. Ведь неслось это чудо совсем не к шатрам, а скорее, наоборот.

— Полагаю, нам в одну сторону, — подколот меня рубин. Как же, как же, мы же тоже заметили, что банши далеко не в тыл намылилась.

— Тогда вставай и бегом. Времени почти нет.

— Эй, а ты куда? — спросил Ласкан, когда я направилась к одной из палаток на

окраине.

— За сообщником в деле побега, — отмахнулась от феникса и нырнула в маленькое временное жилище.

— Кайа, ты спишь? — прошептала в глубину палатки.

— Ага, весь рассвет проспал. Не видишь, какие здоровые круги под глазами от хорошего сна, — саркастически заметил кельпи и тут же предстал передо мной. Точнее, он и так был передо мной, просто, пока глаза к темноте не привыкли, я его не видела.

— У нас побег, мелкий.

Глаза моего кошмарика тут же засияли.

— Я с тобой! — тут же поспешил обеспечить себе место в моем сопровождении Кайа.

— Иначе бы не будила. Меняй ипостась, и поскакали отсюда. Сейчас Ратха отойдет, и меня спеленают. Тогда прощай побег и битва.

Этих слов было достаточно для ускорения мелкого. Уже через вар мы галопом скакали к восточному порталу. Я на Кайе, Ласкан же огромной птицей летел над нашими головами.

Розовое переливающееся оперение крыльев феникса на конце было сиреневым, а длинные перья на хвосте и вовсе отдавали фиолетовым. Шикарный представитель своего рода.

Портала мы достигли всего за десять вар. Вот только никто не ожидал, что нас встретят.

— Ай-яй-яй, сестренка. И не стыдно тебе?

— Ты о чем? — сидя на созданном из текучих потоков эфира диване, черноволосая девушка читала какую-то книгу из мира живых и делала вид, что ее собеседника и вовсе нет.

— Пробить ментальный щит собственного сына, как коварно.

Двигаясь плавной походкой, брюнет перетекал из одного места в другое, от чего его фигура казалась слегка подернутой черным туманом. А если проще, то самой настоящей тьмой.

— Какой щит? — продолжала отстаивать свое неведение Ку.

— Разрыв которого считается нарушением равновесия, — тихий гортанный шепот на ухо черноволосой красавицы мог показаться слишком интимным, но девушка привыкла к поведению соблазнителя и непревзойденного искусителя, коим являлся ее брат.

— Тьма, милый. Ты человеческих пороков переел? Я не нарушаю законы, которые сама и создала, — и сестра впервые посмотрела на своего брата.

Короткие, черные, как самая темная ночь, волосы, почти черные глаза, с еле заметными волнами белых волн на радужке и сногсшибательная фигура дамского угодника и бога соблазна.

Да, именно таким был этот вечный мужчина, с именем тождественным проявлениям его силы — Тьма.

— Не называй меня так, — и чернота в мгновение ока поглотила все белые искорки в глазах. Бог был зол.

— Ой, да ладно. Подумаешь, теперь тьму все воспринимают как нечто ужасающее и злобное. Сам виноват, что не развеял людское заблуждение, — щадить гордость этого бесспорно сильного мужчины девушка не собиралась.

— Я не обязан опускаться до объяснения сути силы и ее природы мелким смертным.

Пусть верят, во что хотят, — больше мужчина не сдерживал своего раздражения.

— Ага, именно поэтому ты не хочешь слышать свое имя. Неужели какие-то «мелкие смертные» — девушка особенно выделила эти слова, — смогли так легко запятнать данное тебе родителями имя?

— Р-р-р-р-р...

— О-о-о, все понятно, — высказала свое мнение Ку и беззаботно откинулась на спинку странного дивана, вновь беря в руки недочитанную книжку.

Мужчина замер, глубоко вздохнул, и уже выдыхая, полностью расслабился. Что не говори, но довести его до бешенства, равно как и вывести из него, могла только сестрица.

— Мальчик будет недоволен, — ровным, слегка рокочущим голосом произнес бог самой непостоянной силы во всех мирах.

— Мальчик будет благодарен. Я спасла всю его армию.

— И своего правнука, — вновь улыбаясь обворожительной улыбкой, уточнил Тьма.

Сестра не стала спорить. Кивнула на слова брата, продолжая смотреть на пожелтевшие страницы.

Алкайна Вайне, альфа стаи рыжих волков

Кто бы мне сказал, почему альфа оборотней, обитающих исключительно в центре материка и на его востоке, сейчас поднимает сапогами пыль крайнего северо-запада, где идет мировая война. Как я вообще умудрился во все это ввязаться? Хотя знаю, мне духу не хватило оставить несчастную банши со всеми проблемами, в которые она влипла. Вот и исполняю роль весельчака в этой мрачной компании.

К тому же, эта война касается всех на Синуле. Проиграем мы, пострадают все. Как жаль, что времени у нас на подготовку совершенно не было, иначе армия была бы намного больше и разнообразнее. Уверен, даже орки прониклись бы угрозой и пошли в атаку.

Я искренне понимал, что воевать придется всем, кто успел достигнуть долины, но Всечувствующие, как я не хотел, чтобы это случилось. Всего два слова банши «поднимай стаю», лишили меня надежды еще немного отсидеться в тылу. Мне предстояла очень опасная и рискованная миссия. Успех ее на грани фола.

А все потому, что поднимать мне придется ликанов. Да-да, тех самых, что оборачиваются монстрами ночью и теряют рассудок. Если волколаки полностью звери, без проблесков человечности, то ликаны днем обычные люди, даже не подозревающие о своем недуге. И именно к этой крупице человечности и инстинкту подчинения сильному я и буду взывать. Если мне это удастся, то сотни ликанов бросятся за мной на поле битвы. Вот только навести их нужно на врага, поскольку эти существа не различают ни своих, ни чужих и грызут всех и вся, что попадает на их пути. Именно в этом и состоит главная проблема. Ликаны могут напасть на союзников, если я не смогу своим влиянием альфы переключить их на вражеское войско.

Все эти мысли роились в моей голове на протяжении стремительного бега по когда-то аккуратно выложенной каменной дороге. Я ничуть не сомневался в решении банши, без помощи нам не выстоять. И сейчас, как никогда, риск оправдан. Уже осознание этого, не давало мне даже помыслить о неудаче.

Впереди мерцает полотно портала, сигнализируя, что время размышлений кончилось,

пора действовать. Скачок в портал и вот я на восточном фронте. Все потрепанное войско направляется ко входу в долину. Видимо, красавица отдала распоряжение воинам отступить в тыл и закрыть восточные ворота. Верное решение, враг, как я понимаю, уже разбит. Здесь делать больше нечего.

Миновав гоблинов и кельпи, что покидали восточный, я приблизился к дриадскому лесу. Он почти вплотную примыкал ко входу в долину. Ну что ж, теперь нужно углубиться в чащу и призвать ближайшую к нам стаю.

Привычная судорога прошла по телу, выворачивая суставы и деформируя кости. Оборот моего вида — зрелище не для слабонервных. А еще этот процесс очень грязный. По окончании смены ипостаси вокруг валяются ошметки кожи, клоки волос и то тут, то там видны кровавые пятна и подтеки.

Отряхнувшись, замер на месте, привыкая к своему животному. Отсутствие света в проклятую ночь совершенно не мешало моим глазам видеть все вокруг, как днем. Все звуки перестали сливаться в один и разделились на отдельные, имеющие сотни разных источников. Вот взрывы с южного фронта, свист стрел и гул заклинаний. Вот звон лат, стучащих друг о друга в процессе марша человеческого войск, они уже близко. А дальше лишь шелест листьев и остальные звуки природы. Когда плеск рыбы в пруде уже довел меня до нервного тика, я услышал его: звук, вычлененный из общего потока, был именно тем, что мне нужно. Глухое рычание безумного зверя лишь с одной установкой — убивать.

[1] Спасибо

[2] Перелом руки

[3] Замри

[4] Закончила

[5] Часть меня

[6] Сильная защита

[7] Поможет

Глава 17 Птицы надежды

Динаристан ла Эк рен Сиу ва Куилагур, Хранитель равновесия

— Это все?

Тихо спросил молодого кельпи, что привел мне разношерстное потрепанное войско.

— Да, ваше Величество, — и он склонил голову.

Да уж, досталось им знатно. Кто-то только после ранений еще толком не восстановился, остальные измотаны битвой. Более жалкого вида армию я не видел, но это все, что у нас осталось. Основная мощь сейчас там, за пределами долины, и ценой своих жизней защищает нас, и без поддержки им не выстоять.

— Как зовут?

— Райга из...

— Отлично, Райга, — я не дал кельпи закончить, мне его родовое имя как Алкаю пятая нога, — будешь связным.

— То есть? — парень был явно в растерянности.

Еще бы. Он воин и в последней битве был в самом пекле, а теперь его оставляют за спинами товарищей.

— У тебя рука еще не восстановилась. Мне смертники не нужны, а вот связист хороший, очень даже.

Кельпи кивнул, но решением моим был явно недоволен.

— Слушай внимательно, как только выйдем из портала, твоя первоначальная задача оповестить Баска, что идет прорыв со стороны долины. А дальше по обстоятельствам. Докладывать о вестниках лично мне и сей же ван. Понятно?

— Да.

— Тариван, — я крикнул в сторону толпившихся воинов.

— Атар, Тариван имя моего отца, — маг стоял за моей спиной и был чем-то взволнован.

— Открывай портал и дуй к восточному.

— Нет, к восточному уже убежал гоблин с кристаллом. Он сможет закрыть восточный проход с его помощью. А я иду с вами, — и тон его не предполагал возражений, но у меня они были.

— Ну и на кой леший ты это сделал? — прорычал в самое лицо кашира.

— В чем проблема? — все так же сухо и совершенно не впечатлившись.

— Ты идиот, или прикидываешься? — вопрос был риторическим, потому я продолжил, — сейчас одна очень упрямая и своенравная банши перестанет хандрить и начнет действовать. И куда, ты думаешь, ее в первую очередь понесет?

— Она не успеет. Гоблины быстрее. К тому же, сугробы намело не маленькие, — скрестив руки на груди, высказался здраво, как он думал, маг.

— Мы сейчас об одной и той же банши говорим? — уточнил, поскольку этот проспавший пятьсот весен маг говорит явно не о той Су, какая она сейчас. Может тогда это и был тепличный цветочек с решительным характером, теперь же к твердому внутреннему стержню еще прибавились хорошая физическая подготовка и непоколебимая сила духа. Не станет банши лить слезы, она будет действовать. Так я ее научил, так поступать велит ее

натура.

— Наверное, — спустя несколько ван все-таки ответил воин. Уверенности в его голосе явно поубавилось.

— У моей банши есть кельпи, которые здесь быстрее всех, а так же феникс, с даром хранителя истории. Она уже на всех парах мчится к порталу и знает об окружающей обстановке побольше нас! — на последних словах я сорвался и заорал на этого тугодума.

— Тогда ничего уже не поделаешь. Даже если я лично туда пойду, она уже выйдет за пределы долины, — грозно ответил Атар, пытаясь выставить меня глупцом. Ни на того напал, патлатый!

— И ты что, настолько беспомощен, что не смог бы ее вернуть? — прищурившись, я даже сам не понял, что надвигаюсь на мага с намерением перегрызть тому горло.

Он так скривился от моих слов, что тоже не обратил внимания на мои инстинкты. А я уже тянул к нему трансформировавшуюся руку с пятеркой когтей-ножей, когда понял: он не остановил бы ее. Атар не знаком с этой Суарданой. Ее не переубедить, не подкупить и не заставить. Единственный способ сделать по-своему, это перекинуть ее через плечо и утащить подальше от битвы. Запереть и связать. Именно так я и поступал, когда Су вставала в позу. Она уже привыкшая ездить связанной и перекинутой чрез круп лошади. А вот уговоры для нее все равно, что пустой звук.

Ятаган мне в зад! И что теперь делать? Единственный способ остановить эту припадочную, идти за ней самому. И это не вариант. Без меня эти недозомби ничего не сделают карателям, только пополнят ряды трупов.

— Ликаны с тобой, маг. Открывай портал. Времени у нас на разговоры больше нет.

И я внимательно стал следить за тем, как Атар начал читать заклинание. С последним словом мага, дал отмашку, и все выжившие в восточной битве рванули к заголубевшему мареву перехода.

— Алибаскаэль! — хриплый мужской голос раздался из-за спины Владыки. Обернувшись, эльф увидел пробирающегося сквозь сражающихся солдат Альхерта. На губах полуифрита расцвела счастливая донельзя улыбка.

— Баск! Прорыв с долины! Они вырезают разумных! — глубоко дыша и мучаясь отдышкой, король все равно говорил четко и громко.

— Всевышние, так это портал светился тогда?

— Да, они пробились и теперь идут на соединение с нами.

— Тьма! Мы должны выстоять! — потрескавшиеся от мороза губы начали кровоточить не выдержав резкого движения, — Маги, не жалеть резерва!

— Мочи, гадов! — так же воспаряв духом, заорал Альхерт.

И маги мочили. Они вкладывали все свои силы и пускали в ход самые сильные заклинания, которые берегли до последнего. Но теперь стало ясно, это последнее наступило.

Владыка Хрустальных лесов четко видел, как осыпались проклятые, как оставшиеся пять разумных взмыли вверх на драконах, ими воскрешенных. Добивая последних карателей и их нежить, Али уже видел золотую макушку своего деда и радовался этому, как дитя. Слезы облегчения без всякого поощрения со стороны хозяина хлынули не прекращаемым потоком. Первородный улыбался, а щеки его становились все более влажными.

— Дед, — прошептал светлый, когда Динаристан вплотную подошел к нему.

— Баск, — и не теряя времени хранитель равновесия крепко обнял своего храброго и самоотверженного внука, за которого переживал так сильно, что чуть не открутил магу голову. Да, именно из-за потери времени на разговор с магом, так бесился эльф. Он мог не успеть спасти своего мальчика, пока втолковывал магу прописные истины.

— Выстояли, смогли, — успокаивая и Баска, и самого себя, шептал Динар.

— Я думал, нам крышка. Но как вы решились? — высвободившись из крепких, таких родных, знакомых еще с детства, мужских объятий, эльф потребовал ответа.

— Это не мы, а одна взбалмошная, но гениальная банши придумала. Что не говори, а атаку и поддержку она координирует отлично. Даже не знаю, откуда это у нее.

— Не забывай, это ее долина, и она управляла ей очень долго. Без нужных качеств ей это вряд ли удалось бы.

И они улыбнулись искренне и немного нервно. Оба понимали, что это небольшая передышка, и война еще не закончена. И если их общая любимица что-нибудь не придумает, это поле битвы станет их могилой.

— Рад за банши, и благодарен вам, — на плечи обоих эльфов опустились окровавленные ладони короля Марона.

Баск и Динар тут же посмотрели на широко улыбающегося молодого полководца и главу государства. Пусть он и казался веселым, но глаза его были странным образом пусты.

— Жаль, этой победой мне не насладиться, — все еще с улыбкой на лице, и так и не убирая рук с плеч двух товарищей, полуифрит упал навзничь. В районе печени зияла огромная обуглившаяся дыра, а бедро было рассечено почти до самого паха. Эльфы ошарашено смотрели на лежащего монарха и не могли осознать трагедии, что постигла все государство. К моменту падения король Марона уже был мертв.

Выскочили из портала мы одновременно. Я на Кайе, а Ласкан на моем плече. Как у меня рука не отвалилась, не знаю, но наклон влево был почти критичным, когда эта туша соизволила взлететь.

— Фух! А я уж подумал, что ты упадешь, — облегченно выдохнул Кайа.

— Не много до этого оставалось, — буркнула себе под нос и зло уставилась на черное небо. Увы, но до восхода Руи и Затхи все еще девять ват, и в этой затянувшейся темноте я не могла разглядеть летевшего в сторону сражения феникса.

— Данка, хватит пыхтеть в небо. Ласкан же сказал, что мы слишком медленно плетемся, и он полетит вперед. Феникс уже на пол пути к нашим.

Верное предположение. Что ж, нам тоже пора.

— Я в норме, мелкий. Поскакали.

И вот тут нас ослепило вспыхнувшими факелами. Штук пятнадцать горящих огоньков зажглись у кромки дриадского леса и двинулись в нашу сторону. Пусть неизвестные и были далеко, меня, не видящую в кромешной темноте ни зги, они ослепили знатно.

— Кайа, ты как?

Я прикрывала глаза рукой и в лившемся свете хорошо видела кельпи. Мальчишка, если и был ослеплен, вида не подавал.

— Кто там? — еще один вопрос и снова без ответа.

— Кайя! — закричала я, не выдержав глухого молчания, под аккомпанемент которого надвигались факелы.

— Прости, просто я не могу поверить в то, что вижу, — и он снова замолчал.

— Мелкий, что там? — в неведении оставаться я не желала.

— Там люди. Точнее, нелюди. Эм-м...

— Ну!

— Они очень яркие, хрупкие и красивые. Знаешь, — как-то загадочно прошептал Кайя, — мне кажется, это фениксы.

— А?!

— Ага, вот и я о том же.

Еще с три вара мы наблюдали за танцем языков пламени в темноте, прежде чем наше созерцание было прервано.

— Молодой кельпи прав, мы — фениксы, — приятный девичий голос раздался громче и ближе, чем я ожидала. И когда только успели так быстро подойти?

От факелов отделился один и направился напрямиком к нам. Остальные застыли на месте в пятнадцати тарах от портала.

Когда расстояние сократилось, я разглядела юную девушку с копной черных волос и странными синими глазами. Она была бледна, как мел, и безэмоциональна, как камень.

— Ты вторая хозяйка Долины трех лучей? — спокойный, высокий голос не резал слух, а скорее располагал к себе.

— Да, это я, — скрывать смысла не было.

— Я предводительница фениксов, и мы пришли вам на помощь, — без предисловий выдала девушка.

Вот теперь я немного тормозила. В голове крутилась куча вопросов. Первый: откуда они узнали о войне? Второй: как они узнали, кто я? Третий: как узнали, где я? И наконец, четвертый: откуда они, демон забодай, вообще взялись?

— Эм, а чем вы нам, собственно, поможете? Вы не воины и не маги, вы...

— Кто сказал, что мы не маги? Наша стихия огонь, и со мной тринадцать магов не ниже уровня архимага.

— О! А вот это уже мощь! — восторженно подняла перед своим лицом сжатый кулак. Уж очень меня порадовала новость о таком количестве сильных и, главное, нужных магов. Ведь именно маги огня могли сжигать нежить и карателей.

Феникс улыбнулась и рукой позвала своих спутников подойти ближе.

— Извините, но вы сказали тринадцать магов, а кто тогда четырнадцатый прибывший? — задала закономерный вопрос, когда к нам подошло еще четырнадцать фениксов.

Все действительно яркие и пестрые. Тут были и оранжево-волосые, рыжими их просто язык не поворачивался назвать, и сине-волосые, и зелено-волосые, и даже один с темно-фиолетовыми волосами. Последний, кстати, был еще мальчишкой не старше Кайи. Но учитывая их возраст взросления, который наступает только в тысячу весен, этому мальчишке не меньше семисот.

— Это мой сын, Лаэкан, — и тот самый молодой феникс с фиолетовыми волосами и лиловыми глазами выступил вперед, — он Хранитель истории. Его дар очень силен.

Всевышние, неужели вы решили расщедриться на целого хранителя истории. Сегодня подарки судьбы так и сыплются на меня.

— Ты мой спаситель, — прошептала я, и, спешившись, мигом оказалась возле мальчика.

Я была так рада, что даже не удивилась запыхавшимся Ратхе и Палану, что буквально вывалились из портала с еще двумя дюжинами жрецов.

— Палатку, Ратха. Нам нужен штаб! И установите связь с Широ, тьфу ты! С Динаристаном, — после отданных распоряжений, от которых все слегка прибалдели, я вновь вернулась к фениксу.

— Милый, не томи, что происходит на поле боя, — более умяющим мой голос никогда еще не был.

Лаэкан усмехнулся как-то по-доброму и тут же погрузился в историю. С первыми звездами в его лиловых глазах захлопнулся портал в долину и наш единственный путь к отступлению.

Радость от встречи внука с дедом была огромной, но очень короткой. Смерть Альхерта мгновенно убила все ликование в сердце. Теперь победа над карателями не казалась такой легкой и простой. Они заплатили неоправданно высокую цену за объединение армии и захват южного входа. Но даже так каждый воин, стоящий сейчас перед Широ, рожденным Динаристаном, понимал, без этого прорыва они все полегли бы здесь.

Тело Альхерта лежало неподвижно в огромной кровавой луже, а вокруг столпились воины. Люди не сразу осознали, что их полководец, сильный и смелый король, мертв. Растолкав толпу, вперед вышел тысячник. Тот самый, что одним своим выкриком поднял боевой дух воинов, капитан с огромным боевым опытом, лишившийся своего первенца. Лицо полуорка не выражало ничего. Точно так же, как и скорбь по растерзанному и поднятому после смерти сыну не тронула ни одной мышцы на его лице, так и смерть главы государства не отразилась на внешнем облике Загора. Но можно быть уверенным, внешность скрывала жуткие страдания души и большую бурю эмоций.

Капитан окинул взглядом труп, потом сурово посмотрел на сгрудившихся, как щенки над мертвой матерью, воинов и зычно гаркнул: «Честь и память!», попутно ударяя себя в область сердца кулаком с зажатым в нем мечом. Этот жест являлся данью уважения павшим воинам и все войско незамедлительно отреагировало. Кулаки с разнообразным оружием взлетели к груди, а тысячи глоток заорали в едином порыве почтить память своего государя:

— Честь!!! И память!!!

Дождавшись, когда голоса стихнут, эльф подошел к полуорку.

— Как тебя зовут?

Капитан вздрогнул, что удивило Широ (эльф все еще воспринимал это имя больше истинного). Смелый тысячник не проявлял эмоций в более стрессовых ситуациях, а сейчас дернулся от простого окрика. Неужели Владыка всех эльфов настолько страшен?

— Хранитель, — и глубокий поклон, так низко, как только позволяет орочья физиология, — мое имя Загор Метлицын.

Фамилия была типичной для человека, но не для орка. Именно это давало понять, что орком была мать Загора.

— Знаете, кто я? — вопрос был риторическим, но полуорк кивнул.

— Вы открыты и больше не скрываетесь, а я уже очень давно живу на этом свете, — тоска по чему-то буквально изливалась из него вместе со словами. Теперь эльф видел его

эмоции.

— Знаком с моей матерью, — догадка сама родилась в голове хранителя.

— Было дело, — и капитан обнажил свои хищные зубы, немного крупнее человеческих.

— Прими командование, Загор. Людям нужен полководец, — и Широ дружески хлопнул его по плечу. Полуорк слегка осел.

Первородный почти сразу понял причину: сила к нему вернулась, и все ее чувствуют. Она еще слишком велика для жителей этого мира. Нельзя ее использовать, иначе нарушится равновесие, и мир погибнет без каких-либо действий со стороны Коршуна. Первородный сам подведет Синул к краю. А потому нужно быть чрезвычайно осторожным и не переборщить. Но орки заруби, как же ему хотелось разметать вражеское войско за считанные вары!

— Как вам будет угодно, — и снова поклон от нового полководца людей.

Динаристан, он же Широварт

Новый полководец для осиротевших воинов и всей страны. Это все что мне сейчас требовалось. Я развернулся с намерением оставить полуорка с его бойцами для разъяснений, но тело мертвого короля уносили ближе к portalу, и я чуть не натолкнулся на носильщиков. Пришлось остановиться и пропустить двух матерых воинов с носилками. Именно эта задержка и стала для нас спасением.

Легкая, еле заметная рябь в воздухе всего в трех татах от нашего местоположения. Лишь мгновение и ее уже нет, будто привиделось все. Но она была.

Молниеносный озноб по всему телу и неистовый жар ему на смену. Армию сокрыли! Хитрый Коршун потратил остатки своих сил не на атаку, а на укрытие пологом невидимости своих солдат. Мы чуть не дали врагу беспрепятственно пройти в тыл и перерезать нас как котят слепых.

— Враг в трех татах! — мой рык не услышали разве что глухие, — сокрыт пологом! Восстановить строй! Лучники! Наизготовку!

Дальше команды раздавали Загор, его тысячники и Ривалиан. Воины поднимали вымотанных товарищей с земли, поправляли свою защиту и на скорую руку бинтовали раны. Но несмотря на упадничный дух и сильную усталость, армии хватило и вара, чтобы занять оборонительные позиции.

— Последний бой, девчата! Неужели расклеитесь как кисейные барышни? — в своей любимой манере выкрикнул капитан.

— Нет! — в ответ нестройный крик, но все же.

— Тогда лучники, руки из жопы, и на тетиву. Стрела на земле — ваш мертвый товарищ. Стрела в сердце — труп врага, — это уже командир лучников подхватил и начал воспитательную работу.

— Пехота, не прячем свои телеса за магами. Враг посмел посягнуть на наши земли! Нас хотели поработить. Мы не дались некроманту. Теперь наш враг люди. Предатели! Их Мы не боимся!

— Да-а-а-а! — уже более дружный и громкий рокот голосов всколыхнул воздух над головами объединенной армии, — смерть предателям! Смерть ритарским и гарнским выродкам.

Так мало времени, так много сил потеряно, а они еще стоят. Я действительно удивленно

смотрел на строй и восхищался доблестью этих слабых существ. Живут мало, слабые, но такие сильные духом. Маронцы меня приятно удивили. Вот только каждый из них понимал, живым отсюда не уйдут ни они, ни эльфы с магами. Все здесь останемся. Вот только я не намерен проигрывать!

Собрав остатки своих воинов, вышел с ними вперед. Нужно было снять невидимость с врага, а кельпи и гоблины пока меня прикроют. Вот в моей руке ком черной смертельной энергии, и я спускаю его с цепи, как верного пса. Моя магия знает, что делать. Жаль, что использовать свою силу по максимуму нельзя, нарушится равновесие и мир может погибнуть. Всего небольшое смещение сил, и конец. Этого нельзя допустить, но если Коршун заполучит долину, у меня не останется выхода. Лучше смерть одного из миров, чем угроза разрушения множества других.

Заклинание не выдержало и первого моего удара, просто осыпавшись белой пылью на снег, явив огромное войско, почти вплотную подошедшее к нам. Вот только не людей нам следовало бояться, а тех пятерых верхом на драконах. Именно они и открыли по нам огонь первыми, разбивая строй и уничтожая первую людскую линию обороны. Меня им не пробить, а тыл щитом закрыл Атар, так что их цель была очевидна, а мы их проглядели. Тьма!

Суматохой тут же воспользовалась человеческая армия и пошла в атаку. Пусть мы и были в авангарде, численность гоблинов и кельпи была жалкой по сравнению с теми тысячами людей, что неслись на нас. Потому даже хваленая сила кельпи и сноровка гоблинов не остановила прорыв. Мы будто клином разрезали армию врага, но остальные просто обходили нас, стремясь вырезать ослабевших людей и эльфов. Но это было не так просто. Маги били точно и без жалости, а эльфы были стремительны и смертоносны. Люди же и вовсе обезумели и кромсали врага, держась на чистом упрямстве.

Я не мог им помочь. Быть в тысячи местах одновременно невозможно, а вот сократить вражескую численность — запросто!

Соединив две когтистые ладони вместе, стал накапливать магию смерти. Ох, сейчас им не поздоровиться!

— Дед! Быстрее!

Баска и его воинов теснили к долине. Мальчик хорошо знал, что за магию я использую. На нее нужно время, а у нас его почти не было. Так и не завершив заклинание, я резко развел руки и из образованной мной черной сферы выстрелили иглы, убивая каждого, кто был в радиусе тата от меня, кроме союзников, разумеется. Вокруг образовался пустырь. Мало. Было бы время, уничтожил бы гораздо больше врагов.

Бросив быстрый взгляд за спину, увидел неутешительную картину. Треть союзников уже лежала под ногами наступающей армии. Меня и моих воинов огибали намеренно, пуская на нас только то количество воинов, какое позволило бы отвлечь и не дать уйти на поддержку остальным. А сверху нас поливали огнем мертвые драконы. Вот же хитрая тварь! Все просчитал! Но только не мою банши!

Приближение дикой, жаждущей крови стаи я почувствовал за миг до ее появления. Около сотни ликанов буквально вгрызлись в строй противника с востока. Обезумевшие от долгой ночи звери рвали противника на куски. У людей не было шанса, ликаны чудовища в зверином обличье.

Вот только даже эта поддержка была каплей в море. Очень скоро нечисть возьмут количеством, и вся армия вновь переключится на основные войска.

Я могу быть тысячу раз Хранителем равновесия во всех мирах, но с многотысячной армией не справиться и мне. Тем более, что и у них тоже есть маги. Не говоря уже о карателях.

Вдруг справа от меня мелькнуло что-то розовое. Думал, брежу, но нет. На поле брани стоял Ласкан и молниеносно уничтожал врага. Вот теперь я наконец-то увидел всю его силу и мощь. Его огонь сжигал за ван, а смерть от удара настигала врага раньше, чем осознание. В какой-то момент мы оказались спиной к спине.

— Су? — этого было достаточно, чтобы меня поняли.

— Вне долины!

— Так и знал, — я горько улыбнулся. Ведь ты не могла послушать меня и остаться в безопасности. Это не твой путь, любимая. Как и не мой. Мы так похожи.

Аришантель ла Эк рен Сиу

Война. Снова война. Уже пять сотен весен прошло, а проблемы прошлого так и не решились. Банши. Она не такая, какой я запомнил ее. Наша встреча была неожиданностью. Я даже не узнал в этой уверенной в себе и спокойной девушке прошлую безумную плакальщицу. А ведь именно я требовал убить пробужденную на месте. Прости, девочка, но слишком многое я потерял в этой войне, чтобы не желать тебе смерти. Однако, встреча с тобой кардинально изменила мое мнение. У моего отца получилось! Он смог вернуть тебе разум.

Вина за прошлые решения вновь начала грызть и без того порванную душу. Я не хотел совершить новые ошибки и потерять еще кого-то, потому и остался в горах в добровольном затворничестве. На эту войну вам лучше идти без меня.

Так я думал, когда вы уходили порталом. Так я продолжил думать, когда первые волны силы с северо-запада накатили на меня. Но когда чувства сына и отца начали просачиваться сквозь расстояние, и я испытал на себе весь ужас этой войны, моя решимость дрогнула. Без подмоги им не выстоять. А без победы мир погибнет, и мы вместе с ним.

С места я сорвался как ошпаренный. Совет дроу как раз сегодня собирается. Повезло.

Старые раны от стремительного бега по горам начали ныть и приносили значительные неудобства. Так из-за слепого глаза я не заметил выступ и полетел кубарем на землю. Меня это не остановило, плюнув на больное колено и ободранные в кровь руки, вскочил и снова понесся к пещере, где сейчас был совет.

Перед глазами до сих пор стоит ошарашенный моим появлением совет. Еще бы, они меня тут видели последний раз весен триста назад. Сюрприз. Вот только, увы, плохой.

— Война почти проиграна! — не растрчивая сил на разъяснения, выложил все как на духу.

Меня поняли. Как раз сейчас совет собрался именно, чтобы решить, вступать в войну или не вмешиваться.

— Они все пали?

Со своего кресла встала самая долгоживущая и уважаемая дроу в нашем поселении. Пусть ее внешность никак не соответствовала возрасту, это было так.

— Падут, — без капли сомнения ответил я.

— Как я понимаю, посылать за Аришантэлем больше нет необходимости, — глубокий рокочущий голос раздался позади меня, и я готов был пожалеть о том, что заявился сюда, но сын, отец и остальные выжившие важнее.

— Приветствую тебя, Дурук из клана Коготь неба, — напряжение в моем голосе не расслышал разве что идиот, а таковых в совете не было.

— И тебе жить долго, Аришантэль, сын хранителя равновесия.

Пришлось обернуться. Он ни капельки не изменился. Тот же мощный хищник с каре-желтыми глазами и грубыми чертами лица, разве что черные волосы дракона были коротко острижены. Помнится, он всегда носил косу до пояса.

Я только хотел спросить у расслабленно сидящего черного дракона, что он забыл в

землях дреу, если поклялся не пересекать границу Валларских гор, когда взгляд зацепился за грузного бородатого гнома, явно из правящего клана, и на вождя степняков из пустоши Игуа. Всевышние, да это военный совет!

— Мы решили вступить в войну, — пояснила удивленному мне глава совета. Она все так же стояла и загадочно улыбалась, смотря на меня. И что она во мне нашла? Своей симпатии ко мне дреу даже не скрывает. Странная женщина.

— Тогда ясно, что здесь делает дракон из Когтя неба, — пояснил вслух свои выводы.

— Я помню свое обещание, и готов понести наказание от твоей руки. Но позже, — без единого сомнения высказался Дурук, — я все еще скорблю так же, как и ты, — и он провел ладонью по волосам, взъерошив их на макушке.

Я оценил этот жест. Не демонстрацию, нет. Его волосы показатель статуса, а сейчас его статус упал. Но вряд ли из-за волос его сородичи перестали чувствовать его силу. Вот только главой клана ему с такой стрижкой не быть, и вот это уже жертва.

Мне тяжело было видеть дракона. Прошло больше пятисот весен, а я так и не смог простить ему гибель своего сердца. Да, мою жену убила разумная проклятая, но клинком, оборвавшим ее жизнь, был Дурук. Я как на яву вижу поток силы проклятой. Он снес Зрик под лапы огромного дракона, а его вес и горячка боя довершили начатое мертвой. Азриэль даже не успела подняться на ноги, а я сделать и шаг. Все кончилось за ван. Я не помню подробностей боя с проклятой, но ее атаки навсегда изуродовали мое тело и душу. Последствия мертвой магии не заживали, оставшись мерзким бледным напоминанием моей потери.

В душе я знаю, что дракон не виноват. Но запах родной крови на его руках до сих пор вызывает у меня боль и отчаянную злобу. Это выше меня. Но не сейчас. Сегодня я готов затолкать свои претензии к этому дракону ради высшей цели и других жизней.

— Времени нет, — голос был как всегда низким и жутко хриплым, — если хотим успеть, нужно выступить сейчас.

— Тогда решать больше нечего, — произнесла свое слово глава совета, — мы выступаем сейчас же.

Облегченный выдох услышали все. Ведь он был общим.

— Что ты сказал?!

Всевышние, даже я немного оглохла от собственного визга. А все потому, что наш новый знающий сообщил так, между прочим, что военный совет в лице дреу, гномов, черных драконов и степных кочевников решил вступить в войну.

— Они вступают в войну, правительница, — спокойно и как-то ласково повторил феникс.

— Ура!!! — и я начала скакать по траве не хуже Кайи, прям как маленькая. Но сейчас я действительно счастлива!

— Сушка, перестань ребячиться, — это Ратха решила призвать меня к порядку, — твои подданные решат, что в правительницах у них сумасшедшая.

— Какие еще подданные, они все уже на том свете, — продолжая танец невменяемых, просветила я гоблиану.

— Что-то твои разноцветные маги огня не выглядят мертвыми, — и она поймала меня

за руку, разворачивая лицом к тем самым «подданным».

— Ты чего, подруга? Они союзники.

— Нет, подруга, — перекивляла она меня, — они пришли сюда не из большой любви к нам, они пришли к своему предводителю. Мне ли не знать взгляд заплутавших овец, потерявших своего пастыря.

И вот тут я крепко задумалась. Фениксов мало, пусть и не так мало, как я думала, но все же. Значит, эти маги когда-то проживали на территории долины, ведь меня они знают. И вывод напрашивается сам собой: это те сволочи, что изгнали Ласкана. Причем беспричинно! Все, у меня потемнело в глазах. Как кур недобитых передущу!

— Эй-эй-эй! Сушка, замри! Стой, я сказала!

Без толку, даже хваленая сила гоблинов сейчас мне не помеха.

— И какая сволочь обидела моего рубина? Из-за кого птичка лишилась клана, семьи и любви? — я медленно наступала на сгрудившихся, как воробушки на жердочке, фениксов, а из рук моих клубился черный туман. Кажется, я срослась со своей двинутой злобной половиной. Сейчас мы были на удивление солидарны в вопросе убиения пернатых сволочей.

— Я, — вперед вышла главная.

И убила бы, да слишком взгляд был несчастным и виноватым.

— Энге, — выдохнула я. Всю агрессию как рукой сняло.

Теперь я смотрела на феникса по-другому. Она была сильная духом и красивая женщина, но, увы, с тяжелой судьбой. Откуда знаю про судьбу? Да к бабке не ходи, сына она воспитывала сама. А учитывая, что это ребенок изгнанника, не трудно представить себе ее жизнь. Она явно не была устлана розами, скорее уж терниями.

Я повернулась лицом к мальчишке, что даже не шелохнулся, когда я начала воплощать в жизнь планы по ощипыванию птичек. Такой же смелый, как его отец. И такой же сильный.

— Я тогда совершила ошибку и...

— Не надо, — остановила я душеизлияния феникса, — объясняться будешь перед Ласканом.

Энге вздрогнула всем телом, когда услышала имя любимого. Именно любимого, иначе не стала бы рожать сына, проходить все тяготы, да еще и на помощь к Ласкану стремиться.

— Но...

— Мне и вашего присутствия достаточно, — не солгала ни словом, — чудо лиловое, — я вновь повернулась к Ласкану, — как наши спасители собираются сюда добраться?

— Дайте мне вар, правительница.

— Для тебя Дана, — и улыбнулась этому прелестному созданию. Вот розовый удивится такому замечательному сыну.

— Они хотят открыть портал, вот только у них нет разрешения, да и портал слишком близко не откроешь, тут они сбоят.

— Темень и ее твари!

— Миледи, — рядом нарисовался Палан, — я могу провести подводными ходами до пятидесяти существ. Кайа может сотню.

— Э-э-э-э, сотню?!

— Да, мой брат сильнее из-за вашей связи, — пояснил для всех зверобратец, — теперь нет нужды в скрытности, мы можем идти подводными путями. Не думаю, что сейчас в глубинах кто-то осмелится на нас напасть. Все чувствуют силу и эманации смерти. Уверен, водные существа попрятались и сейчас не опасны. Так что?

— Я не могу...

— Я буду осторожен! И у тебя нет другого выхода! — припер меня к стенке мелкий.

Страх, я отчетливо его ощутила. Кончики пальцев похолодели. Не хочу его отпускать и так же четко понимаю, что должна.

Светлые глаза цвета луны с лиловыми переливами были тверды в своем решении. Он воин, пусть еще юный и неопытный, но Кайа боец. Мальчишка намного сильнее, чем я могла себе представить. Палан уже доказал, что водные духи свирепые хищники и опасные противники. Когда-нибудь мне пришлось бы отпустить мелкого, но этот момент настал слишком быстро.

— Хорошо, иди, — шепот был буквально выдавлен из себя невероятным усилием.

— Я не подведу! — и мальчишка, в мгновение ока перекинувшись, рванул к ближайшему водоему.

— Он мой брат, я за него умру, — выдохнул мне в лицо Палан. В этих словах не было нужды, но они успокоили меня, и он это знал. Через вар кельпи и след простыл.

— Дана.

— Да, Лаэкан?

— Гоблины работают оперативно, и уже послали магические вестники о прибытии кельпи. Вот только дроу проворнее.

— То есть?

— Ну как бы это сказать.

— Словами! — вот мелкий пройдоха, специально издевается. Точно в папочку!

— Дроу весьма решительный и настырный народ. Не знаю, чем обязан черный дракон одному из темных, но он уломал всю драконью эскадрилью встать под седло!

— Что!

Вот теперь я осознала, дроу очень стремятся к нам попасть. А я знаю только одного темного, кому есть за кого бороться в этой войне. Аришантэль.

— Как выглядит этот дроу?

— Белые волосы, черные глаза...

Похоже я ошиблась.

— ... постой! Один глаз слепой. И у него все лицо в шрамах. Странно, что сразу я этого не заметил, — задумчиво протянул хранитель истории.

— Он маскировался, — пояснила я.

При нашей первой встрече Шантель делал тоже самое. Но, видимо, теперь расхотеть на это магию было расточительством.

— Кельпи прибыли на берег Онры! — прекрасные новости, — войска уже получили нашего вестника и строевым бегом спешат на встречу с кельпи. Но...

И это «но» мне не понравилось.

— Проклятые.

Я застыла в ожидании продолжения, но его не было. Руки начали мелко подрагивать, напряжение стало осязаемым, когда я не выдержала:

— Что с ними?

— Кельпи в клещах. Десятка карателей и столько же мертвых драконов.

— Они... мертвы? — голос был безэмоциональным.

— Нет... пока, — последнее произнесли, явно надеясь, что я не услышу. Но я слышала.

— Но как они узнали?

Где-то там недоумевала Ратха. Ей отвечал Лаэкан. Почти сразу все фениксы устремились разноцветным птичьим клином на поле боя. Кто-то посылал вестников. Но я не обращала на это внимания. Чувства замерзли, а реакции стали заторможенными. За сегодняшнюю проклятую ночь я столько раз пела скорбную песнь, сколько мне не выдавалось за все прошедшие пятьсот весен. И все это терпимо, я выдержу. Но петь по Кайе, Ласкану, Атару и Широ я не стану! Этого я не смогу! С первой же смертью кого-то из них моя сила возьмет верх. Удержать ее я буду не в силах. Удерживать ее я не стану. Мы проигрываем. Помощь не придет. Не успеет.

Звонкая пощечина и сильный жар в левой щеке ворвались в мое сознание одновременно. Перед глазами всплыло лицо Ратхи, но она стояла слишком далеко. А вот злое и раскрасневшееся лицо феникса было перед самым моим носом.

— Я никогда не видел своего отца, — хрипло проговорил Лаэкан, — и, возможно, никогда не увижу. Но я здесь, помогаю тебе спасти твою чертову долину и наш мир, вместо того, чтобы нестись сломя голову на поле боя к отцу или впасть в истерию. Так что будь добра взять себя в руки и, наконец, начни отдавать приказы! Только ты знаешь эти земли, только тебе ведом путь к нашей победе! Я тебе верю!

И я вздрогнула. На меня смотрели с затаенной надеждой, ожидая помощи и поддержки, а правительница расклеилась, как сопливое дитя. Слова феникса подействовали. Я увидела перед собой того, кто продолжит жить нашими чаяниями и мечтами. Того, кто не отступит и будет верить, даже когда последний осколок надежды начнет угасать. Это наши дети. Спасенное поколение, что не увидит войны. Они сильнее нас.

— Что с кельпи? — голос был почти твердым, но страхи не умирают так быстро.

— Сейчас, — мальчишка сел в позу для медитации и уплыл в минувшие события, — Они живы.

Надеюсь мое «Фу-у-у-ух!» было не слишком громким. Ан нет, громким.

— Степняки и гномы подросли вовремя. Два отряда дроу, что остались без драконов, уже атакуют проклятых. У них получилось! Кельпи переправляют первые отряды степняков. Они скоро будут здесь.

— Да-а-а-а! — Жрецы и плетуньи не смогли сдержать радости, впрочем, как и я.

— Как дела на южном? — с нетерпением старалась перекричать хор радости я.

— Туго, Дана. Но надежда есть, — это меня сейчас подбодрить пытаются.

— Надежда есть всегда, — успокоила явно переживающего за отца мальчишку, — ты видишь его?

— Да, — и счастливая улыбка озарила бледное лицо феникса, — он очень сильный. Враги даже не понимают, когда их успели убить.

— Он всегда был сильным. Его ограничивало лишь его тело, — и легкая улыбка стала отражением мыслей.

— Он здесь...

Арк Тариван Атар, правитель Долины Трех лучей

Поле боя буквально кипело и клочкотало. Брызги магии и стрел то и дело вырывались в воздух. Кое-где в рядах противника образовалась давка, а вокруг меня, Широ и подоспевших фениксов пустое пространство. Никто не спешил слепо идти на нас. Лишь смельчаки, что

вскоре становились пылью, да окружение, оцетинившееся копьями.

Пятерка разумных верхом на драконах кружила над разверзшимся ужасом и поливала огнем выживших. Хитрые твари, земли намеренно не касаются. Знают, что тут я их вмиг развею по ветру.

Война приняла характер смертельной битвы, где мы будем биться до конца и погибнем с честью. Изможденные эльфы и маронцы знали это, и все равно сражались, тянули последние жилы из себя. Кельпи с гоблинами не менее отчаянно рвали врага. И каждый, каждый на этом поле перед тянущейся позади низиной, что окружена четырьмя вратами в долину, знал, что оно станет его могилой. И все равно в последнем отчаянном рывке мы все ринулись на врага.

В какой-то момент все резко стихло. Все замерли и устремили взгляд в небо. И там было на что посмотреть. Разрывая мощными крыльями мрак проклятой ночи, и неся на них первые лучи ночных светил Руи и Затхи, к нам летело пять десятков черных драконов. Но следующее удивило сильнее. Я даже глаза протер, вдруг мерещиться. Не померещилось. Верхом на могущественной и самой сильной расе нашего мира восседали темные эльфы. Вот теперь могу с уверенностью сказать, я видел все, что только может быть. Пусть это самонадеянно и ошибочно.

Проклятые тоже осознали всю серьезность ситуации и взмыли высоко в небо, стараясь унести свои мертвые кости подальше от драконов. Ведь проклятая ночь закончилась. И тут отмерла армия врага. Без поддержки карателей, да против драконов и дроу у них не было и шанса. Всего вар толпа с ошеломленным видом смотрела в спину проклятым, а потом все людские войска рванули нам за спины. Падая, поднимаясь, толпа бездумно неслась прочь от надвигающейся смерти. И не важно, что больше половины людей они сами задавили и задушили в процессе побега. Мы же ликовали и приветствовали пролетающих над нашими головами черных красавцев. Те, в свою очередь, ревели, срывая могучие глотки, и проносились у самой земли, ссаживая наездников на ходу, а потом нетерпеливо взмывали вверх избавленные от ноши. А когда грянул слаженный залп огня по удирающему войску, мы и вовсе заорали во все горло, высоко держа мечи над головами.

Те воины, что почти добежали до леса на противоположной стороне низины, уже считали себя в безопасности. Глупо. Ведь именно там протекает река. Не знаю ее названия, да это и не важно. Важно лишь то, что многотысячное войско гномов, степняков и дроу сейчас выходило из того леса, и они явно хотели ухватить свой кусок битвы от этой войны.

Сражение не продлилось долго. Осознав свое положение, большинство людей просто сдались.

Всеобщее ликование опустилось на нас. Вот только меня пронзила тревога. Все вроде хорошо, долина отбита, мы победили, но покой не приходит. Мысль вспышкой озарила мой разгоряченный схваткой разум: «Дана за пределами долины, у восточного!». Вряд ли жрица помнит, что врата открываются лишь по ее желанию. Широарт тогда наорал на меня, что я не удержал ее от побега из долины. Но даже без меня, банши способна открыть проход. Это право я ей дал, как второй правительнице долины еще тысячу лет назад. Три луча расконсервирована, и ничто не препятствует Данае войти в нее, или, что хуже, открыть проход некроманту!

Мозаика сложилась. Коршун не участвовал в боях, он смиренно выжидал. А когда представился случай, призвал своих пятерых разумных на мертвых драконах и вышел на плакальщицу. Он знает о ее способности!

— Широарт! Ласкан! Он направился к банши!

Мой выкрик заставил все радостные крики затихнуть. Еще бы. Ведь если Коршуну удастся проникнуть в абсолютно пустую долину, он просто блокирует входы, и тогда вся наша война и тысячи смертей будут бессмысленными.

— Ласкан, где она? — Широарт не стал тратить драгоценное время и сразу обратился к тому, кто видел Суардану последней.

— Была у восточного, а сейчас не знаю. Я утратил способность видеть исто...

Ласкан прервался на полуслове и застыл. Его зрачки хаотично бегали в разные стороны, он явно что-то видел.

— О Всечувствующие! Он напал на Данку.

Больше слов не потребовалось. Мы с эльфом рванули сломя голову в направлении восточного. И пусть путь нам освещали полностью взошедшие ночные спутники, впереди затаился мрак, гораздо страшнее проклятой ночи.

Мне было страшно. Нет. Я была в ужасе! Передо мной, закрывая своими спинами, стояли моя лучшая подруга, рыжий огромный волк, что каким-то образом почуял врага и успел ко мне на помощь, Энге и юный хранитель истории, по сути — ребенок. А впереди, мелькая сквозь живой заслон сморщенной, ссохшейся серо-зеленой кожей, стоял герцог Венарго Олсана, а точнее то, что от него осталось.

Зеленый могильный туман окутывал все животноподобное тело существа, а вонючая гнойная жижа капала с саблевидных черных когтей. Почерневшие зубы, впалые щеки и темные провалы глаз с некромантским зеленым зрачком довершали образ Коршуна. Некогда мужественный и красивый мужчина превратился в монстра, которого и в страшном сне сложно себе представить. Сущность не умершей, живущей паразитизмом души изменила герцога, открывая истинное лицо существа, что прожил все отпущенные ему сроки, но никак не хочет уходить за грань.

— Сушка, уйди за жрецов. Этот костлявый ублюдок явно нацелился на тебя, — рыкнула первая мать.

И она права. Этот монстр скалил свои гнилые зубы именно в мою сторону.

— Какая встреча. Неужели это та самая пробужденная, что полтысячи весен назад все испортила? — в глазах мертвой души было ликование и явно не прошлым поражением.

— Все возможно, мир тесен.

— Действительно, тесен, — ответил некромант, — в Ритаре я не узнал в симпатичной девушке-менестреле банши. Увы, на лица память плохая, да и сила тогда еще слегка шалила, — и он ухмыльнулся так, что у меня сердце пропустило удар.

— Полагаю, тем безмозглым рабом был Атар?

Я кивнула.

— Ох, какой просчет. Пойми я это раньше, все уже давно было бы кончено. Любопытно, кто же навел на нашего мага столь сильное заклинание отвода глаз? — и некромант вопросительно посмотрел в небо. Не знаю, кого он спрашивал, но ему не ответили. А ваном позднее за его спиной приземлилось пятеро драконов с разумными.

— Увы, но это все, что осталось от моих верных псов, — он указал на проклятых и оскалился, — вы славно поработали.

Это что, признание наших заслуг? Похоже, он и в самом деле не ожидал таких потерь со своей стороны.

— В итоге, это не важно. Я все равно добьюсь своего.

Вскинутая в моем направлении рука и заклинание, которое я даже не увидела, таким стремительным оно было. Вдох. На выдохе на землю осела Ратха, оборотень завалился на бок, истошно воя, а Энге просто сгорела на месте, так как закрыла сына и получила двойную и явно смертельную дозу заклинания.

Еще не сильно соображая, что делаю, затолкала Лаэкана за свою спину и скомандовала: «Свяжись с отцом!». Феникс опешил, но почти сразу стал выполнять мою просьбу, а я тем временем ушла от него подальше. Не простит мне рубин смерти своего сына, так пусть не мешается под ногами. Медленно отступая, засекала легкое движение руки гоблианы. Отлично, она жива, и судя по скулящему Алкаю, он тоже в порядке. Энге все еще не возродилась.

— Ты, я смотрю, не усвоил урок. Я всю долину стерла в пыль за вар, не боишься, что тебя развею по ветру? — и я обнажила зубы в хищной улыбке. Ответом мне был более страшный оскал.

Боится, оттого и не нападает. Все же я сейчас даже такую бессмертную душонку, как Коршун, могу за грань отправить, собственно, где ему и место. Вот только сила меня не слушается, а если дам ей волю, уничтожу всех и вся. Но он то об этом не знает, а значит, продолжаем блефовать.

— Так чего медлишь, плакальщица. Боишься не вернуться из-за грани? Кхр-кхр-кхр, — это он вроде как рассмеялся. Но вопрос мне не понравился. Умный, зараза.

— Может, не вижу в этом смысла. Зачем самой напрягаться, если это могут сделать мои союзники.

— О, это ты о кашир, м-м-м? — маг будто лакомился самим Атаром, когда произносил имя его племени, — или о сыне Равновесия? — и пристальный взгляд на меня.

— Это ты Хранителя равновесия так обозвал?

В ответ кивнули. Впервые слышу такое обращение к Широ, но на то он и чокнутый мертвяк, чтобы иметь свои особенности.

— А вот и четверка твоих рыцарей прибыла, — абсолютно спокойно осматривая прибывших, и, при этом, слегка наклонив голову, выдал некромант.

— Су, ты в порядке? — не отрывая глаз от противника, поинтересовался эльф.

— Да, — слегка резко крикнула я. Нервишки шалят.

— О нет, Аришантэль, ты защищаешь банши!? — и это чудовище приложило руку к щеке, явно играя на публику, — не ты ли первым рвался отправить ее на тот свет? Тьма! Моя картина мира разрушена. Но, — и тут же на смену досады приходит мерзкая ухмылка, — вас как раз теперь пятеро. Видите, я благороден. Мои разумные, против вас. Надеюсь, ты составишь мне компанию, банш-ш-ш-ши?

— Нет, — мгновенно отозвалась.

— Ну, тогда у меня нет выбора. Когда твои защитники умоются кровью, я все же поболтаю с тобой, — и он выделил следующие слова, — по душам, кхр-кхр-кхр.

Ха-ха, мертвецкий юмор некромантов. Что может быть более устрашающим в данной ситуации.

Но больше шутить маг не собирался. Пятерка разумных выступила вперед. Так же, как и Ласкан, Атар, Баск, Широ и Шантэль, от чьего присутствия я была на седьмом небе.

— О, Аришантэль, я совсем забыл. Для тебя у меня ос-с-с-собый подарок, — предвкушение чьей-то боли приводило мага в блаженство, и именно оно сейчас властвовало над ним.

Один из разумных сделал два шага по направлению к Шантелю. Плавным движением капюшон, что скрывал лик проклятого ото всех, заскользил вниз и упал позади на спину.

— Темень и ее твари!

— Урод! — взвыл Широ.

А было из-за чего. Перед нами стояла целая и невредимая Магнолия.

— Вы удивлены? Зря, Магнолия одно из моих самых сильных созданий и единственная выжившая в той войне. Признаться, вы ее подпортили, и на мгновение я испытал что-то похожее на м-м-м, как же это... — и он пощелкал когтями друг о друга, будто пытался вспомнить это чувство.

— Досада, — помогла своему хозяину проклятая.

— Да, именно это чувство, — ласково-убийственный взгляд на проклятую, — досада, когда чуть не потерял мою девочку. Но она вам не по зубам и, как видите, полностью восстановилась, — и это склизкое нечто провело своей конечностью по щеке мертвой. Бр-р-р, даже меня передернуло, а та стоит и не шелохнется.

— Что же до тебя, Алибаскаэль, то и ты не останешься без подарка.

Вперед вышел следующий каратель, и когда с него упал капюшон, Баск вздрогнул. Это был высокий красивый светлый, с серыми глазами и каштановыми волосами.

— Лорисаэль! — выдохнул Али.

— Кто это? — не сдержалась, каюсь.

— Мой учитель по магии воздуха и... друг, — последнее эльф сказал очень тихо и сквозь крепко сжатые зубы.

Орков некромант, он старается каждого задеть за живое, тем самым надеется победить. В случае с Шантэлем, это гнев, с Баском — дружба. А что же для остальных?

— Вижу, вы с нетерпением ждете остальных подарков. Что ж, не буду вас мучить, — и оставшиеся капюшоны слетели одновременно.

— Отец! — этот выкрик принадлежал Ласкану, а предназначался, по-видимому, невысокому золотоволосому бледному мужчине с голубыми глазами.

— Рыгор! — это уже Атар и я. Ведь одного из генералов своей долины мы уж точно знали, и он когда-то был орком. Единственный нормальный из своего племени. Был.

— Он жемчужина моей коллекции. Захватил его сразу же после того, как ты рванул в долину за своей семьей и банши, — и гнойный коготь прочертил борозду на щеке воина. Крови было очень мало, ведь Рыгор уже давно мертв, и она загустела за столько весен, но царапина осталась на ван и потом мгновенно затянулась.

Странно, но от Широ не было никаких выкриков, и это заставило меня оторваться от орка и посмотреть на эльфа. Напротив него стоял кельпи. Память услужливо подсказала, что это король водных духов, что правил во времена долин. Именно он пришел к Атару с просьбой о помощи в построении Galad Isilme.

— Ты прости, хранитель равновесия, — он скривился на обращении, — но для тебя подарка не нашлось.

— Смотрю, ты изрядно потрудился, чтобы собрать столь сильных существ, — спокойно высказался Широ. Он единственный сейчас сохранял разум чистым, — тем обиднее будет проигрыш.

И с этими словами в мертвого кельпи полетела сеть смертельных заклинаний. Это стало отмашкой для всех. Они дрались как обезумевшие, тратя все больше и больше сил на энергозатратные заклинания, тогда как Широ явно экономил и уже добивал своего врага.

Увы, но привести в чувство разозленных мужчин для меня не представлялось возможным, поскольку передо мной был кое-кто похуже проклятых.

— Открой портал, девочка, и покончим с этой войной.

— Извини, но магией не владею, — прошипела сквозь зубы. Страх давил, но я все еще могла его сдерживать. Ведь именно он может дать толчок к потере контроля.

— А тебе и не нужно. Просто коснись арки, банши, и я отзову своих псов, — он наступал на меня, а я все косила в сторону, стараясь не упустить ничего из битвы друзей. Ведь его предложение было резонным. Баск и Шантэль явно проигрывали. Дроу калека, а Али маг воздуха и нанести ощутимый ущерб проклятому просто не может. А если учесть, что оба явно далеки от трезвости ума, можно с уверенностью говорить о скором поражении.

Моя рассредоточенность внимания сыграла против меня. Всего взгляд в сторону, и меня уже схватили за предплечье когтистой рукой.

— Urin nir[1]! — и я с силой опускаю переливающееся синим и красным лезвие клинка на запястье монстра.

— Кхра-а-а-а! — это вроде как крик боли или разочарования. Понять точно было сложно.

Костлявая кисть упала прямо мне под ноги, а Коршун остался стоять на месте и уже здоровой рукой вырвал у меня из рук меч. Зашипел, явно от боли, ведь кожа под пальцами начала плавиться (мое оружие имело защиту от захвата), но клинок сжал сильнее. Какое-то неразборчивое шипение заклинания, и Коршун неуклюже отбрасывает Пылающую слезу себе за спину. Я попятилась назад, выставив два боевых ножа перед собой. Не магические, но лучше, чем ничего. Не знаю, что сделал с мечом некромант, но я больше не могла его призвать. Клинок оставался глух к моим мольбам и лежал неподвижно в почерневшей от магии траве.

Попытки вызова оружия пришлось прервать. Маг снова наступал, предварительно отрастив правую руку и залечив левую. И если раньше вид герцога был устрашающим, то сейчас он стал безумным и кровожадным, что пугало гораздо больше. Внешне он почти не изменился, но вот взгляд и выражение морды стали поистине ужасающими.

— Я оторву тебе ноги, выдавлю глаза и вырву язык с уш-ш-ш-шами, — грозно шипя, маг теснил меня к арке перехода, — а потом приволоку твое обезображенное, но все еще живое тело к portalу. Активирую проход, и захвачу долину. Но ты этого не увидишь и не услышишь, даже сказать об этом никому не сможешь. Ты будешь кучей мяса и костей, истекающей кровью и доживающей последние вары вместе с этим убогим закрытым миром, что я очищу от всех живых!

Его корявая лапа уже почти дотянулась до меня, когда некроманта снесло сгустком смертельной энергии.

— Смена партнера! — крикнул подбежавший Широ и грубо толкнул меня в сторону своего кельпи. От шока я чуть не приземлилась лицом на землю, но вовремя спохватилась. Это ЧТО сейчас было?!

— Tara Iani.

Я посмотрела на говорившего. Видимо и этот индивид знал, кем меня кельпи нарекли. Мне поклонились и сразу же напали. Благо, мой клинок Широ пинком выбросил из

странного островка с магией, и я снова смогла его призвать. Взмах меча, уход от когтистой лапы, и я одним ударом снесла голову проклятому. На удивление, труп остался лежать и не восстанавливался. По всему телу келпи зияли дыры и явно были смертельными. То есть он и без моей помощи через вар подох бы.

Я огляделась и только сейчас заметила огромного черного дракона рядом с Шантэлем, и под его передней лапой что-то подозрительно шевелилось, при этом истекая кровью. Если судить по кровожадному взгляду дроу на эту лепешку, то это Магнолия. Не далеко от них сидел на траве раненый Баск, а его противник лежал горсткой пепла. Ласкан от истощения еле стоял, но это не страшно, ведь его отец изломанной куклой валялся на земле, пытаюсь срастить кости. На счастье, Атар уже справился со своим проклятым и противником Баска и теперь шел на помощь фениксу.

Что же получается, мы победили? Почти, остался еще некромант.

[1] Пылающая слеза

Глава 19 Шрамы души

Аришантэль ла Эк

Широварт явно больше не сдерживался. Исходящей от него силой буквально било по моей второй сущности. Магия смерти бесновалась внутри и рвалась наружу. Эта внутренняя борьба буквально пригвоздила меня к земле.

Магнолия явно решила, что я обезумел от злости. Отчасти это было правдой. Вот только я больше боялся выхода своей второй сущности, чем гнева. В отличие от отца, моя вторая ипостась дракон, а эти существа самые непокорные во всех мирах. И если сила Широ высвободит моего дракона, мне будет очень сложно его контролировать. Я не прибегал к внутреннему зверю с прошлой войны и теперь страшился его высвобождения до дрожи.

— Ты умреш-ш-шь сейчас-с-с! — прошипела проклятая и напала.

От приближающейся угрозы в венах закипела кровь, откликаясь на беснующуюся вокруг магию смерти. Черный сгусток тлена, брошенный Магнолией, был последней каплей. Дракон пробудился. Когти прорезали кожу, витиеватые шипы выросли на голове и вдоль всего позвоночника, включая отросший хвост. Мощные кожистые крылья распахнулись за спиной, завивая воздушные вихри с обеих сторон от меня. Увы, но это всего лишь полуформа. Как и отец, я не могу полностью перевоплощаться, ведь я полукровка. Тело дроу осталось, лишь трансформировав некоторые части тела. А вот зверь был цельным, и ему было чхать, что форма неполная. Он был силен, как полноценный дракон.

Я с легкостью отбил первую атаку, а дальше начался кошмар. Зверь взбесился, его охватила бешеная злоба. Дракон вспомнил своего прошлого противника, что убил дорогую его сердцу женщину, и ринулся в бой. Стоит ли говорить, что озлобленный зверь против расчетливой бездушной твари, что тролль с дубиной против мага. Я проигрывал. Разум все больше становился звериным. И вдруг как в прорубь окунули. Гнев утих, а мысли прояснились. Вовремя, проклятая как раз хотела всадить свой странный изломанный меч прямо мне в сердце. Это оружие я никогда не забуду. Именно им это чудовище отрубило руку моей жене и искалечило мое тело.

До сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю, с каким удовольствием разумная делала надрез за надрезом на моем обессиленном, почти мертвом теле. Я не сопротивлялся. Сил не было даже двинуть ладонью, но Магнолии было все равно. Она хотела упиваться страданиями, и она это делала, истязая мою беззащитную плоть.

Теперь же все иначе. Я рывком ушел в сторону от удара, развернулся и всадил все пять острых, как бритва, когтя в спину проклятой, предположительно туда, где у нее когда-то было сердце. Рука вошла глубже, чем я думал, ломая ребра и прорывая грудину спереди. Было ощущение, что тело внутри абсолютно пустое. Отпихнув ногой от себя нежить, я удостоверился в своих предположениях. Тело разумной было лишь каркасом без ненужных мертвой внутренностей. А значит, ее не убить никому кроме мага земли или некроманта. Я не являлся ни тем, ни другим, а каратель уже восстанавливалась.

— Помочь, — раздалось над моей головой.

Взгляд сам собой поднялся в небо. А там завис над моей головой огромный черный дракон. И тут я понял: вот кто призвал к порядку моего зверя. Дурук самый сильный дракон

в клане Коготь неба. Он вожак. Пусть я и лишил его этого титула, потребовав наказания за смерть Зрии, мой дракон все равно принял его как сильнейшего.

— Тут нужен некромант, — выкрикнул я.

Дракон слегка огляделся, понял, что свободных некромантов в наличии нет, и сделал единственно верное: обездвижил Магнолию. И сделал он это так же, как проклятая убила мою любовь. Дурок просто наступил на тело нежити и раздавил его.

— Пусть почувствует весь калейдоскоп боли, на которую обрекла Азриэль, — рыкнул дракон и начал размазывать Магнолию тонким слоем по земле. Он мстил за светлую эльфийку, мать моего сына и мою любовь.

А я наслаждался зрелищем. Пусть это чудовище мертво, но хоть часть боли оно все равно чувствует. Для меня этого достаточно. Закралась жестокая мысль, чтобы бой Широ чуть затянулся, и эта гадина успела прочувствовать каждый камешек, что растирал ее кости и плоть в пыль, но победа важнее мести.

Ласкан зи Верг Налю

— Отец... — голос дрогнул. Я сглотнул.

Прошло уже так много времени с моего изгнания, а я до сих пор чувствую себя тем сопливым, ни на что не годным мальчишкой, каким был перед отцом в тот день. Эта боль и страх настолько глубоко засели, что один взгляд существа, бывшего моим отцом, заставляет замереть несчастной жертвой с участью смертника.

— Ты сильнее! — рык справа, и я делаю то, что никогда не сделал бы я нынешний. Я обернулся на окрик.

Это был Атар. Он явно добивал своего противника, но все же нашел момент, чтобы вывести меня из оцепенения. Ему это удалось, вот только Лаис не собирался дожидаться вменяемости противника. Его вполне устраивала и обездвиженная от застаревшего страха статуя. Я почти успел увернуться, но он задел ключицу. Еще бы ван промедления, и горло было бы просто перерезано.

На лице бывшего короля фениксов расцвела улыбка.

— Ты стал быстрее. Вот только свою природу тебе не побороть, — и улыбка стала слишком довольной.

Еще бы, ведь это доказывает, что он выгнал меня из клана не без причины. Я все еще ничтожество для него, выродок, что не достоин носить часть его имени. Глаза золотого феникса, пылающие торжеством, отчетливо все это мне говорили сквозь режущее розовое пламя. Я снова горю. Еще немного, и буду пеплом у его ног. Пылью, что не достойна даже касаться его. Я знал все это, будто читал его мысли.

Я проиграл. Столько сил, времени и нервов потрачено на тренировки, на становления кем-то сильнее себя прошлого. Кем-то достойным титула принца, кем-то способным защитить свою семью и дорогих существ, и все впустую.

Я чувствовал нарастающий жар своего огня. Сейчас все кончится.

Удар в грудь! Меня выбросило из собственного пламени! Как такое, орки заруби, вообще возможно?! Я устоял с большим трудом и тут же уставился на очевидное невероятное. Мое пламя горело без меня, а тело не планировало осыпаться пеплом. Вместо меня в розовых всполохах стоял юноша. Фиолетовые длинные волосы хлестали его по лицу,

норовя попасть в рот и зашить глаза, но феникс ловко убрал их и связал шнурком. Именно феникс, поскольку мальчишка все еще не сгорел. Только очень сильные представители моего вида способны на подмену смерти. А учитывая, что я на своем жизненном пути таких не встречал, этот индивид очень силен. Он заменил меня собой. Теперь умрет он, а не я. Вот только вопрос, почему все еще не сгорел?

— Я выдержу два вара, — голос феникса бы уверенным и, на удивление, спокойным, — поторопись, — и он сосредоточился на своей силе, давая мне так необходимое время.

— Почему ты среди проклятых?

Полностью уделяю свое внимание отцу. Нельзя бездарно потратить эти два вара. Ведь мальчишке больно. Умирать всегда больно, но он все равно на это пошел. Знать бы почему?

— Я умер. Разве это не очевидно? — и снова снисходительная улыбка, будто ведет беседу с ребенком или слабоумным.

— Кто провел обряд? — это было важно. Настолько, что я рискнул отпущенным мне временем.

— Охотники, — теперь его лицо искривилось ненавистью и отвращением.

Да, убить нас окончательно можно лишь на алтаре, проведя обряд жертвоприношения Всенижнему. Властитель обители мучений и страданий получает душу, охотники трофеи.

— И как же ты к ним попал?

Удивление было искренним, так как мы уже давно знаем тропы в обход остальных рас. Наткнуться на охотников просто невозможно. Иначе бы мы уже вымерли.

Ответа не последовало. Вместо него прожигающий ненавистью взгляд.

— Его изгнали, — напряженный голос из моего ревушего пламени стал неожиданностью.

И тут я все понял. Он пошел в каратели самостоятельно, его не принуждали. Он хочет отомстить.

— Кто? — это был крик. Мой крик. Я так боялся узнать, что и ее больше нет. Что мою невесту изгнали вместе с отцом.

— Моя мать...

— ЭНГЕ! — и столько жгучего гнева и боли было в этом оре. Отец больше не был собой. Он был чудовищем, страшным и опасным, но уязвимым.

Теперь я успокоился. Моя любимая изгнала его, а значит, глава теперь Энге, и она жива. А еще у нее ребенок, но об этом я подумаю потом.

Лаис не выдержал первым, и попытался атаковать меня тонким клинком, будучи уверенным, что я отвлекся. Но я был собран. Теперь полностью.

Удар — перелом запястья, сустав в труху. Второй — лучевая кость напополам. Третий — плечо выбито, вправить невозможно. Четвертый — шея свернута, перелом позвоночника в трех местах. Голова болтается лишь на коже. Пятый — перелом тазовых костей, и он, наконец-то, оседает кучкой мяса, кожи и костяной трухи. Не сдается. Начинается регенерация.

— Ну уж нет. Я сказал лежать! — серия ударов, и в теле проклятого не осталось ни одной целой кости. На их срачивание уйдет пол рассвета, не меньше. К этому моменту его уже развеют.

— К-к-как? — я даже подумал, что мне показалось, но нет. Взгляд был красноречивее слов.

— Мне даже не пришлось тебя касаться, — я посмотрел на свою красную ладонь, что

горела от скорости воздушных ударов, которые я наносил Лаису, — воздух, отец. Самая бездарная стихия, по твоему мнению, разделала тебя под котлету.

— А-а-а-а... хр-р-р... — раздалось за моей спиной. Явно предсмертные крики.

Я тут же рванул к фиолетовому фениксу, но не успел заменить его собой. Глупо было лезть в свой же огонь, но оставить мальчишку наедине со смертью, которая случается с ним, я уверен в этом, впервые, моя сущность не могла. Сгорели мы с ним вместе. Я, как и положено, от пореза, он — от моего пламени. Но это было не важно. Важным были губы, что шептали что-то, руки, что потянулись к нам обоим, и глаза, наполненные любовью, пусть и не ко мне. Я увидел Энге. Теперь можно и на перерождение.

Алибаскаэль рен Сиу

Я был лучшего о себе мнения. Владыка Хрустальных лесов всегда считался сдержанным и рассудительным эльфом. Увы, всего одна встреча с трагически погибшим наставником выбила меня из колеи.

Воздух всегда считался не особо сильной стихией в силу того, что овладеть им на должном уровне способны единицы. Я с самого рождения слушал насмешки от сверстников по поводу моей доминантной стихии. Даже отец, пусть и верил в меня, не особо надеялся на высокие результаты. Зато он компенсировал это великолепным образованием, на которое не жалел ни сил, ни средств. Однако, моих самостоятельных занятий со стихией было явно недостаточно. Это видела и мать.

Прошло более сотни лет моего саморазвития, когда пришел Лорисаэль. Уж не знаю, как моя заботливая матушка нашла его, но эльф был непревзойденным мастером воздуха. Он в шутку мог поднять бурю в ограниченном пространстве или остановить шторм. Таким выходкам способствовало проживание на берегу моря и беспокойный климат предгорья.

Я воочию убедился, что воздух может быть разрушительной силой. Мой учитель играючи раскрошил целую скалу в пыль. Это было завораживающее и в то же время страшное зрелище. В тот день я увидел цель. Достичь таких же результатов стало для меня приоритетной задачей на ближайшие три сотни весен. И я смог.

Лори был больше не нужен мне как учитель. Я мог дальше развиваться сам. Но мы сильно сдружились с эльфом, и я не хотел отпускать его на юго-восточное побережье. Вот только триста весен и так большой срок, продлевать его учитель не хотел. А посему Лорисаэль решил не оставаться при дворе и покинул территорию светлых эльфов, на которой мы жили. Ведь моя мама была светлой.

Мы поддерживали связь долгое время, но она оборвалась, когда я потерял мать. Потрясение для меня и моего отца было слишком сильным. К тому же я готовился принять бразды правления в свои руки. Ведь у деда были свои проблемы. Широ спасал банши. Потому не удивительно, что я перестал отвечать на письма Лори, а он их писать. Вот только через весен пять я попытался вновь наладить переписку. Ответа не последовало. Сколько бы попыток я не делал, результат был одним. Связи не было. Сейчас я понимаю, что Лорисаэля, скорее всего, не было уже в живых.

— Прости, что не отвечал на твои письма, — твердо проговорил. Я всегда хотел за это извиниться.

— Я никогда на это не обижался. И мне жаль твою мать, — смерть не изменила его

голоса. От этого на душе становилось тяжело.

— Я не хотел бы быть твоим противником.

— Поддаваться не советую, — теперь он угрожал мне, медленно наступая.

— И в мыслях не было, — тут же ответил я, — несмотря на нежелание драться с тобой, я уверен, что мне повезло с противником. Только я знаю твои слабые стороны, а значит, у меня не плохие шансы надрать твою задницу.

И широкая улыбка была мне ответом. Такая же была на моем лице. Пусть больно, пусть неправильно, но мы встретились и у нас есть последний шанс сразиться в поединке. А это дорогого стоит. Особенно, для таких друзей, как мы.

Удар силовой волной я отразил точно такой же.

— Пф-ф, банально, учитель.

— Это разминка, Баск. Не отвлекайся.

И действительно, первый удар был тычком по сравнению с последовавшим за ним торнадо. Но я был готов и к этому. Мгновенно сориентировавшись, я закрутил свой торнадо в противоположную сторону. Когда два разрушающих явления природы столкнулись, то попросту нейтрализовали друг друга.

— Ты не филонил, как я погляжу.

— Не имел права. Ведь я Владыка.

Лори удивился. Это было видно даже по его мертвому лицу. Неужели он не дожил даже до моей коронации?

— Жаль, я пропустил столь важное событие, — подтвердил мои наихудшие опасения учитель.

И это было последней каплей. Я больше не позволю этому чудовищу управлять Лорисаэлем. Рывок вперед, уход от ледяного воздушного тарана, подныриваю под направленный мне в грудь вихрь и, не поднимаясь с колен, удар сжатым воздухом прямо по шее. Ногу все же мне рассекло. Не зря Лорисаэль был самым сильным магом воздуха.

— Я горжусь тобой, — из уголка рта потекла кровь, а взгляд стал умиротворенным. Смерть приносила облегчение. У Лори была лишь надежда на освобождение от пут подчинения, но и ее было достаточно для избавления истерзанной души от мук.

Моя рука замерла в тане от разорванной шеи эльфа. Ласкан хорошо обучил меня своему удару. Вот только я предпочитал убивать мгновенно, а не ломать противнику кости.

— Покойся с миром, — смотреть в упавшее на грудь лицо Лори было пыткой, но я ее вытерпел.

— От такого я не умру, ты же знаешь, — хрип, ведь связки перерезаны, а на синюю рубашку стекает сгусток вишневой крови. Мертвой крови.

— А я и не собирался тебя убивать, — перерезая сухожилия подмышками и на бедрах, обездвижил эльфа и аккуратно уложил его на траву. Голова, как болванчик, мотнулась и упала на землю сильно запрокинутой и неестественно свернутой. Я осторожно поправил ее, держа лицо друга на становящихся все более кровавыми от нашей общей крови коленях. Так я мог смотреть в его серые глаза и видеть присутствие дорогого мне человека, а не искалеченную управляемую куклу.

— Пока ты восстановишься, кашир уже развеет твоё тело и освободит душу. Если же ты проявишь чудеса регенерации, придется снова резать тебе конечности. А мне это не доставляет никакого удовольствия. Так что лежи смирно и лучше расскажи мне, как ты жил до смерти.

Связки потихоньку срастались, и с каждым словом голос становился громче и увереннее. Лори говорил о магии, о своем родном городке и о последнем тайфуне, что принес ему ликование стихии и смерть. Я хотел слушать обо всем, зная, что это в последний раз. Вот только, увы, времени у нас оказалось слишком мало.

Атар уже направлялся ко мне. Мой противник явно был в лучшем состоянии, чем отец Ласкана, а значит, феникс может подождать. А Лорисаэлю пора уйти и получить такой долгожданный покой. Ведь проклятые не могут попасть за грань. Однажды вырванная из смерти душа уже не вернется в посмертие никогда. У карателей один путь — в небытие. Но это лучше рабского существования. И мы оба это понимали.

Арк Тариван Атар, воин кашир

Рыгор был когда-то одним из моих генералов. Он был единственным орком, что смог добиться моего доверия и поселиться в Трех лучах. Нас не связывала крепкая дружба, только скупое мужское взаимоуважение. Но он был лучшим воином в моей армии и занимал свой пост не за красивые глаза. Вся голова Рыгора была покрыта косами, что говорило о высшей ступени мастерства у его народа. Он силен.

— Светлого, Атар. Этой встречи я опасался все эти долгие пятьсот весен. Он все-таки добрался до тебя, — и мощный, с желтоватой кожей, орк криво улыбнулся.

— А я тебя вообще не планировал больше видеть, — никаких сильных чувств во мне эта встреча не вызывала. Жаль, что такого хорошего воина убили и пленили, но это его проблемы. Меня волнует лишь одно, как быстро я смогу его убить.

— Мы можем избежать драки. У меня четкий приказ не допустить твоей смерти.

По его взгляду явно читалось, что схватку и мое полумертвое тело Рыгор предпочитал глупому бездействию, но предложить мирное урегулирование вопроса был обязан.

— Тогда у тебя нет и шанса, — спокойно сообщил сей факт бывшему генералу моей долины. Он явно не хотел уходить в небытие и принял службу даже такому отвратительному существу, как Коршун, с благосклонностью.

— Посмотрим, кашир-р-р.

— Ну смотри.

Я быстро зашептал заклинание, одновременно уходя от атак его булавы. Орк предпочитал именно это оружие за его кровавость и то месиво, что оставляли от тела железные шипы на намершии.

Рыгор пытался сбить меня и остановить смертельное для него заклятие. Вот только бывший генерал не учел того, что я не сопливый маг. Уворачиваться от его мощных атак не составляет для меня особого труда. Я даже могу иногда контратаковать орка, при этом не изменив даже интонации вплетаемых в сеть заклинания слов. В моих мозолистых ладонях, плотно обхвативших рукояти, скимитары привычно исполняли свой смертельный танец. Но вот я закончил плести заклинание. Сеть зеленых змеек стеклась со всего тела в мою правую ладонь. В тот же миг я позволил скимитару свободно упасть на землю, левым клинком заблокировал удар Рыгора, а светящейся магией ладонью впечатал заклинание разрушения прямо в грудь орка. Он даже не успел удивиться, как опал на землю горсткой трухи.

Бой окончен. И как бы мне не хотелось схватить банши и унести ее подальше от всего этого безумия, нужно помочь остальным и, наконец, покончить с Коршуном. Первым делом

я развеял проклятого, что был противником Владыки эльфов. Оставив Алибаскаэля оплакивать друга, я направился к Ласкану. С его отцом тоже не возникло проблем, только резерв сильно пострадал. Его и так у меня после сражений половина осталась. Теперь лишь четверть.

Шриварту помощь не требовалась. Он и сам прекрасно справился и теперь атаковал некроманта. Только сейчас я увидел, насколько разница наша сила. Если я владею наивысшим уровнем магии по меркам нашего мира, то эльф силен в межмировых масштабах. Он создавал заклятия такой разрушительной мощности, что мне даже не снилась. Неужели он на самом деле хранитель равновесия во всех мирах? Тогда некромант гарантированно труп.

Глава 20 Равновесие

Пришла в себя я довольно быстро. Вот только сделать ничего не могла. Все были измотаны, кто-то ранен, но живы, а их противники мертвы. Только Широ продолжал нападать на тварь, что когда-то была герцогом. Но в этот бой лезть точно не стоило.

Сейчас несомненно сильнейшие некроманты этого мира, а возможно, не только этого, сошлись на смерть. Заклинания огромной силы летали от одного к другому, и никто не собирался сдерживаться. Коршун уже понял, что война им проиграна и теперь стремился ускользнуть, но эльф ему не позволял. Меня так захватила схватка, что я даже не засекала тот момент, когда ко мне подошли остальные.

— Су, встань с земли, — меня попытались поднять. Куда там, ноги не держали.

— Атар, помогите ему, — я жалобно посмотрела на воина.

Широ силен, но и его резерв уже на пределе после войны. Почему же они все стоят и не помогут ему.

— Данка, мы не самоубийцы, — на мое плече легла рука, — та магия, что сейчас окружает твоего оборотня, просто развеет нас по ветру. Это другой уровень, банши. И мы до него никак не дотягиваем.

И я поверила фениксу. Не зря он Знающий. А рядом с ним стояла маленькая Энге, что переродилась, и обнимала сына за ногу. Интересно, Ласкан уже знает, что Лаэкан его ребенок? Внимательно взгляделась в розовые глаза, хитро прищуренные, и поняла, уже успел прошерстить историю и вызнать пикантные подробности. Ведь чтобы увидеть определенные события, нужно знать точное время, когда они были, и место, где они произошли. Именно это усложняет видение для хранителей истории.

Но это все на втором плане. Меня сейчас больше занимал бой моего эльфа. Он устал, но атаки его были все так же сильны. Последний же удар был настолько мощным выбросом смертельного сгустка, что нас, как котят неразумных, отшвырнуло в сторону. А мы стояли на достаточном удалении, чтобы, не дай Всечувствующие, не прилетело черным копьем по темечку.

Наш общий полет закончился в дриадском лесу. Даже скулящего Алкая протащило до самых деревьев. А он лежал значительно дальше нас. Благо, приземлилась я на Атара. Точнее, воин меня поймал, а я помогла ему распластаться на земле. На ногах мы оказались как раз в тот момент, когда Коршун упал на колени, то есть то, что от него осталось, а Широ сгорбившись стоял в десяти тарах от него. Мой оборотень победил, теперь это было очевидным. Волна облегчения и радости затопила все естество. Но подойти к эльфу я не успела.

— КТО ПОСМЕЛ НАРУШИТЬ ЗАКОН РАВНОВЕСИЯ!!!

Голос прозвучал настолько громко и внезапно, что мы все закрыли уши руками, только бы не оглохнуть.

— О нет, — простонал Широ, вытирая ладонью набежавшую со лба кровь. Последняя атака монстра явно была сильнее всех предыдущих, и эльф не смог ее отразить. Или не захотел?

— Широарт ла Эк рен Сиу ва Куилагур! Рожденный Динаристан, хранитель равновесия во всех мирах и Владыка всех светлых эльфов, как посмел ТЫ превысить уровень

допустимой магической силы для закрытого мира Синул? — голос все звучал, пробиваясь сквозь плотно прижатые к ушам ладони.

А потом наступила тишина. Я опасливо заозиралась, но не найдя источник ора, решила оторвать руки от головы. Остальные опасливо делали то же самое.

— Выходи, — устало буркнул эльф и уселся на траву. Коршун уже никуда не денется, а стоять и дальше Широ, похоже, было тяжело.

В ответ на его требование воздух перед светлым пошел рябью и будто треснул пополам. Сквозь разлом лился яркий голубоватый свет, но ни это было самым странным. Спустя вар из новоявленного разрыва пространства выплыла изящная женская ножка. Легонько коснувшись влажной травы, она отстранилась, но вскоре снова потянулась к земле и на сей раз ступила на нее. Владелица ноги не стала нас томить неизвестностью и одним плавным движением буквально вплыла в наш мир.

Я мгновенно узнала ее. Это та самая женщина, что приходила ко мне во снах. Именно она спасла нас от болотников, разбудив меня, и она показала мне будущее с вампиром, когда чудом удалось избежать его власти надо мной.

— Ты! — восклицание непроизвольно вырвалось, когда я окончательно убедилась, что эта жгучая брюнетка с глазами голубее неба и идеальной округлой фигурой та самая женщина из снов.

— Я, я, кто же еще, — передразнила меня девушка. Женщиной назвать это юное создание язык не поворачивался, а она явно живет подольше нас всех вместе взятых.

У меня уже было предположение на ее счет, и сейчас оно подтвердилось. Перед нами богиня. Воплоти. А я знаю только одну в пантеоне богов, что ходит между мирами и имеет живое, пусть и бессмертное, тело. Равновесие!

— Верно мыслишь, девочка. Единственная, кстати, догадалась, — богиня посмотрела на меня своими завораживающими глазами с угольно-черными прожилками. Голубой был цветом жизни — ее матери, а смоляной был цветом смерти — ее отца.

Богине было обеспечено полное внимание всех присутствующих, чем она и пользовалась. Стояла, молчала и выгодно подчеркивала легкими движениями все прелести своей фигуры, что легко угадывались под белой облегающей рубашкой и черными кожаными штанами. На ногах же были плотно обхватывающие голень черные сапоги. Девушка явно собиралась, наконец, заговорить, но именно этот момент выбрал некромант, чтобы выкрикнуть:

— Ты его не найдешь, богиня! Он слишком умен, чтобы так легко попасться!

— Найду, — девушка, величественно подняв подбородок, смерила Коршуна уничижительным взглядом, — зря он дал тебе силу, Milva[1]. Очень зря, — и глаза богини опасно сверкнули.

Некромант сразу весь съёжился и начал отползать от Равновесия.

— Я не скажу тебе ничего, дочь Жизни и Смерти!

— Конечно, не скажешь. Мертвые не говорят, если их не поднять. А ты нечто среднее. И я не думаю, что он совершил такую оплошность и дал тебе информацию о себе сверх нужной. Ты бесполезный кусок мертвой плоти и прогнившей души, — Равновесие просто выплевывала эти слова ему в окровавленную морду. Чудовище было в панике, какую я никогда не ожидала увидеть у столь жестокой твари.

— Умри, — от этого тихого шепота у меня кровь застыла в жилах.

Некромант начал корчиться и извиваться, хрипя от ослепительной боли, а богиня всего

лишь смотрела на него, не двигая и пальцем. Что за чудовищная сила?

Только когда от мага осталась лужа какой-то черной густой массы, девушка отвела взгляд. И направлен он был теперь на Широ.

— Закончила? — раздраженно спросил эльф.

О Всевышние, он из ума выжил? Да она его сейчас на ломтики порежет.

— Только начала, — пропела в ответ богиня. И от этого кокетливого тона мы все выпали в осадок!

— Как давно ты вмешалась?

Куда вмешалась? Зачем вмешалась? ЧТО ВООБЩЕ ПРОИСХОДИТ? Это читалось у нас на лбах заглавными буквами с алой подсветкой.

— Пятьсот весен назад, милый, — богиня сделала изящный жест пальцами, и, откуда ни возмись, появилось белоснежное резное кресло, в которое не преминули сесть, — я тогда не дала магу умереть. Увы, спасти всю личность целиком не удалось. Вот и ходил ваш кашир слегка стукнутой пыльным мешком.

— Зачем? — продолжил допрос светлый, а кое-кто и не был особо против.

— Мне нужно было выманить падшего бога, — вздрогнули все, а богиня, как ни в чем не бывало, продолжила, — вот и пришлось спасать вашу долину, чтобы у его прихвостня была причина вернуться на Синул.

И тут она посмотрела прямо на меня. Как я осталась стоять, сама не знаю.

— Прости за то, что вселилась тогда в тебя, детка, но явиться лично я могу крайне редко.

— Например, сейчас, — поддразнил ее Широ.

— Например, да, — так же шутливо поддели в ответ, — кое-кто магический фон всего мира в лоскутки превратил. Кто бы это мог быть, сына?

— Как будто ты не этого добивалась с самого начала, мама, — не смолчал эльф.

Э-э-э-э-э! Это в смысле мы все ее создания и дети?

Равновесие снова посмотрела на меня и очень пристально, будто хотела увериться, что следующие слова до меня точно дойдут.

— Меня зовут Куилагур — соединившая жизнь и смерть. Можно просто Ку, — от одной мысли называть эту девушку кратким именем меня пробрал озноб. Видимо, что-то отразилось на моем лице, так как мне снисходительно улыбнулись и продолжили доносить информацию до обескураженного мозга, — а Динар мой рожденный первенец, — и мои ноги все-таки подкосились.

Смотря на все безобразие, что творилось вокруг нее, а именно дезориентированные, паникующие существа, кроме Али и Шантеля (какие стойкие эльфы!), богиня внесла конструктивное предложение:

— Может, войдем в долину? — обращалась воплощенная явно не к ошарашенным нам, — вы все отдохнете, залечите раны, и тогда поговорим. М-м-м? — мурлыкнула она.

— Нет уж, повторно ты не явишься сюда. Иначе мир коллапсирует. Не думаю, что ты создавала его только для того, чтобы одним прекрасным утром разрушить, — и эльф поднялся на ноги, будто он сможет удержать свою мать, если она вознамерится уйти. Да не смешите Палены копыта!

— Умный какой, — пробубнила Куилагур, — ладно, задавайте свои вопросы, — и она откинулась на спинку кресла, готовясь вытерпеть до-о-олгий разговор.

— Вы всеялись в меня? — да, это я осмелела. Все остальные пытались осознать, что у

них тут сын богини под боком все время жил.

— А как по твоему Атар выжил? Ты же банши, а не целитель. Пришлось все в свои руки брать. Чуть мне весь план не загубили, — от хлопка изящных ладошек о колени вздрогнули все.

— Когда ты еще корректировала реальность? — и снова слово взял Широ. А мы не против, меньше нам внимания достанется. Мы еще от демонстрации раздражения хлопком не отошли.

— Ну-у-у...

— Когда, мама?

— Я Дану с этим оболтусом столкнула, — и изящным движением божественная длань указала на Атара, — без меня они еще бы пол тысячелетия вокруг да около ходили. А у меня терпение, знаешь, какое, сынок? На пятьсот весен хватило, а дальше взбунтовалось.

— Что ты сделала? — обреченно вздохнул эльф, буквально падая на землю в попытке сесть, но его поймало еще одно материализовавшееся из воздуха кресло. Миг, и у каждого из нас сзади оказалось по такому же. Меня вообще подхватило с земли. Еще ван, и мы все оказались в бело-черном стеклянном зале, а за сплошными прозрачными стенами все плыло, перекачивалось и вертелось в вихре.

— Эфир, детки. Подберите челюсти. А оборотень слюни! — раздраженно буркнула на огонька, — Нечего мне зал приемов оплевывать всякой дрянью!

Посмотрела туда, куда был направлен хитрый взгляд богини, и увидела давящегося Алкая. Кажется, он перепугался и перестарался с подборанием. Ипостась оборотень сменил и теперь щеголял с голой попой.

— Прикройся, эксгибиционист несчастный, — взмах руки и на оборотне вполне сносная рубашка со штанами и ботинками.

Меня, в отличие от богини, голый оборотень не волновал. А вот затянувшиеся раны и небывалый прилив сил, очень.

— Эфир лечит, — это опять мне. Ах да, было у меня предположение, что она мысли читать умеет. Теперь я в этом уверена.

Огляделась, и вправду все здоровы и пышут жизнью. Вот только Баск почему-то сидит грустный, что даже хвост поник и безжизненно лежит на полу. Хм... хвост? ХВОСТ?!

— Н-да... Ну, бывает и калечит, — развела руками Куилагур.

— Бабушка, убери его, а?

— Учись мириться со своей сущностью! — сказала, как отрезала.

— Я и мирюсь, но у нас разлад на генетическом уровне. Я светлый, а он — и тыкнул пальцем в кожистый черный хвост, — темный, демонический.

— Эх, демоненок. Кто ж знал, что моя кровь в праправнуках проснется, — и хвост Баска сам по себе исчез.

— Она и на внуках неплохо отыгралась, — заметил Шантэль, что царапал стекло огромными драконьими когтями и выдыхал с каждым словом обжигающий дым.

Всевышние, куда я попала??? Только сейчас дошло, что ни Баск, ни Шантэль не испугались богиню. Конечно, не испугались! Кто бабушку боится?! Они сами как та бабушка сейчас, ужасающе опасные.

— Суа, успокойся, — и меня крепко обняли со спины, предварительно подняв из кресла. Даже не заметила, когда он подошел. А у Широ тоже ипостась сменилась. Вон как действует на полу, треть и четверть богов эфир.

— Динар, вас кельпи ищут. Их тоже сюда?

— Нет.

— Поздно, — констатировал факт Шантэль. Кельпи уже появились посреди зала.

— Ой, какие они пугливые, — восхитилась голубоглазая богиня.

Если смену ипостаси и скалящиеся острыми клыками морды воспринимать как выражение страха, то да, пугливые.

— Ты не закончила с разъяснениями, — оттянул внимание девушки на себя эльф. Ну он то на себя, вот только я в его объятьях нынче обретаюсь.

— Я птичку подговорила, она напакостила девице. Та, в свою очередь, опрокинула помой на головы твоим наемникам, и вуаля! Дана, — она подняла указательный палец левой руки, — и Атар, — второй палец правой встал напротив первого, — наконец-то встретились, — и переплела пальцы.

Эльф за моей спиной рыкнул, сел на мое кресло и сграбастал меня на свои колени.

— Ой, я тебя умоляю. Поревновать решил? — а богиня явно с юмором. Демонстрация на пальцах явно была сделана, чтобы позлить Широ.

— Дальш-ш-ше, мама.

— Не шипи. Шипелка еще не доросла, — и не отвлекаясь от диалога с сыном, Куилагур создала еще два кресла для вновь прибывших кельпи, — это на случай, если вам скалится надоест и вы скотину неразумную изображать перестанете, — так, между прочим, сообщила ошарашенным коням.

— Так вот. Дальше я торговцу дала указание напомнить одной пустоголовой банши, что она во второй день полнолуния в степи сунуться решила. Спасла ей жизнь, раз! — богиня загнула один палец, — Дана встретила оборотня, и вот тут все пошло наперекосяк. Этот незначительный персонаж буквально сам вытянул все на себе.

Алкай явно был уверен, что никого не тянул. А потому обычная, слегка ироничная усмешка заняла свое положенное место.

— Не ухмыляйся, Альфа. Банши другого постоянного двора не нашла бы. И ждала ее смерть в лапах ликанов. И тут должно было быть два, но спасла не я, значит, не считается, — и девушка обиженно сморщила нос, — потом каратели. На заставе Алкай почувствовал кровь, но ее там не было. Так Дана выяснила, что на вас охотятся проклятые. Ели бы не оборотень, вы промаршировали бы прямо в ловушку и померли бы все разом. А так карателям пришлось с вами лично разбираться. Третий раз спасенная жизнь, и снова не в мою копилку, — и снова наигранно гневный взгляд на оборотня.

— Какой я полезный в хозяйстве зверь, оказывается, — съехидничал Алкай, и бровью не поведя от столь пристального внимания Ку.

— А то! — подтвердила богиня, — не будь тебя, с кем бы Баск отправил Данае клинок? А ведь именно он телепортировал банши к дреу, когда подземный вихрь чуть не размазал ее по стенам каньона. Итого: три спасения в твоём исполнении, одно в моем. Ведешь, оборотень, — пропела Куилагур. А огонек еще шире разулыбался. Они явно были на одной волне.

— Это же не конец, не правда ли? — ох, какой голос. Прямо волк-соблазнитель.

— Конечно, нет. За кого ты меня принимаешь. Я так просто не проигрываю, — и обнажив восемь очень острых клыков, богиня продолжила, — когда напали проклятые с Магнолией во главе, там был маг. Он прятался в лесу на случай проигрыша. Его задачей было добить выживших. И он убил бы кого-то из вас, если бы наш бравый волк не

приземлился прямо на него. Это ж надо, просто пришиб! Пусть и не насмерть, но этого хватило, чтобы вы его потом добились. Соответственно четыре — один. А вот дальше в игру вступаю я, — от хищности продемонстрированной улыбки меня передернуло.

Кельпи, кстати, решили последовать нашему примеру и уже в двуногом обличье сидели в образованном нами полукруге. А за стенами все также плыло пространство и закручивались спиралями события. Но то там, а здесь мы все внимательно вслушивались в рассказ Равновесия. И, особенно, о тех моментах, в которых принимали участие, но не знали о их значимости.

— У болотников я разбудила Дану и всех спасла. Четыре — два. От вампира тоже уберегла я.

Руки на моей талии напряглись. Вот знала, что когда-нибудь эта история всплывет.

— Какой вампир, мамуля? — прожурчал эльф у меня над ухом.

Беда-а-а-а...

— А он покушался на жизнь и честь твоей возлюбленной, — кто-то зарычал. А богиня, будто не замечая крайнего бешенства сына, продолжила, — там тако-о-о-ое должно было произойти, что даже мне стыдно вспоминать.

— Р-рар-р-р-р!

— Чего рычишь, киса. Девочка свободна. Я что-то не вижу на ней брачных уз.

Рычать эльф перестал. Он теперь просто непередаваемым взглядом сверлил мать.

— Так вот, — оставив без внимания молнии, что метал Широ, рассказ продолжили, — четыре — три. А если добавить еще случай пятьсот весен назад, когда я банши с воином в чувства приводила, то уже четыре — четыре. И заключительный победный штрих, — она замолчала, нагнетая обстановку, — кто же такой хороший восточку всем расам Синула послал, что у них на западе война идет, и ее исход аукнется всем?

Кто был этим самым благодетелем, догадаться не составит проблем. Поскольку, если и были сомнения, то оба указательных пальца богини, направленные на нее же, были красноречивее слов.

— Пять — четыре в мою пользу! Пусть банши и нашла такой хороший талисман в виде оборотня, без меня вам, мои хорошие, был бы один путь — на ту сторону, — и она указала ладонью за стену. Там начинался эфир — обиталище богов, а гораздо ниже мелькало междумирье, где души ждут очереди на перерождение.

— А то, что все это было ради поимки падшего, ничего? Ты даже меня заставила превысить силу. Я же мог разрушить этот мир, ликан задери! — эльф злился, и сильно.

— Ой да брось! Я же тут дневала и ночевала, чтобы поймать момент выброса энергии и поглотить его. Не думаешь же ты, что мой новорожденный мир мне безразличен?

Вот теперь я окончательно поняла, что мы песчинка по сравнению с остальными мирами. Наш Синул уже так давно существует, но все еще считается новорожденным. Слава Всевышним, что мир до сих пор закрыт.

— Ты не поймала падшего. И судя по твоим словам, сюда он являться не собирался.

— Динар, ты дурак? — она это так буднично спросила, что мы все уверовали — да, дурак, — появись падший в моем мире, тут вся магия, к оркам собачим, фонтанировала бы. Выглядело бы как оглушительный фейерверк. Он такой глупости не совершит. А вот по его силе, которую он даровал этой изуродовавшей себя душе, я вполне могу его разыскать.

Теперь все становилось на свои места. Все события стали понятны и улеглись в общую понятную картину.

— Что с Атаром?

Если я все поняла правильно, то кашир пятьсот весен назад был на грани, а его оттуда вернули. Это бесследно не проходит.

— Умная девочка, — похвалила меня женщина. Она вмиг стала серьезной и величественной, какой мы ее увидели в самом начале, — я насильно держу его душу в теле. Одна ее часть уже за гранью. И я не могу ее вернуть...

— А, значит, необходимо отправить его туда, где ему уже пятьсот весен как нужно быть, — продолжить ее мысли на сей счет не составило труда. Я и так уже догадалась. Слез не было. Ведь жить так, как воин прожил последние пять столетий, я не пожелала бы никому. Его вменяемость временная, и, возможно, кое-кто божественный приложил к этому руку.

— Когда? — не выдержал феникс, крепко держа маленькую Энге на одной руке и обнимая Лаэкана за плечи другой.

Но Равновесие ответила не нам. Она смотрела на высокого и сильного воина, что уже отвоевал свою последнюю войну, и произнесла:

— Ты не покинешь этого места. Мне жаль.

Я низко опустила голову, стараясь не показать своего искаженного мукой лица никому.

— Но обещаю тебе перерождение в ближайшие десять весен и на Синуле, — уже веселее добавила черноволосая демоница. А в этой ее сущности я уже не сомневалась. Стоит вспомнить хвост у Баска и все ясно без слов. Она потомок самых первых существ — Древних. Именно в них вселились Смерть и Жизнь. Жизнь создала драконов, каких уже нигде не встретишь, а Смерть слепил из тьмы демонов. Вот только его сила не могла никого оживить. Это подвластно только Жизни. И тогда возлюбленная дала демонам вторую сущность — звериную. Так и появились две расы Древних: белые драконы и демоны-оборотни. Жаль, сейчас их потомки далеки от своих прародителей.

Но теперь все становится понятным. Широ унаследовал оборотническую сущность, Шантэль драконью, а Баск стал маленьким демоном. И только Равновесие сочетает в себе кровь всех.

Я мягко отстранилась от эльфа. Сейчас не время разбираться в наших отношениях. Это время в эфире, куда мы больше никогда не попадем, я хочу провести с Атаром и Ласканом. Нам есть что вспомнить и о чем поговорить. Широ меня понял и отпустил.

— Куилагур...

— Для тебя я Ку, милая. И да, я дам вам этот рассвет, но остальные вернуться.

Против никто не был. Светлый же ушел одним из первых. Он явно сделал это без помощи матери. Насколько же он силен? И как сильно ограничивает его силу наш мир? Ведь он и половины своей силы не тратил. Неужели ограничения закрытого мира так велики. Даже богиня не может их преодолеть.

События последнего рассвета для трех друзей останутся в памяти навсегда. Мы шутили, смеялись и грустили. Вспоминали, как строили нашу долину и сожалели, что отныне она мертва. Но Атар удивил всех, дав надежду на возрождение Трех лучей. Наше детище будет жить!

На следующее утро Широ пришел в эфир. Он просто обнял меня, а когда пришло время, стоял рядом.

Кашир, как всегда, не выдавал владеющих им сейчас эмоций. До конца верен себе.

— Я так хотел подарить тебе свою жизнь, разделить ее с тобой. Но способен подарить

лишь смерть. Прости.

— О чем ты? Ты подарил мне свою жизнь, — я стояла почти вплотную к воину, но не решалась его обнять. Между нами столько всего было, мы столько пережили, а сейчас стоим и мнемся как дети.

— Я умираю, так и не получив твоей жизни. Я упустил свой шанс. Любви в тебе больше нет, — он посмотрел на эльфа, — по крайней мере ко мне.

— Это не так.

— О чем ты?

— Я люблю тебя, и всегда любила. Раньше как мужчину всей моей жизни, теперь же, как брата, дорогого друга, за которого я, не задумываясь, умру. Ты уже отдал мне свою жизнь. Я помню каждое мгновение нашего счастья. Они запечатлены в моей и твоей памяти. Эти воспоминания всегда будут со мной, и никто не отнимет их у нас. Это и есть твоя отданная жизнь.

— Ты сказала, что умрешь за меня. Тогда ты отдашь свою смерть, а жизнь останется с ним, — воин кивнул на эльфа, — твоя жизнь никогда не принадлежала мне. Мне не нужна твоя смерть!

— Это не смерть, глупый.

— Тогда что?

— Я дарю тебе частичку своей души! Та, прошлая я, навечно останется твоей, как и ее чувства.

Потрясение. Наконец, ему открылась истина. Все чувства нельзя изучить. Нельзя понять их, не испытав на себе. Только тогда открывается истинный смысл любви, ее многоликости. Ни разу не полюбив, не познаешь это сладкое, щемящее чувство радости и тоски одновременно.

Тело Атара начало таять. Пришло время. Душа рвется за грань. Я все же сорвалась с места и порывисто обняла свою прошлую любовь, почувствовав ответные объятия на своей спине. Такие сильные, знакомые и будоражащие прошлое, а через вар совсем невесомые.

Я не видела, как развеялась душа. Легкий ветер, уходящее тепло под ладонями, и руки обхватывают лишь воздух эфира. Глаза я так и не открыла. Пусть в памяти он останется живым и необузданным воином племени свободных кочевников.

Укол в сердце, и пришедший на смену теплых объятий холод. Холод пустоты. Арк Тариван Атар, воин кашир, ушел за грань. У меня остался последний невыполненный долг перед ним. И его я исполню. Даже эфир не помешает мне спеть по душе сильнейшего в этом мире мага земли скорбную песнь. Я рада, что Ласкан не остался на прощание. У него не было выбора, но это пришлось кстати. Хватит и эльфа в свидетелях. Ведь пела я во всеуслышание.

Открой мне правду

Дитя мира нашего.

Коснись рукой своей,

В крови окрашенной.

Из неоткуда долгожданный

Наступит вечный отдых.

Неистово желанный

Укутает в объятьях.

Откроет память,
Заставит вспомнить о былом.
Оставишь зависть,
Не сожалея ни о чем.

Случившееся грянет
Как хищный ливень с облаков.
Попавшихся утянет
Как недостойных слабаков.

Останусь я.
Ты будишь помнить банши,
Что грела у огня,
Последнее тепло отдавши.

Мой лик застынет
На века в сознании твоём.
Ты будешь видеть
Что отдаляюсь я в своём.

Но не пугайся,
Твоя любовь всегда с тобой.
И не прощайся
Не закрывай глаза, укрывшись мглой.

Мы встретимся,
Доверься другу.
Ответно улыбнемся,
Скрывая боли вьюгу.

Протянешь руку,
Я свою в ответ подам.
Но не хватит духу
Друг друга коснуться нам.
В образовавшейся тишине раздался твердый голос моего учителя.

— Твоя жизнь принадлежит мне.

— Да, Широ, — не было смысла это отрицать. Любовь к нему никогда не уйдет, пусть вместе нам не быть.

— И ему тоже.

— Да.

— Мы подеремся, — рык за спиной.

— Ха-ха-ха. Только когда ты уйдешь за край, — достать Атара сейчас у него не получится.

— Зато когда иду, я ему хорошенько вмажу.

— Да пожалуйста! Даже весело будет. Разнообразишь ваше посмертие. Вот только он переродится раньше, чем ты умрешь.

— С планом накладка вышла, — он задумался, — значит, найду его в нашем мире и тогда уж точно врежу. Я ему задолжал хороший удар в челюсть.

Я понимала, почему эльф нес всю эту белиберду. Он просто не хотел, чтобы я плакала, и праздными разговорами надеялся меня отвлечь. Стоит признаться, у него почти получилось. Когда мы вернулись в наш мир, и Широ оставил меня в моей личной палатке, я все же расплакалась. Как я не уговаривала себя, что очень скоро снова его увижу, слезы не прекращались. Конечно, я могу никогда не узнать, кем родится Атар, но сама мысль, что он будет ходить по той же земле, что и я, и дышать тем же воздухом, делала меня счастливой. Но истерике на это было все равно. Из меня просто выходила вся боль и переживания прошедшей войны. Пусть лучше так, чем уничтожить повторно долину, пытаюсь побороть стресс.

[1] Milva — коршун

Глава 21 Кто мы, стоящие на краю перемен?

Не позволяй твоему прошлому определять твое будущее
Натаниэль Бузолич

Я стояла на том самом холме, где почти четыре месяца назад мы расконсервировали Три луча и впервые ступили на сожженные земли. Сейчас мало что напоминало мне о том ужасе, что творился здесь. Главный город, который окружали четыре действующих портала, сейчас встречал своих новых жильцов новыми домами и множеством строек по всей своей территории. Дриады были столь щедры, что предоставили нам все материалы для отстройки Первого луча, так мы назвали наш центральный и самый первый восстановленный город.

Впереди нас ждали еще сотни поселений и городов, что когда-то были густо населены. Север исправно занимали эльфы, оборотни и мелкая не опасная нечисть, на юге селились дроу и демоны. Запад оккупировали люди, а восток достался гоблинам, троллям и кочевникам. Гномы же облюбовали местечко на северо-востоке в горах Рвущие небеса. Атар лично трудился над их созданием около пятидесяти весен. У нас была даже пустыня для некоторых видов демонов, и море для водного народа. Не зря кашир называли самыми сильными магами земли. Создать целый мир в подпространстве способен только великий маг. И Атар был им. Одним из самых сильных воинов своего племени и, несомненно, самым талантливым творцом. Его долина была самой обширной и разнообразной. В ней каждый мог найти свое место.

Я снова окинула рассеянным взглядом развернувшуюся стройку и посадку леса с севера от города. Лес нам необходим, он прикроет Первый луч от порывистого ледяного ветра зимой. И дриады с удовольствием способствуют его росту, надеясь, что когда-нибудь на этой земле вырастут живые деревья и родят им новых сестер.

А вот нашей некогда полноводной рекой занимались кельпи. Им был обещан левый берег, если они наполнят пересохшую Мираши водой и восстановят ее ток. Трава же по всей территории долины начала расти сама собой, как только хозяин вернулся.

Да, хозяин вернулся в долину. Он очень быстро нашел желающих переселиться в Три луча и дал территории, где им предстояло обжиться и восстанавливать как флору, так и фауну. Всего четыре лунных цикла, а долина преобразилась до неузнаваемости. Ласкан постарался на славу. Атар бы им гордился.

Тогда, в эфире, кашир решил передать полномочия хозяина долины фениксу. Это было отличным решением, но оно не позволило Ласкану попрощаться с Атаром. После магического ритуала новый хранитель должен был уйти в долину и как можно быстрее. Цепь, связывающая Три луча и феникса, была неустойчивой и могла в любой момент оборваться. Только присутствие в самой долине могло ее укрепить. И все вышло. Подпространство слушалось Ласкана не хуже воина кашир. Возможно, сказалось долгое проживание в долине или крепкая дружба, породнившая Атара с фениксом. Тем не менее, связь была идеальной. Да уж, Коршун никогда не смог бы найти общий язык с Тремя лучами. У него долина медленно, но верно умирала бы.

— Данка! Слезай оттуда! У тебя работы по самое не балуйся! Отец уже зашивается! — громкий голос звал меня откуда-то снизу. Мне даже не нужно было опускать голову и

смотреть на говорившего. Я и так знала, кто явился по мою душу. Второй зи Верт Налло, еще наглее и вреднее папочки!

Фиолетововолосый феникс перенял манеру разговора и поведения от Ласкана. А еще жутко любил меня доводить. В силу того, что официально он все еще ребенок, злиться на него всерьез глупо. Но подзатыльники никто не отменял.

— Всевышние, и пяти вар нельзя провести в одиночестве, — тяжело вздохнула и начала спуск в низину.

Я догадываюсь, почему они не оставляют меня одну. Не хотят, чтоб я грустила. Но боль не выключишь. Она уходит только когда сама того захочет. А моя боль подпитывалась отсутствием нескольких дорогих мне существ.

Баск вернулся в эльфийскую империю, как только остатки его войска залечили раны. Обещался приехать в конце весны, когда наладит все дела. Оно и понятно. Коронация кронпринца Марона назначена на второй весенний месяц. Ведь после похорон Альхерта должен пройти трехмесячный траур и месяц на подготовку праздника восхождения нового короля на трон. Раньше второго месяца весны торжество никак не проведешь.

Все главы государств обязаны присутствовать на коронации, в том числе король Гарны и Ритара. Принц Лиам Гарнский все-таки женился на принцессе Ритара и стал королем. Егс коронация была на прошлой неделе. Похоже, мирный договор не за горами.

Естественно, в такой важный для нашего мира момент Широ и Шантэль тоже вернулись к своему народу. Помочь с восстановлением остались только гоблины и кельпи. Ах да, еще драконы подсобили с сожжением старых домов и транспортировкой крупногабаритного мусора. А по большому счету все разошлись, каждый вернулся к привычной жизни. Это же собиралась сделать и я.

Остаться в долине в мои планы не входит. Слишком много воспоминаний о счастливых и болезненных моментах хранит это место. А еще здесь всюду чувствуется душа Атара. Он любил долину. Кропотливо создавал все, что сейчас окружает нас. Теперь каждый камень дышит его силой. Каждый холм, облако. Каждый порыв ветра шепчет его имя, скорбя по ушедшему хранителю. Долина стонет, перебарывает себя и восстает из пепла, следуя за новым хозяином. Но сила и чувства старого навечно отпечатались на ее лице. Суть кашир, его чувства и эмоции, испытываемые в момент создания, не исчезнут из нутра Трех лучей никогда.

Пытка жить в таком месте, и ее я не хочу испытывать. Ласкан догадывается о моем решении, но ничего не говорит. Как всегда, тактичен в серьезных вещах. А ведь балабол балаболом, когда дело касается повседневных мелочей.

— Я уже думал, ты никогда не спустишься, — прервал мои мысли внезапно появившийся впереди Лаэкан.

— Кто бы знал, что у нежного рубина и стойкого сапфира выродится тиран аметист, — пробурчала себе под нос и уже громко мальчишке, — иду я!

— Ты ползешь. И с каждым таром все медленнее, — меня подхватили под руку и потянули в сторону деревьев, где скрывалась полуразвалившаяся арка портала. Спустя вар я поняла почему. Возле пролеска нас ждал Кайа и исхудавшая Паля. Духу земли тяжело дался разрыв связи с хозяином, но она смогла выжить, став компаньоном молодого феникса. Лаэкан унаследовал вторую стихию от матери, и ей оказалась земля. Только это удачное стечение обстоятельств не дало Пале отправиться за Атаром.

— Эм, Дана...

— Цыц, мелкий, — перебил мнущегося кельпи Лаэкан, — я взял тебя не для разговоров, а как транспортное средство. Поэтому исполняй приписанные тебе функции. Обращайся.

И Кайя послушался. Он вообще старался брать пример с ответственного феникса. Возраст у них не сильно разница, но хранитель истории, как старший, взял на себя функцию главного в их дуэте.

— Садись, Дана, — кельпи опустил колени в наст белоснежного снега. Я до сих пор не могу на него забраться без седла. А седла на нем никогда не будет.

Морозить дальше мелкого не стала и просто села на вороную волну. Тепло, сильное сердце бьется, отдаваясь глухим стуком в обхватившие бока голени. Умиротворение, что наплывало так же внезапно, как и боль по утраченному. Сколько не плачь над пролитым молоком, оно не вернется в прежнее состояние. И я смирилась со своей молочной лужей потерь. Правда, смирилась. Боль не ушла. Она, наверное, всегда будет тупым клинком биться в мою душу, но, к счастью, больше не введет меня в отчаяние. Я собираюсь стать счастливой. Ведь даже долину Мертвого рассвета смогли восстановить и вернуть ей ее прекрасное светлое имя. У Трех лучей будут новые поселенцы, молодые поколения всевозможных рас и их защита. Даже демоны, что живут где-то очень далеко, а я подозреваю, что вообще не в нашем мире, решились переехать в долину. Пусть всего пара кланов, но это уже больше того, на что мы надеялись даже в самых смелых мечтах. Наш мир возродился из пепелища старого, как и его новый хозяин. Феникс стал не только хранителем, но и символом удачи и долгой жизни для Трех лучей.

И я верю в это уже сейчас, сидя на вороном кельпи, кутаясь в ворот кожаной на меху куртки и смотря на совместную работу всех рас Синула. Даже зима не стала им помехой, как и пронизывающий насквозь ветер, что успокоился всего несколько рассветов назад. Но погода все еще стояла холодная. Снег шел чаще по вечерам, а на утро радовал глаз белоснежными барханами повсюду и ровным покрывалом на полях. Природа спала. Ветер веял безмятежностью. Все отдыхало от недавних смертей, боли и разрушений. Но всего через пару рассветов сойдет снег, Мираши выйдут из берегов, а на полях пробьются, впервые за пятьсот весен, ростки злаковых. Весна придет в наши края, неся жизнь и свет всему живому. Дриады как раз успеют высадить все саженцы до первых теплых рассветов. Тогда, вместе с жизненной силой весны, деревья примутся лучше.

За разглядыванием природы и тех изменений, что произошли с нашим приходом, я не заметила, как оказалась у отстроенного заново особняка — резиденции хранителя. Мой дом.

Сейчас это здание мало напоминало прошлого себя, но знакомые улицы и вид все равно будоражили память и бередили старые раны. За моей спиной стоит дом его семьи. Он поврежден, как многие здания, но не разрушен. Я помню, как кашир оставил меня в главном доме, а сам построил для себя другой, смотрящий прямо в лицо резиденции. Два мальчишки сорванца с белоснежными волосами и красавица жена — оборотница. Их лиц мне никогда не забыть. Не уберегла. Два свидетельства жизни Атара, два его продолжения. Они ушли вперед, ожидая, когда же отец пойдет за ними. Он и пошел. Только гораздо позже. И это тоже, отчасти, из-за меня.

На встречу из дома вышла гоблиана. Вот кто послал феникса за мной. Подруга уже изучила меня и принципиально не дает уйти в себя, загружая разнообразной, но, в принципе, не срочной работой.

— Сушка, ты хочешь, чтоб из тебя ледяными ветрами остатки души выдуло. Куда ты полезла в мороз, да еще в одной куртке! — ругала меня Ратха, укутывая в плед, и все

норовила заглянуть в глаза и определить степень моего нежелания жить. Зря, жить я хотела. Меня мучало совсем другое. И избавит меня от этого только уход из Трех лучей.

— Веди ее в дом. Я уже чай разлил, — на пороге появился Алкай, и тут же исчез в глубине предбанника.

Уже сидя за накрытым столом (вижу я, как у них работы много!) и медленно наслаждаясь горячим напитком, я кинула заинтересованный взгляд на сидящих напротив меня друзей.

Огонек нежно обнимал Ратху за талию, а та в свою очередь играла с воротом его рубашки. Необычная пара. Болотно-зеленая гоблиана, ростом с Алкая и рыжий смуглый оборотень. Он альфа, и у него стая. Она Первомать, за ней целый народ. Как они будут вместе? А все просто. Алкай переселяет всех рыжих волков в долину. Здесь условия благоприятней, чем на человеческих территориях. А его возлюбленная итак под боком. Она вполне может себе позволить большую часть времени проживать в Первом луче.

— Чего это ты так странно на нас смотришь и хитро улыбаешься? — заволновалась Ратха.

— Рада за вас. Искренне, — не соврала ни единым словом, — когда только узнала, не поверила. Удивили вы всех.

— Сами в шоке, — ответил Алкай. Ему-то побегать пришлось. Первомать не из робкого десятка, такую нужно добиваться. И судя по тому, что я вижу, оборотню удалось.

— Вот, держи, — на стол лег свиток, — хотела, чтобы ты поела вначале, — объяснила свою задержку в доставке почты Ратха.

Я взяла письмо и сорвала эльфийскую родовую печать. Никто, кроме меня, не смог бы распечатать свиток.

«Дорогая Суа, рад был услышать, что главный город почти полностью восстановлен. Жаль, в этом я не принимал участия, обстоятельства сложились против меня. Я приеду в конце весны. Возможно, даже в первом месяце лета. Раньше никак не выбраться. Совет злобствует! Как так? Владыка из правящего дома надумал жениться на девушке из какого-то второго дома. Ох, сестренка, какой был скандал! Пожалей хоть ты меня. Риандиэль вообще слегла с простудой от всех этих переживаний. Но положение спас дед. Он очень кратко и доходчиво объяснил, что потомкам богини не указывают, кого брать в жены. Как после его монолога совет в живых остался, ума не приложу. Поэтому буря миновала, и мы продолжаем готовиться к празднеству, что состоится в день осеннего равноденствия. Думаю, не стоит писать, что ты незаменимый человек на этой свадьбе. Обо всем остальном поговорим при встрече. Новости тебе расскажет курьер.

Дорожу тобой, сестренка!»

Навернувшиеся было на глаза слезы при прочтении письма вмиг высохли после слов о курьере.

— Кто принес письмо? — я насторожено посмотрела на заерзавшую парочку. Что-то здесь нечисто.

— Я, — раздалось из-за спины.

Тело будто молния прошибла. Зачем он явился? Мы же все уже решили. Нам не быть вместе. Я просила эльфа не приезжать в долину.

— Оставьте нас, пожалуйста, — мягко попросил Широ. Случайные свидетели нашей встречи поднялись и скоро вышли из столовой.

— Зачем ты здесь? — и только Всечувствующие знают, чего мне стоило не скатиться на

визг. Отчаянный.

Я уже попрощалась с ним. У нас разные дороги и разные судьбы. Так зачем он сыпет соль на только начавшие затягиваться раны?

— Ты едешь со мной, — спокойный, решительный ответ.

— Нет.

— Да, Су. Здесь тебе нечего делать, — эльф сел напротив меня, — ты страдаешь, и не увидать этого может разве что слепой.

Я отвела глаза. В этом он был прав, но с ним я точно не поеду.

— Я дал тебе достаточно времени успокоиться и осмыслить свою дальнейшую жизнь. Тебя здесь держат только не отпетые души. Спой для них, отпусти на перерождение, и покинь долину.

Он все просчитал. Насколько было бы проще, схвати он меня как обычно, перекинь через седло связанную и увези в закат. Не пришлось бы мучиться. Вот только в этот раз без моего согласия никак. Ему нужно мое добровольное решение, а не возможность через пару рассветов обозвать его тираном и обвинить в принудительном заточении. Такие отношения эльфу не нужны. Он пришел за чем-то большим, чем непостоянная связь.

Я искала того же. Но получить это не видела возможным. Если я сейчас соглашусь, уходить потом, громко хлопнув дверью из-за его женатости будет абсурдным. А этот момент его биографии будет грызть меня всегда. Так зачем соглашаться на то, что обречено на провал. Ведь его душа уже связана, и вряд ли мироздание даст Широ так легко сойтись со мной. Нам всегда было сложно друг с другом. А будет только хуже. Но даже это не было самой пугающей вещью. Страшной была наша несовместимость. Сила эльфа будит мою скрытую суть, которую я контролирую, но все еще боюсь. Одно дело, когда она спит и никто ее не трогает. Совсем другое, когда раздражитель находится рядом все время. И вот тут сомнения уходят, приводя к единственно верному решению, что уже принято. Возможно, я делаю ошибку, как и пятьсот весен назад, отказывая любимому мужчине, но я так чувствую.

— Нет, — и теперь окончательное. Последующее меня поразило настолько, что я просто застыла.

Широ уронил голову на стол. Я уже испугалась и даже вскочила, чтобы проверить, все ли с ним в порядке, но он приподнял лицо и, не смотря на меня, снова резко опустил, весьма ощутимо ударяясь о деревянную поверхность лбом. Ноги подкосились и я снова бухнулась на отодвинутый мной же стул. И только после третьего повтора я сообразила: эльф просто бился головой о столешницу. Что делать в такой ситуации, мне было не ясно, и я продолжила ошарашенно наблюдать за самоистязанием светлого. После десятка ударов, эльф поднял совершенно красный лоб с уже видимой шишкой и раздраженно произнес в пустоту.

— Ты выиграла. Довольна? Выходи.

И здесь меня нашел второй мысленный ступор. Я начала хаотично вертеть головой, выискивая виновника творившегося здесь. Даже под стол заглянула, мало ли. Но новое действующее лицо появилось банально в дверях. Это была лилововолосая феникс, уже вернувшая свой взрослый облик, что удивило, но много меньше случившегося следом. Она вплыла в столовую и, положив свою бледную ладонь на плечо эльфа, произнесла: «Как всегда, милый». И вот тут у меня глаза на лоб полезли.

Откуда Энге знает Широ настолько близко?! Что вообще здесь происходит, орки засеки!?

— Энге... — в горле пересохло и вышел хрип.

Девушка вскинула на меня ясные голубые глаза с черными прожилками.

— Я была лучшего мнения о твоей сообразительности, — разочарованно произнесла она.

— Куилагур! — а теперь сухость в горле не помешала мне выкрикнуть имя богини.

— Умница, быстро исправилась. И предвосхищая твои вопросы, я могу явиться в закрытый и слабый мир, такой как Синул, только в исключительных случаях или в теле его жителей. Вот и вселилась в первую попавшуюся особь женского пола, что была к вам ближе всего.

Я замороженно слушала гипнотический голос богини и медленно складывала дважды два. Сложила.

— Ласкан!

— А! — розовая шевелюра качнулась и появилась в проеме столовой.

— А еще принц, — я осуждающе покачала головой.

— Эй, я не один был, — намекая на главную роль своей благоверной в деле подслушивания, феникс подошел к нам, — ты хоть раз пробовала остановить женское любопытство? Это не-воз-мож-но! — и он плюхнулся на стул рядом с Энге, точнее, ее телом.

— Верну я тебе жену, — буркнула Ку внимательно смотрящему на нее фениксу, — и нет, я не скажу, — не оставляя шансов передумать, отрезала она.

— О чем ты? — задал вертевшийся у меня на языке с самого появления богини вопрос эльф.

— Он хочет знать, ждешь ли ему дочь или сына, — сдала с потрохами пернатого создательница миров, — будь терпеливее, хранитель истории. Немного загадки в жизни тебе не повредит.

— Поздравляю! — это первое, что пришло в голову от столь неожиданного объявления.

— Спасибо, Данка. Я тебе первой хотел сказать, — и он вновь испытующе уставился на богиню.

— Нет, ну непрошибаемый индивид, — Ку в теле Энге положила руки на талию, — я не по твою проблему пришла, — она низко наклонилась над Ласканом, грозно смотря прямо в его розовые рубины.

— Ладно, — феникс отвел глаза первым, — благополучие банши для меня тоже очень важный вопрос, — и теперь его внимание было всецело моим.

— Сынок, мы договорились о десяти ударах головой и еще десяти подзатыльниках, верно?

— Верно, — простонал эльф, явно пожалевший, что позвал богиню.

— Будешь знать, как спорить с матерью.

Куилагур замахнулась для первого подзатыльника и обрушила свою ладонь на... столешницу.

— Прощаю на первый раз, — и она озорно улыбнулась, — но вот сейчас кому-то будет очень стыдно, милый.

— Простите, — перебила ни орка не понимающая банши, — какой спор?

Объяснять взялась богиня.

— Да этот охламон, — кивок на нахмурившегося сына, — был уверен, что самостоятельно сможет уговорить тебя уйти с ним. А я решила наказать его за излишнюю

самоуверенность и, прости сынок, тупость.

— Какую тупость? — огрызнулся эльф.

— Милый, Дана приняла бы твою силу и реагировала как на родную, если бы ты заключил с девочкой союз, — и Ку все-таки отвесила своему старшему отпрыску подзатыльник.

— Мама, — и это прорычали, — я женат уже не помню с какого тысячелетия. Ты смерти моей хочешь, — и он резко обернулся, зло буравя дыры в бессмертной.

— Дурак, — и новый подзатыльник. Если бы не руки, упиравшиеся в стол, нос был бы разбит. А так пострадал только лоб, — кто ты?

Ку требовательно взирала на сына, ожидая ответа.

— Эльф!

— И...

— Оборотень!

— И-и-и...

— Хр-р-ранитель р-р-равновесия! — Широ медленно закипал.

— Ты идиот! — вспыхнула богиня, и страдальчески приложила ладонь к лицу, — кажется, пребывание в закрытом мире и ограничение силы плохо влияют на твою сообразительность. Ладно, зайдем с другой стороны. Кто я?

— Богиня равновесия, — уже спокойнее ответил светлый, явно считая свою мамочку слегка «того». На ее вопрошающий взгляд продолжил, — моя мать.

— Вот! Я ТВОЯ МАТЬ! Я БОГИНЯ! — и она подняла руки вверх, показывая все свое величие, что смотрелось не очень, учитывая, что это проделывало тело феникса, — я два раза была замужем, — Ку буквально перед носом первородного трясла двумя пальцами, — и два раза за эльфами. Полный союз. Завязка на жизненную энергию. Но, как видишь, я все еще жива и свободна. Нам, богам, индифферентно какими оковами нас связывают. Мы рвем их без последствий. Потому что мы выше! — она взяла эльфа за подбородок, требуя полного внимания, и проникновенным голосом спросила, — так кто ты, милый?

Дальше был хаос. Широ подорвался, опрокинул стол, отшвырнул стул, подошел вплотную к сжавшейся от грохота и летающей мебели мне и, перекинув через плечо, в пару прыжков оказался у дверей в мою спальню. Я не сопротивлялась, я просто ожидала развития событий. И оно последовало. Эльф открыл дверь ногой, так же и закрыл ее. Потом меня аккуратно, что поразило, ведь на плечо меня закидывали весьма грубо, ссадили на кровать. Я скованно замерла, а Широ на корточках присел между моих коленей.

— Дошло, наконец, — облегченный выдох богини донесся до меня приглушенно, но различимо. А мне предстояло узнать, что же понял эльф.

— Im allen meletha[1]

Сердце сжалось, но я не проронила ни слова. Эльф нежно коснулся моей щеки, запутал пальцы в распущенных каштановых волосах и мягко потянул на себя. Я знала, что последует дальше. Знала и не желала экспериментировать с жизнью любимого. Потому карамельные половинки губ встретились с моей щекой. Это было похоже на дежавю, только моя роль была другой.

— Позволь мне, любимая, — шепот шевелит волосы у виска.

— Не стоит, — как же тяжело было это произнести.

Я осторожно отстранилась и встала, готовая покинуть собственную спальню и прошлую жизнь раз и навсегда.

— Не стоило тебя отпускать с магом, — Широ не дал мне его обойти. Прижав к стене, он крепко держал меня за плечи, продолжая говорить все мне в лицо, — не стоило скрываться в твоей тени столько весен. Не стоило тянуть с признанием. Не стоило молчать столь о многом, строить огромные кружева лжи и непонимания. Совершенно точно не стоило отпускать тебя пятьдесят весен назад с разбитым сердцем и ненавистью ко мне. Много еще чего не стоило, но не это!

Загрубевшие пальцы медленно, но верно обхватили шею сзади, не оставляя и шанса вырваться, а большая ладонь обняла мою спину, прижимая еще ближе к столь желанному телу. Широ невесомо скользнул губами по переносице так, что нижняя почти не касалась лица, в то время как ее пара зацепилась за кончик моего носа на пару мучительных ван. Это была пытка и наслаждение одновременно. Ожидание поцелуя было много раз трепетнее его самого.

Но вот прикосновение срывается, и больше медлить ни один из нас не в силах. Обветренный бархат захватывает мои губы. Вкус горького меда на губах и непередаваемое блаженство внутри. Это больше, чем связь сердец. Больше, чем слияние тел. Это единство душ, разума и силы. И это я испытывала впервые. Такой поцелуй всегда с согласия двоих. С желанием стать оплетенными и связанными на всю оставшуюся жизнь. И мы стали!

Я, наконец, узнала его вкус. Наше слияние стало гораздо откровеннее. Уже не только губы связывали нас, но и влажный язык, что властно требовал к себе внимания и дарил яркие, чувственные ощущения.

Резкая, отрезвляющая боль в предплечье заставила промычать в губы эльфю. Широ понял и отпустил меня. И только спустя вар я осознала, что боль была общей. По нашим рукам, от запястья и до плеча вился золотисто-синий росток хейши. Брачная метка.

— Не может быть! Это... это...

— Да, — грудно произнес Широ, — она самая.

— Я что, замужем?!

— Да, — и эльф начал радостно скалиться, обнажая вторую ипостась.

— За тобой?! — мне в это не верилось и я попыталась оттереть рисунок. Полное игнорирование моих действий татуировкой привело к все тем же выводам. Я замужем за эльфом!

— Милая, ты можешь хоть до дыр стереть свою кожу, но связь душ тебе не разорвать. Ты сама отдала мне себя. Полностью.

И это было правдой. Иначе от простого поцелуя такого бы не произошло.

— Но как? Я теперь вторая жена, — и тут меня накрыло отнюдь не растерянностью, а чем-то более агрессивным.

— Тихо, моя девочка, — меня обняли, не без усилия, так как злость накатывала все сильнее.

— Объясняй, вислоухий. И лучше бы всему быть совершенно не так, как я думаю, — попыталась вырваться, но Широ был не промах и сообразил, что руки блокировать разъяренной банши нужно в первую очередь.

— Я полубог, Суа. Я могу разорвать связь с Зивелени просто одним желанием, что только что и сделал. Результат ты видишь.

— Так почему не сделал этого раньше? — только идиот не услышал скепсис в моих словах.

— Я слишком долго жил как светлый, отринув свою божественность. Сила долгое время

была для меня проклятьем, а не даром. Но сегодня она спасла нас, — и меня крепко и страстно поцеловали.

— Ну здравствуй, жена, — дыхание у самых губ и новый головокружительный танец алебастровых половинок.

— Попридержи сильфов, полубог! — я отстранилась и спросила в лоб, — Ты и меня так же бросишь, когда надоем?

— Ха... ха-ха-ха, Всевышние, Су! Ты прелесть, — и меня обняли еще сильнее, — всего вар как мы женаты, а ты уже ревнуешь и думаешь о разрыве. Ты в своем репертуаре, банши.

Меня чмокнули в нос и отпустили.

— С тобой, моя осторожная жена, я заключил союз как полубог, а не как эльф. Такой брак не расторгнуть даже мне.

Широ сел на кровать и поманил меня занять место рядом. Сопrotивляться не стала. Мягко скользнула на шоколадное покрывало и, на удивление, без зажатости и неловкости обняла эльфа, будто поступаю так каждый рассвет. В ответ получила теплую улыбку.

— Моя мать никогда не выходила замуж в своем истинном облике. Она вселялась в существ, что умирали по каким-то причинам, и использовала их тело, как свое. Поэтому заключенные союзы обязывали только ее плоть, но не душу. Да и не влюблялась она настолько безрассудно, чтобы связать себя узами вечности. С моим отцом она прожила много тысяч весен, но когда пришло время, она не осталась с ним в истинном облике. Он вообще не знает, что был женат на богине, — Широ грустно улыбнулся. Видимо, разлука с женой тяжело далась его отцу.

— А второй муж?

Я аж подскочила на месте сидя, когда от дверей раздалось громкое:

— А второй был правителем дреу, сыном владычицы. От него у меня второй сын, Фистанир, — богиня все еще была в теле Энге, а по сему не удивительно, что за ее спиной маячил феникс.

— Ясно, — тихо ответила, лишь бы что-то ответить.

— После смерти сосуда, я ушла и от него, — ни капли не переживая по этому поводу, просветили меня.

— Ты что-то еще хотела, мама? — не скрывая раздражения, уточнил мой муж. Всечувствующие, как звучит-то!

— Фи, как грубо. Я тебе личную жизнь устроила, а ты мне не рад.

— Давай, я в другой раз порадуюсь, а сегодня у меня первая брачная ночь, — и эльф посадил меня к себе на колени, переплетая пальцы наших правых рук, тем самым выставляя на всеобщее обозрение еще светящиеся брачные побеги.

— О! Какие вы шустрые, — богиня подошла ближе и взяла нас за запястья, — ты в курсе, что попал, сынок. Тут даже Тьма не порвет связь.

— И слава Всезнающим, а то у моей жены сомнения слишком быстро убивают здравый смысл, — и извиняющийся поцелуй в щеку. Только раскаяния в глазах ни капли. Скорее подтверждение словам, что таки да, я люблю надумывать всякие страхи.

— Ну и ладушки! А теперь, как мать жениха, я преподнесу вам свадебный подарок.

Ку закрыла глаза, замерла и не шевелилась почти пять вар. Все это время мы дружно, молча, смотрели на нее. Тишину разрушили вошедший Палан и Кайа, но их быстро заткнул Ласкан, приобщая к всеобщему созерцанию живой статуи божества.

— Вот и все, — богиня резко распахнула глаза, даже немного напугав внезапным

движением.

— Э-э-эм? А что вы сделали? — первой не сдержалась я.

— Она вмешалась в будущий поток событий, — настороженно пояснил Широ, — что ты сделала, мама?

— Много будешь знать, плохо будешь спать. Придет время, вы все поймете, — и Ку ласково улыбнулась, — тебе, моя последняя скорбящая, это будет приятным сюрпризом.

Больше мы не спрашивали. Даже эльф осознал, что пытаться мамочку бесполезно. Богиня сказала свое слово.

— А теперь к вопросу о тех, кто с гривой, — Ку резко повернулась к кельпи, — долго молчать будешь?

Последующее меня крайне удивило. Палан повесил голову, не смея смотреть на мать Широ, а все его тело было крайне напряжено.

— Я не достоин смотреть на вас, не то что просить о чем-либо, — слова явно давались ему с трудом, — молю лишь оборвать мою агонию.

И кельпи грохнулся на колени, будто его скалой придавило. Кайя стоял неподвижно рядом с братом и беззвучно ронял слезы, сдерживая недостойные воина всхлипы. А я ничего не понимала.

— Драма-драма-драма, — богиня закатила глаза, — любите вы трагедии разыгрывать.

Одним плавным движением Ку оказалась в тане от Палана и, схватив того за подбородок, зло выдохнула прямо ему в сведенное судорогой лицо:

— Ты, безмозглая лошадь, заставил страдать собственного брата из-за якобы своей недостойности. Да, ты тварь еще та, и на моем попечении ванильных гор тебе не видать, но и смерти твоей не бывать. Пока.

И она оттолкнула тушу кельпи от себя, как пушинку.

— Она его Iani, — пояснил ситуацию всем собравшимся Кайя.

— Пф-ф-ф ха-ха-ха, — это я не выдержала первой, — я же говорила, что ты свое получишь, ха-ха-ха.

Вот же попал зверобратец. По крохам того, что я уже знаю о Куилагур, ему будет очень весело и беспокойно житься.

— Не сомневался в твоей поддержке, миледи, — не упустил возможность рыкнуть на последок Палан.

— Ладно, дела я здесь закончила, можно и возвращать фениксу жену.

Да-да. Ласкан провел обряд втихаря, сообщив нам уже после всего действия, что женился.

— Не кисни, сынок, — богиня поцеловала сына в лоб, — за тобой позже вернусь, — обнадежила Палана Ку. А тело Энге начало светиться.

— Не ломай больше равновесие, мама, — тепло поддел Широ, и улыбнулся уходящей богине.

— Клянусь Тьмой, — хихикнула Равновесие и свечение погасло. Она покинула наш мир.

— Она никогда не изменится, — тяжело вздохнул мой муж.

— То есть? — мне было не понятно его недоверие к собственной матери.

— Она поклялась моим дядей, — не дождавшись понимания, эльф пояснил, — мой дядя — Тьма. Он бог и бессмертен. Как думаешь, она сильно переживает, что он умрет от не сдержанного ей обещания?

— А-а-а-а. Ну тогда да. Есть из-за чего тревожиться, — поддержала своего полубога, внутри свято уверенная, что Равновесие не первую тысячу весен без сына живет и пока миры не разрушила. Просто Широ сверх заботливый у меня.

— Энге, милая, ты в порядке.

Ласкан осторожно держал в руках жену, будто судьбу мира, и нежно спрашивал о ее самочувствии. По виду, с ней все хорошо. Но феникса не убедить. Слишком тяжелы воспоминания о прошлой трагедии и боли, что пережили оба.

И так ясно, что Энге была юной девушкой и легко попала под влияния недругов Ласкана. Она и предположить не могла, что ее любимого подставят, а она сама будет изуродована на всю жизнь. Мысль о самоубийстве так же легко поселилась в голове Энге, как и любовь к принцу, почти убитая произошедшим. Принцесса дала Ласкану выбор: взять вину на себя или выдать ее. Но мой благородный рубин поступил по совести, за что был изгнан. Всевышние, а ведь девушка была уже беременна, когда вонзила кинжал себе в сердце. И только чудо дало возможность Лаэкану переродиться вместе с матерью и появиться на свет спустя триста лет. Думаю, смерть феникса остановила развитие младенца до полного восстановления материнского организма. Ведь только наш Ласкан способен восставать из пепла без изменений. Остальные же возрождаются слабыми детьми, и им нужно много времени на рост и восстановление магических сил. Именно перерожденного феникса проще всего убить. У него нет сил на повторное восстановление, и существо гибнет. Правда, в большинстве случаев, магия рода охраняет птенца, создавая защитный барьер. Вот только охотники знают, как сломать его. Сложный ритуал, жертвоприношение Всенижнему, и у тебя универсальный исцелитель.

Не удивительно, что фениксы скрываются. Но теперь в этом нет необходимости. Три луча вновь станут им домом. Так сказала королева Энге.

Девушка восстановилась, разобралась в творившемся хаосе, что последовал после ухода фениксов из долины, и сместила короля. Изгнание Ласкана она себе так и не простила. Зато отомстила заговорщикам, метившим на трон. Энге убрала всех, завоевав корону действиями, а не интригами, и привела свой народ к миру и единодушию. Тогда же родился Лаэкан, как подтверждение любви.

Мальчик был сильным знающим. От отца ему досталась способность к мгновенному восстановлению и магии воздуха. Лаэкан стал самым сильным представителем своего рода, не подвергшись проклятию нимфы, что есть у Ласкана.

Феникс сильно гордится своей семьей. Узнав всю историю, он немедленно простил любимую и потащил ее к храму. И я за него счастлива. Он любил за всю жизнь лишь одну женщину и, наконец, способен ее защитить.

Но больше всех горд Лаэкан. Он всегда стремился стать сильным и, однажды, найти отца. Мать много ему рассказывала о Ласкане, но мальчику этого было мало. Я до сих пор помню его сияющие счастьем глаза, когда он впервые увидел феникса в своих видениях. Тогда он видел его в бою. Не гордиться таким сильным и самоотверженным отцом было невозможно. Пожалуй, Ласкан и Лаэкан, «ла» от имени отца, «э» от имени матери, «кан» приставка клана, обладатели самых крепких семейных уз отца и сына.

— О чем думаешь? — мое ухо согрело дыханием.

— О том, что им нужна девочка. А то Энге этих двоих друг от друга не оттянет. Они ж с Лаэканом не разлей вода.

Я смотрела на суетившегося вокруг жены феникса и радовалась его счастью. А уж как

наслаждалась вниманием будущая мать. Видно, что с ней все в порядке, но она не упускает шанса споткнуться или тяжело вздохнуть. Пользуется долгожданными ухаживаниями любимого по полной.

— Со мной такое не пройдет, — шепнули мне и демонстративно прикусили ушко.

— Посмотрим, — расплывчато ответила, будучи уверенной, что плющить эльфа будет гораздо сильнее.

Что же касается Шантэля, то этого непоколебимого эльфа совратила-таки глава совета. Она и раньше на него заглядывалась, только дроу ходил в шрамах и все отнекивался тем, что слишком обезображенный для спутника главы совета. А тут на тебе, трансформация слизала увечья, как горгулья языком. На сто процентов уверена, что Шантэль знал об своих возможностях, но специально не избавлялся от шрамов. Они были ему напоминанием о жене и наказанием, за то, что не уберег свою светлую эльфийку. Да-да, мама Баска была светлой. Оттого Владыка и не похож на отца. Зато теперь он жутко счастлив за Шантэля. Эта дроу оказалась не робкого десятка и, увидев такую хорошую возможность, прибрала нашего эльфа в любовники. О большем пока даже говорить не стоит, но хотя бы дроу больше не одинокий затворник. Теперь он посол у черных драконов, с которыми они после войны решили наладить связи. Хоть один плюс у прошедших событий был — все расы сплотились как никогда.

А я была просто счастлива, что все закончилось. Моя первая брачная ночь была прекрасна. Она была полноценной, а наши души пели в унисон. Ничто больше не преграждало нам путь в будущее. Лучшее будущее, о котором раньше мы не смели и мечтать.

Крик. Крик банши раздался над всей долиной, неся за собой идеальную тишину. Все замерло в ожидании скорбной песни. Ее ждали так мучительно долго, что уже не надеялись когда-либо услышать. Но это не так. Даже умершие теплили маленький осколок надежды на новое рождение. Они мучились на грани, закинутые страшной мертвой силой, не имея возможности ступить на ту сторону и уйти в поток на перерождение. Страдали, стонали и яростно звали скорбящую, не получая ответа до тех пор, пока не остался маленький, еле чувствующийся в мертвых душах последний осколок надежды. Осколок, что дал им шанс дождаться своей песни и не сойти с ума. Даже в самые страшные и отчаянные времена он находит место в душах и сердцах всех, даря стойкость, силу и мужество пережить время ненастья.

И вот посреди луга стоит она. Плакальщица, что остановит страдания, спев свою песню. А вокруг огромное количество свидетелей церемонии отпущения душ. Светлый Владыка с женой и своим верным телохранителем Радианом сен Алет, что был крайне озадачен статусом Широарта и теперь чувствует себя невероятно глупо. Первая мать и альфа рыжих волков. Алкай привел всю стаю, и они уже лунный месяц отстраивают свою деревню на востоке. Небольшой уютный домик уже готов принять хозяйку, и Ратха не собирается откладывать переезд.

Хранитель долины с семьей стоит за спиной банши. И только Энге, что обнимает его, знает, как бешено стучит сердце феникса от переживаний за дорогого человека. Лаэкан же не слышит этот надрывный стук, ведь его уши заложило от волнения, такого же сильного, как и у отца. За заботу об Ласкане и самоотверженность в прошедшей войне банши стала

примером и дорогой тетушкой для молодого знающего.

С боку от хранителя за всем наблюдает король Марона, Аран. Его зеленые ведьмовские глаза отливают огнем в закатных бликах. Он единственный из трех сыновей Альхерта унаследовал силу своей бабки и деда. Третья страна людей в сильных и огненных руках.

Целый народ, что получил разрешение жить у реки, был еще одним свидетелем будущего ритуала. Но жрицу интересовали лишь двое. Черноволосый Палан и такой же темный юноша кельпи, только с белыми прядями. Тело Кайи вытянулось и обросло мышцами за предыдущую весну. Молодой конь подходит к своему совершеннолетию.

Светловолосый дроу соседствовал с брюнетом драконом. Они сильно контрастировали, но гармонии не нарушали. Вокруг них витала теплая и почти дружественная аура, заставляя окружающих смотреть на двух мужчин заинтересованно и с ноткой восхищения. Черный дракон иногда нервно поглаживал шею, поправляя отросшие до плеч волосы. Он никогда не признается, что опасается не найти шелковистые пряди сзади, которые символизируют его право быть вождем. Он, наконец, его вернул. На это с улыбкой смотрел Шантель, иногда косясь влево, где стояла стройная глава совета. Дроу не утруждала себя тайными взглядами и открыто пялилась на своего избранника. Ведь она так давно о нем мечтала.

Вокруг собралось еще очень много союзников и жителей долины, но только один посмел нарушить правила и встать на место прошлого хозяина долины. Хранитель равновесия стоял в двух шагах от жрицы, по другую сторону алтаря, на котором обычно лежит умерший, и молчаливо поддерживал половину своей души. И эту наглость ему позволили все. Место Атара должно пустовать, но никто не смог убедить эльфа в том, что его жена должна остаться без поддержки и родственного контакта глаз, когда песня позовет банши. Перечить полубогу не посмел никто. А Суардана ла Эк рен Сиу ва Куилагур и вовсе затаенно радовалась такому повороту. Пустота и отсутствие того, кто столько весен поддерживал ее в тяжелом деле упокоения умерших ввела бы девушку в уныние и душераздирающую боль. Хорошо, что эту пустоту заполнили. Она не исчезнет, а навсегда останется где-то глубоко внутри, но не замечать ее будет проще, ведь теперь она половинка чего-то большего.

Сапфировые глаза озорно блеснули, и, в очередной раз нарушая все каноны и предписания, первородный взял жрицу за руку. Со стороны зрителей раздался хмык и веселое «в своем репертуаре», что вызвало улыбки на лицах супругов.

Легкое сжатие сухих от ветра пальцев, еле уловимый кивок, и над летним цветущим лугом звучит начальное слово песни. Долгожданной и самой могущественной, что когда-либо знал этот мир.

[1] Im allen meletha — Я люблю тебя.

Приятный, нежный, чувственный и оттого вызывающий поток умильных слез!

Десять весен спустя

— Широ, милый, успокойся. Я уверена, что это все твоя богатая фантазия, — я легонько толкнула мужа плечом, сводя его паранойю к шутке.

— У него зеленые глаза, — не сдавался эльф, нервно подергивая головой.

— У меня золотые, у тебя синие. Он смешал оба цвета. Смотри, какие красивые, просто чистые изумруды, — и мой нос коснулся маленького детского личика, что тут же сморщилось от неожиданной ласки, — а волосы у него вообще рыжие. Так что перестань загонять свои мысли в тупик и возьми сыночка на руки.

— Су, сегодня ровно десять весен с его смерти, — хриплый голос резанул по чувствительному после родов слуху, но смысл кольнул гораздо глубже.

— Любимый, если он переродился нашим сыном, то это счастливейший рассвет в моей жизни. Эта душа измучана и нуждается в любви. Кем бы ни была сущность в прошлом, сейчас он наш сын, и дороже его на свете у нас никого нет. Я сделаю все, чтобы он рос любимым и самым счастливым ребенком на земле. Разве ты не чувствуешь того же? — я испытующе посмотрела на новоиспеченного папу.

— Умеешь ты сказать правильные слова, — и Широ впервые улыбнулся, отпустив свое напряжение, — а знаешь, у него мой нос и рот, — беря на руки Орхея, высказал свое мнение первородный.

— И уши, — хихикнула, при этом легонько дергая пальцами за длинное эльфийское ушко младенца.

— Блатик! Блатик! — с громкими криками в спальню молодой матери влетели два маленьких вихря. Один был рыжим мальчишкой с задорными болотно-зелеными глазами, а второй маленькой девочкой с шоколадными волосами и голубыми глазами. Острые ушки малышки свидетельствовали о ее эльфийском происхождении, а вот черный кожистый хвост с треугольным шипом на конце был явным атрибутом демонов.

— Лиана, он твой кхм... — стоящий в дверях Баск задумался, — двоюродный дедушка? — предположил Владыка и уставился на нас.

— Если назовешь меня бабушкой, я подарю эльфам лысого Владыку, впервые за всю историю Синула, — угрожающе прошипела я.

Широ усмехнулся в кулак, явно наслаждаясь выражением лица внука.

— А мне он тогда кто? — с детской непосредственностью спросил мальчик, тыкая пальцем в новорожденного.

— А тебе, — оттеснив Владыку, в комнату зашел Алкай, — он двоюродный брат. Не зря же его мама Первая сестра.

— Ага, — весело выдал маленький огонек.

— Так, семейство. Брысь из спальни! — шикнул посмеивающийся полубог, — и, Баск, научи уже свою дочь контролировать вторую сущность, — попенял Широ Владыке, так как его малышка уже раскидала все вазы и предметы, которым не посчастливилось встретиться с

хвостом прелестной демонессы.

— Она полу демон. Как ты предлагаешь мне учить демона? — вспыхнул светлый.

— Прабабушка тебе в помощь.

— Меня кто-то звал? — певучий голос раздался позади всей собравшейся родни и заставил меня вздрогнуть.

Все резко отшатнулись в сторону от входа, являя нам Энге. Вот только глаза выдавали присутствие существа совершенно иного порядка.

— Ма-а-а-а, — взвыл эльф, пряча лицо в пеленке сына. Рукой закрыться он не мог, драгоценная ноша этого не позволяла.

— Не ной. Могу же я посмотреть на своего второго внука. Столько сотен весен ждала, — и богиня подошла к кровати, — какое интересное сочетание во внешности. О! А в силе и того интереснее.

У меня сердце ухнуло.

— Чего разнервничалась? Молоко пропадет, — съехидничала богиня, — сильный он, вот и все.

Наш общий с мужем выдох был слышен всем. А потом раздался ор, явно недалеко от моей спальни.

— Отдай нам мать! — и два новых действующих лица в виде Лаэкана и его младшей сестры Элан влетели в гущу событий.

— Да ладно вам. Попользуюсь и отдам, — поспешила успокоить разошедшихся пернатых богиня. Вот только слова она явно не те подобрала.

— Она беременна! — выкрикнул Лаэкан.

— Не впервой, — отмахнулась Равновесие.

— Ты вошла в женщину в положении! — не сдавался феникс.

— В позезении! — грозно помахала пальчиком маленькая нимфочка с розовыми волосами. Она явно не понимала, о чем говорит ее брат, но старалась всячески его поддержать.

— И снова, не впервой, — выдохнула Ку, явно деморализовав этим противника.

Зато стоящий за спинами детей Ласкан был спокоен, как василиск. Он подпер собой стену и с легкой улыбкой смотрел на богиню. Внимательно и требовательно.

— Не скажу, — отозвалась на молчаливый вопрос «женщина в положении».

Легкий кивок и вредная улыбка во все зубы.

— Мелкие, мама вчера чуть в обморок не упала, не стоит так на нее кричать. Энге и так сейчас не легко, — наигранно несчастный вздох и у деток крышу снесло окончательно и безвозвратно.

— Отдай нам мать! — взревел Лаэкан, — иначе я силой тебя из нее выпну!

— Провокатор, — рыкнула богиня, смотря в упор на ухмыляющегося хранителя истории. Ей явно хотелось пообщаться с внуком, а не отбиваться от фениксов, учитывая то, что Элан уже и вовсе вцепилась в ногу матери и начала визжать, — ты решил лично возродить род фениксов не оставив шансов другим? — проведя по животу, фыркнуло тело Энге.

А в ответ все тот же немигающий взгляд и визг младшей из клана Налю.

— Непрошибаемый, — сквозь зубы процедила создательница этого мира. Ее явно переиграли, и богиня сдалась, — близнецы.

И это удовлетворило будущего папочку.

— Мелкие, пошли домой. Маму нам скоро вернут, да еще здоровее прошлого, — широко улыбаясь, феникс подхватил на руки дочку и за шиворот увалок Лаэкана вон из спальни.

За всеми боевыми действиями мы даже не заметили дреу, что уже вар пять строил рожицы нашему сыну и, по совместительству, своему брату. Зато заметила его бабушка.

— Шантэль, когда свадьба? — даже не взглянув на внука, задала неожиданный вопрос Ку.

— Эм... через неделю, — прошептал дреу, но мы его услышали, причем все. Так же, как и получили дозу очередного шока.

— Он тебя-таки развела?! — выкрикнул Широ нашу общую мысль.

— Она его-таки отцом сделала, — перекривляла богиня, — мудрая женщина и глупый мужчина. Или ты считал, что такого подарка она тебе не преподнесет?

Шантэль кивнул. Всевышние, да он так наивен. В матриархате женщина все решает, вряд ли мнение дреу вообще учитывалось.

— Правильно думал, — развеселилась Ку, — это я постаралась.

И так задорно она хохотала, что даже мы с Широ не удержались. Всем было ясно, что дреу любит свою женщину, просто боится завязывать более серьезные отношения. А глава совета терпеливая и ждала бы еще долго, если бы не одна взбалмошная богиня, лезущая в жизни своих потомков.

— Ладно, ребятки. Мне пора, а то зверолошадь поседеет от волнения, — и махнув нам рукой, богиня начала светиться.

— И как ты Ласкану проиграла? — ехидничал мой муж, — стареешь, мать.

— Кто сказал, что я проиграла? — и оскал в восемь клыков победно засиял.

Удивились все. Ведь она рассказала Ласкану про будущих близнецов, так в чем подвох? Вряд ли соврала.

— Не соврала ни единым словом, — подтвердила мои выводы Равновесие, — вот только пол я ему так и не назвала.

Удовлетворившись озадаченным лицом сына, Куилагур обратила свои небесно-голубые с черными молниями глаза на меня.

— Я же обещала сюрприз, — ее взгляд коснулся Орхея, — да и десять весен уже прошло.

— ТЫ-Ы-Ы-Ы!!! — зарычал мой эльф, но ничего уже не успевал сделать.

Комнату обдало яркой вспышкой, и под задорный смех свечение рванулось куда-то вверх, прочь из нашего закрытого мира. А внизу, где-то у выхода из нашего дома, громко чертыхался Ласкан. До него дошло слишком поздно.

— ЛИКАНОВА БОГИНЯ!!!

Его мнение, пусть и в меньшей степени, разделяли все.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net